

Шамиль ГАЛИМОВ

Прошлое как вера в будущее

**К 120-летию
Самарской Исторической мечети
(1891 – 2011 гг.)**

**ООО «Издательство «Книга»
Самара, 2011**

УДК 000
ББК 000
0-00

Галимов Ш.Х.

Прошлое как вера в будущее. - Самара: ООО «Издательство «Книга», 2011. 216 с; ил.

ISBN 978-5-91899-056-8

Книга издана по заказу Регионального ДУМ Самарской области при ЦДУМ России на средства Самарской Исторической мечети. Финансовая поддержка – Благотворительный «Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования» (Москва).

Рецензент – доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов.

Книга посвящена 120-летию Самарской Исторической мечети. Кроме центральной темы, рассматриваются также некоторые вопросы развития мусульманской общины города Самара до появления данной мечети и государственно-исламских отношений советского периода.

Адресована широкому кругу читателей, специалистам в сфере этноконфессиональных отношений, студентам и всем, кто интересуется историей Самарского края.

ISBN 978-5-91899-056-8

Галимов Ш.Х., 2011
ООО «Книга».

Об авторе. ГАЛИМОВ Шамиль Хайдарович (род. в 1958 году). В 1980 году окончил исторический факультет Куйбышевского государственного университета, работал учителем в сельской школе. С 1982 года – в журналистике, ныне редактор национальной газеты «Азан», член Союза журналистов Российской Федерации.

Многие годы занимается вопросами истории Самарского края. Результатом этой работы стали пять книг и десятки газетно-журнальных публикаций.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал содействие в издании книги. Это – Рустам Файзуллов, Адиба Рахматуллина (Муртазина), Хамит Аюпов, Гульнара Гаряева, Мурат Сафин, Ильдар Шакуров, Наиль Биктаев, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московский муфтият) Дамир-хазрат Гизатуллин, Российский Исламский университет имени Ризы Фахретдинова и лично Ахмет-хазрат Ахмеров и Мурсель-хазрат Ахметов.

Фото - Аняс МИНГАЛЕЕВ, Николай НИКИТИН, Абдрауф САФИН, Юрий СТРЕЛЕЦ, Шамиль ГАЛИМОВ.

На первой странице обложки – фото Соборной мечети Самары (на месте Дворца спорта) и Исторической мечети. **На четвертой** – проект будущей Исторической мечети.

*Светлой памяти мусульманских просветителей
и меценатов старой Самары посвящается*

Пространство и время

Вместо предисловия

В этой мечети особая атмосфера. Каждый, кто входит сюда, чтобы прочитать молитву и совершить намаз, чувствует в душе и теле своем еле уловимое, но всеобъемлющее успокоение. От мирских забот, суетных мыслей, взамен этого получая возможность в тишине поразмыслить о вечном, разумном и добром. И прикоснуться еще раз к истории, живым и нетленным памятником которой является мечеть на улице Казанской.

Эти стены впитали в себя дыхание эпох, в которых отразилась сложная и противоречивая судьба мечети, ее прихожан, Самары, а, значит, и всей страны в XX веке. В них глухим, беззвучным эхом слышатся шаги духовных наставников и просветителей ушедшего времени, их проповеди, которые до наших дней не потеряли ценности и глубочайшего смысла. Эти стены хранят память о прошлом - радостных днях укрепления веры, бурных днях революции и гражданской войны, жестоких репрессиях, слезах униженных и оскорбленных, боли безвозвратных потерь...

Мечеть на улице Казанской была построена в конце XIX века в центральной, деловой части дореволюционной Самары – быстрорастущего и во всех смыслах привлекательного города. Главными признаками его роста были стук «конки», дым паровых мельниц, шум пестрых базаров и ярмарок, пронзительные гудки причаливающих к волжским пристаням пароходов. Самара к тому времени уже сложилась как классический образец соединения разных культур и религий, для мирного сосуществования и взаимовлияния которых создавались все необходимые условия.

Мечеть на нынешней улице Алексея Толстого связала в единую нить разные времена и историю самарских татар XIX - XXI в.в. Поэтому она и называется Исторической. Ее строительство стало естественным итогом развития мусульманской общины Самары

в предшествующий период. После открытия, в течение четырех десятилетий, она была центром татарской общественной, национальной и духовной жизни Самары. А в конце минувшего двадцатого столетия стала одним из признаков и символов духовно-национального возрождения мусульманских народов Самарского края.

Старая мечеть самарский пейзаж не портит. Даже сейчас, когда от «той», дореволюционной Самары, мало что остается, она по-прежнему на своем месте. И не только в архитектурно-градостроительном смысле, но и в духовно-нравственном. Наш город преобразуется на глазах: места одно- и двухэтажных купеческих и мещанских домов бывшей Казанской улицы теперь занимают сооружения из камня, стекла и бетона, узкие улицы всегда полны автомашин...

Но сейчас, в век урбанизации и глобализации, в сердцах и душах наших должна оставаться вера и должна быть духовность. Их должно быть больше, чем все остальное, чтобы человек смог даже в наше непростое время оставаться человеком. И чтобы духовное начало в каждом из нас было выше материального интереса и потребительского отношения к достижениям цивилизации и окружающему нас миру. Поэтому сохранение вековых традиций в процессе освоения новых стандартов жизни становится теперь важнейшей задачей общества, государства и каждого из нас в отдельности.

Долгое время тема мусульманской и вообще религиозно-духовной истории нашей страны не была удостоена должного внимания исследователей. Она рассматривалась обычно с позиций материалистической философии, атеизма и пресловутой «борьбы с пережитками прошлого», и это лишало возможности комплексного и объективного подхода к изучению вопроса.

И лишь в эпоху национально-духовного возрождения (с конца 80-х годов) отношение к теме стало меняться. В Самарской области почин сделали национальные газеты. Прежде всего, здесь следует отметить многолетнюю плодотворную работу аксакала самарского мусульманского и татарского краеведения Муратага Сафина. Появилось несколько книг по истории татарских сел области. Очень ценный труд по истории башкир Самарского За-

волжья под названием «У истоков Большого Иргиза» написал большечерниговский исследователь Н. В. Искрин.

Заметным событием в деле изучения и пропаганды истории мусульманской общины региона стала научно-практическая конференция, посвященная 100-летию начала издания журнала «Икътисад». В ноябре 2008 года ее провели имам Соборной мечети Иршат-хазрат Сафин и министерство образования и науки Самарской области. Огромным вкладом в разработку темы стали монографии татарстанских ученых И. К. Загидуллина и Э.М. Гибадуллиной.

К исследователям истории Самарского края автор посмел бы отнести и себя. Многие сведения из наших работ, увидевших свет в предыдущие пятнадцать лет, вошли в книгу «Свет истины» (автор-составитель - И.М. Галяутдинов), изданную к 15-летию Духовного управления мусульман Самарской области в 2009 году.

Чтобы лучше понять процессы, происходившие в мусульманском сообществе Самарской (Куйбышевской) области, мы постарались взглянуть на них через призму общей истории - как Самарского края, так и страны в целом. Делали это, опираясь на работы именитых ученых, писавших в течение нескольких веков и многих десятилетий историю края. Это – П.А. Преображенский, К.Я. Наякшин, Е.И. Медведев, Г.И. Матвеева, Л.В. Храмков, П.С. Кабытов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Ф. Тагирова и другие. Их праведные труды привели к созданию авторитетной и признанной в научном сообществе самарской школы отечественной историографии.

Мы также надеемся, что читатель знаком с основными этапами истории нашей страны, что избавляет нас от повторения элементарных сведений по предмету.

Наш основной текст представлен в форме историко-публицистического повествования, как наиболее доступного массовому читателю. Его лучшему усвоению и восприятию должны помочь выдержки из архивных документов (с сохранением их стилистики и орфографии), очерковые материалы об исторических личностях (плод творчества редакции газеты «Азан»), фотоиллюстративный блок, а также некоторые карты и схемы.

Перечисленные источники, разного характера и происхождения,

служат одной цели - дополняют друг друга, создают одну картину многоплановой истории самарской мусульманской общины.

История – наука бесконечная в пространстве и во времени. Несмотря на очевидный прорыв в самарском татарском и мусульманском краеведении последних лет и ликвидацию многих его «белых пятен», неизведанных страниц здесь остается еще много. Надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга станет еще одной попыткой максимально объективного освещения вопросов татарской, мусульманской истории Самарского края. И поможет лучше понять наше прошлое, с пожеланиями повторения всего хорошего, что в нем было, в будущем.

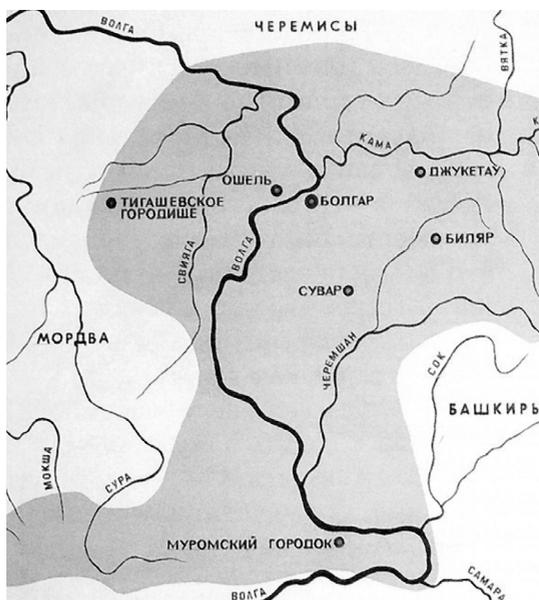
Мы пропагандируем бережное отношение к своей истории и делам отцов и дедов, призываем к этому всех единоверцев и других граждан нашего государства. И на примере Самарской Исторической мечети постарались донести до читателя рассказ еще об одной странице непростой истории нашей Родины. О том, как мечеть на улице Алексея Толстого (первое ее название Казанская, потом Обороны) на своем коротком - для религиозного храма - веку, пройдя счастливое время расцвета, потом тяжелейшие потрясения, период унижения и забвения, переживает теперь второе рождение...

История до Исторической мечети

Мусульмане являются жителями Самары с момента ее возникновения в конце XVI века. Это вполне естественно, поскольку регион Средней Волги и с прилегающими к ней районами Предуралья – это территория, где с конца I тысячелетия жили, развивались и сформировались в нацию несколько мусульманских народов нашей страны: татары, башкиры... В историческом процессе заметен здесь еще один похожий след – ногайский. Позже, после распада Ногайской орды, этот народ ушел из региона между реками Волга и Урал и через некоторое время обрел постоянное место жительства на Северном Кавказе.

Предки современных волжских татар в X веке создали здесь первое в Восточной Европе феодальное государство – Волжско-Камскую Булгарию. Ее южные рубежи проходили по Самарской Луке. Самый известный памятник той эпохи – Муромский городок, который располагался неподалеку от современного села Вали и города Жигулевска. Он обладал всеми атрибутами средневекового ремесленного города – жилими строениями, мечетями, банями, гончарными, ювелирными, кожевенными мастерскими.

Одним из первых в научной литературе о нем упоминает Петр

**Карта Волжской Булгарии
начала XIII века.**

Паллас. Исследовав в 1769 – 1770 г.г. наш край, он писал: «Деревня Валовка проименована по находящемуся за две версты... обширному и, как сказывают, татарскому шанцу (*земляной крепости – прим. авт*), состоящему из трех валов со рвами, имеющему несколько верст в окружности. В сем шанце нет никаких следов строения, однако во время пахания попадаются иногда татарские кирпичи..., может быть, находящихся в земле могил». Не мог тогда ученый знать, что здесь находятся остатки большого, развитого ремесленного города, в болгарском (татарском) и мусульманском характере которого нет никаких сомнений. Так как убедительные доказательства этому принесли широко-масштабные археологические раскопки более позднего периода - XX века. Коллега Палласа - Иван Лепехин писал, что люди ушли из Муромского городка только после падения Казанского ханства, в середине XVI века.

А в XV веке на северо-западных землях Золотой Орды возникло Казанское ханство. Большая территория к Самарской Луке, вплоть до рек Кинель и Самара на юге (теперь это вся северная часть Самарской области), находилась в зависимости от него.

В дополнительное подтверждение того, что во время основания крепости Самара в 1586 году татарский элемент в жизни края присутствовал очень зримо, следует и такой исторический документ. Зимой 1586 - 1587 г.г. царские послы по пути из Москвы в Астрахань вынуждены были остановиться в Самаре. Вот, что писали Федору Иоановичу его послы: «...а зазимовали мы и ногайские послы с нами вместе как снеслися с судов в зиму ниже Самарского городка 20 верст в Шилехметских горах. Князь Григорей (*воевода Засекин, основатель Самары - прим. авт.*) велел нам быт в город с твоею государеву казноу и ногайскими послы...перенесли в город, а мы государь и ногайские послы свою рухлядь носим к городу, да ногайским же послам князь Григорей дал рухлядь возить двадцать стрельцов да всех улусов многие татарове из зимовья нейдут в город, а князь Григорей государь послал к татарам в зимовье сына боярсково да двадцать человек стрельцов да десять человек литвы для бережения...».

Известный самарский краевед и исследователь архитектуры Е.Ф. Гурьянов считал, что названное в челобитной «зимовье» -

это не одинокая изба, а деревня, которая находилась примерно в 20 верстах ниже Самарского городка – в районе нынешнего поселка Гранный. И в ней зимовали не только «многие татарове», но и присланная специальная охрана из двадцати стрельцов и десяти человек «литвинов». Можно предположить, что упомянутые «литвины» вполне могли быть татарами, предки которых служили с конца XIV века в Литовском княжестве.

Гурьянов также составил наглядную и очень интересную «Схему гидрографии района Самарского городка» начала XVII века. В основу своих расчетов он положил путевые заметки двух путешественников, с разницей в несколько лет проплывших по Волге. Это - московский купец Федор Котов (1623 год) и секретарь голштинского посольства Адам Олеарий (1636). На указанной схеме возле того же поселка Гранный, чуть ниже по течению Волги, Гурьяновым отмечено озеро Малое Татарье. Автор добавляет, что жители поселков, что находятся вблизи Новокуйбышевска, до сих пор называют это озеро Татарским.

Схема гидрографии района Самарского городка XVII века. (По путевым записям Ф. Котова и А. Олеария. (Составлена Е. Гурьяновым).

С русской колонизацией Заволжья изменился национальный состав населения региона, вскоре здесь вместе с татарами и башкирами стали проживать русские (составившие вскоре большинство), мордва, чуваша... Удобное географическое положение Самары обеспечило ей в XVII - XVIII веках статус торгово-купеческого города, часто служившего перевалочной базой для товаров, проходящих в другие города.

В «Таможенные выписях на привозные товары» Самарской таможи за 1741 год (документы хранятся в Российском Государственном архиве древних актов, фонд «Таможни и кружечные дворы») указано, что «1741 года апреля 20 дня Оренбургской комиссии Экономической конторе в Самаре самарской купец Иван Петров... с погонщики из татар... показал осьмнадцать верблюдов в город Оренбург. Оные верблюды Экономической конторе явлены, отпущены для продажи в Оренбурге... Выпись дана для свидетельства в помянутой Самарской таможе».

Это было временем начал активного освоения юго-восточного направления, и штаб-квартира Оренбургской комиссии (обеспечивающей продвижение российских интересов в сторону Южного Урала) первоначально находилась в Самаре. Руководили этой комиссией такие известные государственные деятели того времени, как Кириллов, Татищев (основатель Ставрополя-на-Волге), а потом Урусов, Соймонов, Неплюев.

Из них наиболее значительный вклад в развитие края внес Василий Татищев. В Самаре при нем был составлен «Российско-калмыцко-татарский словарь», а также существовала калмыцко-татарская школа переводчиков, которую возглавляли знатоки восточных языков Иван Ерофеев и Махмуд Абдрахманов. Тогда же по распоряжению Татищева в Самаре были «заведены» школы для калмыков и совместная для татар и башкир. И на русский переводились книги с нескольких восточных языков.

Торговые пути из Самары прокладывались в XVIII веке и подальше, нежели только в соседний Оренбург. Хотя и туда с табуном верблюдов или овец целая неделя ходу. «Записная книга сбора «десятой доли» с найма извозчиков привозные товары» Самарской таможи за 1743 год сообщает, что о получении денег - по «десети рублей за подводку» - за указанную услугу и разре-

шение на провоз даны «Февраля 7 числа Алаторского уезда села Елховки крестьянину Антону Савельеву с товарищи из татар того же уезда подрядися в Самаре свести до Санкт-Петербурха чрез Ростовский уезд села Угличу вялую рыбу и всяко товар». Легко ли представить дорогу из Самары до Питера на лошадях, запряженных в подводы!?! Даже если напрямик, через Ростов и Ярославль, считай, более двух тысяч верст.

А заготовкой рыбы в Самаре занимались уже давно. Еще, начиная с 1620 года, в окрестностях городка находилось крупное промысловое предприятие, где добывалось не менее 1500 – 2000 «рыб большим числом». А также рыбный двор Благовещенского монастыря, состоящий из 4 изб и 4 амбаров.

В той «Записной книге...» 1743 года упоминаются еще крестьяне «с Синбирского уезда сел Тереньга Иван Анисимов с товарищи из татар того же уезда и Ахтуши, ... Арзамасского (Васильев враг, Марьевка, Резоватово), Ростовского (Балашово), Казанского, Свияжского, Самарского (Новиковка), Переславль-Залесского уезда...». «Знак ерлык получен» - пометил писарь Самарской таможни напротив каждой фамилии.

Временно приезжавшие из названных уездов в Самару многие становились потом постоянными жителями города. Основной поток переселенцев шел сюда именно из районов Среднего и Нижегородского Поволжья.

Почему татары ходили только в «товарищах» своих русских коллег, думается, понятно – трудности перевода. Наши предки русский язык на уровне, обеспечивавшем прожиточный лингвистический минимум, стали осваивать значительно позже, с окончательным преодолением натурального характера их хозяйства и включения в общую экономическую жизнь страны.

Приведенный документ подтверждает также и то, что в середине восемнадцатого столетия в Самаре бывало множество приезжих купцов из центральных уездов России.

В 1769 - 1770 гг. немецкий ученый Петр Паллас по заданию Российской Академии наук составил подробное описание нашего края.

По образованию естествоиспытатель-ботаник, он большое внимание уделил флоре нашего края и нарисовал яркую картину

природы самарской земли в период ее расцвета, летом. В его путевых заметках постоянно встречаются названия (и их латинский вариант): татарский клен, татарская дикая крапива, татарская статика... Эти названия в буквальном смысле выросли в приволжскую землю, вошли в народную речь и с тех пор стали научными терминами.

По вопросу исторической географии и топонимики района, прилегающего к Самаре и Ставрополю, П. Паллас постоянно напоминает о тюркском происхождении многих населенных пунктов и рек. Достаточно упомянуть такие названия, как Ташла, Аскулы, Кондузлы. Говоря о населении Самары и пригородной территории, он пишет: «Обыкновенная Оренбургская летняя дорога идет от Алексеевска по степной и левой стороне Самары, а зимою между Самарой и Кинелем по лугам и холмам к населенной Казанскими татарами казацкую должность исправляющими Мочинской слободе (28 верст), потом к Красносамарской крепости...». А в сторону от Самары к Бузулуку «между живущими здесь казаками находится много татар, кои часто ездят в гористую ненаселенную степь, из которой выходят реки Каралык, Иргиз и Чаган, и ловят там диких лошадей для употребления себе в пищу».

В экономических заметках он отмечал: «Зимою собираются в Самару торгующие касимовские татары, которые наперед при Яике выменивают у киргизцев *(до 30-х годов XX века так называли казахов – прим. авт.)* и калмыков мерлушки *(густой, с крутыми завитками мех из шкуры ягненка в возрасте до 2 недель - прим. авт.)* и сюда привозят, потом они разбирают оные, и находящимся близ города калмыкам отдают выделывать и шить из них тулупы, а после сего отвозят в Москву и другие города».

А вообще-то Самара после того, как из нее съехала штаб-квартира Оренбургской экспедиции, жила тихой, размеренной жизнью. Паллас отмечал, что жители города неторопливо занимаются огородничеством, скотоводством и лишь «великая» торговля рыбой подчеркивала промысловый характер экономических отношений с другими частями империи.

Последняя треть XVIII века в государственно-религиозных отношениях проходила в духе политики просвещенного абсолютизма Екатерины Второй. После долгого периода гонений на

ислам и другие «иностранные исповедания» (это официальная государственная терминология), в Российской империи наступила эра веротерпимости.

В «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 30 июля 1767 года» императрица отмечала:

«в... великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер;

- гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону измягчает и самые жестоковольные сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры, противные тишине Государства и соединению граждан». Этот документ потом привел к формированию целой законодательной базы, регулировавшей изменившиеся отношения между российским государством и его мусульманским населением.

Воспользовавшись новой политикой государства, татары и башкиры Российской империи взялись за повсеместное строительство мечетей. Одной из первых каменных мечетей, разрешенных к постройке Екатериной II, была казанская мечеть, которая сейчас носит имя Шигабетдина Марджани (1770 год).

Одним из городов, в которых постоянно проживало заметное количество татарского населения, была Самара. «Краткая табель Симбирской губернии города Самара и уезда», составленная по результатам 5 ревизий (народной переписи) 1794 года, сообщает, что в последние годы XVIII века в Самаре проживало всего 1937 мужчин и 1869 женщин, почти все из них - православные и старообрядцы. Учтено также заметное (в процентном отношении) количество служилых татар – 26 семей, в которых состояло 74 мужчины и 94 женщины. Постоянное или приезжее это население – не уточняется. Но проявляло магометанское население немалую активность...

Работа над этой книгой привела ко многим интересным находкам, которые коренным образом изменили наш взгляд на мусульманскую историю Самары и позволяют внести серьезные поправки в предыдущие работы, увидевшие свет до этого.

Многие годы, исследуя прошлое самарских татар наиболее

раннего периода, мы пользовались практически одним единственным источником - воспоминаниями известного коллекционера и краеведа дореволюционной поры К. П. Головкина (1871 - 1925 гг.). В его записях отмечалось, что время появления татар в Самаре неизвестно, но на карте города 1804 года на нынешней улице Самарской было отведено место для строительства мечети, но сведений о ее строительстве нет. Поэтому в одно время улица носила название Мечетной.

Также Головкин писал, что примерно тогда же в Самаре существовала улица Татарская, переименованная затем в Троицкую (теперь Галактионовская). Татарское название улицы Головкин напрямую и естественным образом увязывал с тем, что на ней жило много татар.

Что касается вопроса о самом первом в Самаре действующем мусульманском культовом сооружении, до недавнего времени (на основании тех же данных фонда Головкина и других документов областного архива) считалось, что молельный дом (или мечеть – в документах оба наименования употребляются в равных значениях) был построен в 1856 году на улице Саратовской. Э.М. Гибадуллина, ссылаясь на документы фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Российского Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, относит появление первого в Самаре мусульманского молитвенного дома к более раннему периоду – к 40-м годам XIX века.

Выше уже отмечалось, что изучение истории – процесс бесконечный в пространстве и во времени. Каждое новое обращение к теме, казалось бы, давно изученной и раскрытой, как правило, приводит к новым результатам, уточняет детали тех или иных событий. А порой позволяет совсем по-новому взглянуть на исторические процессы и факты прошлого. В случае с картой Самары восьмьсот четвертого года получилось именно так.

Константин Головкин, конечно, с указанной картой работал и почерпнул оттуда приведенные выше сведения. Но по какой-то причине в Самаре карта до наших времен не сохранилась.

...Совсем недавно, в октябре нынешнего года, успешно окончились наши поиски плана Самары 1804 года: мы ее нашли в фонде Межевой канцелярии Российского Государственного

архива древних актов в Москве. Как оказалось, карта эта не в единственном числе - их три. Но они представляют собой единое целое, поскольку дополняют друг друга и уточняют данные, относящиеся к положению города на момент составления, так и планам перспективного его развития. Все вместе они позволяют увидеть, в какой части Самары находились тогда базарные площади, «магазинны», городская больница, уездное училище, мясные ряды, соляные амбары, питейные заведения, присутственные места, переправы через реки, полицейские будки, церкви, выгонные земли, обывательские огороды и прочие зеленые уголки городского и пригородного пейзажа... Одна из самых старых улиц города носила название Казанской - в ее начале, у хлебных базаров, находится церковь во имя Казанской Богородицы, построенная еще в 1744 году. Отсюда и название.

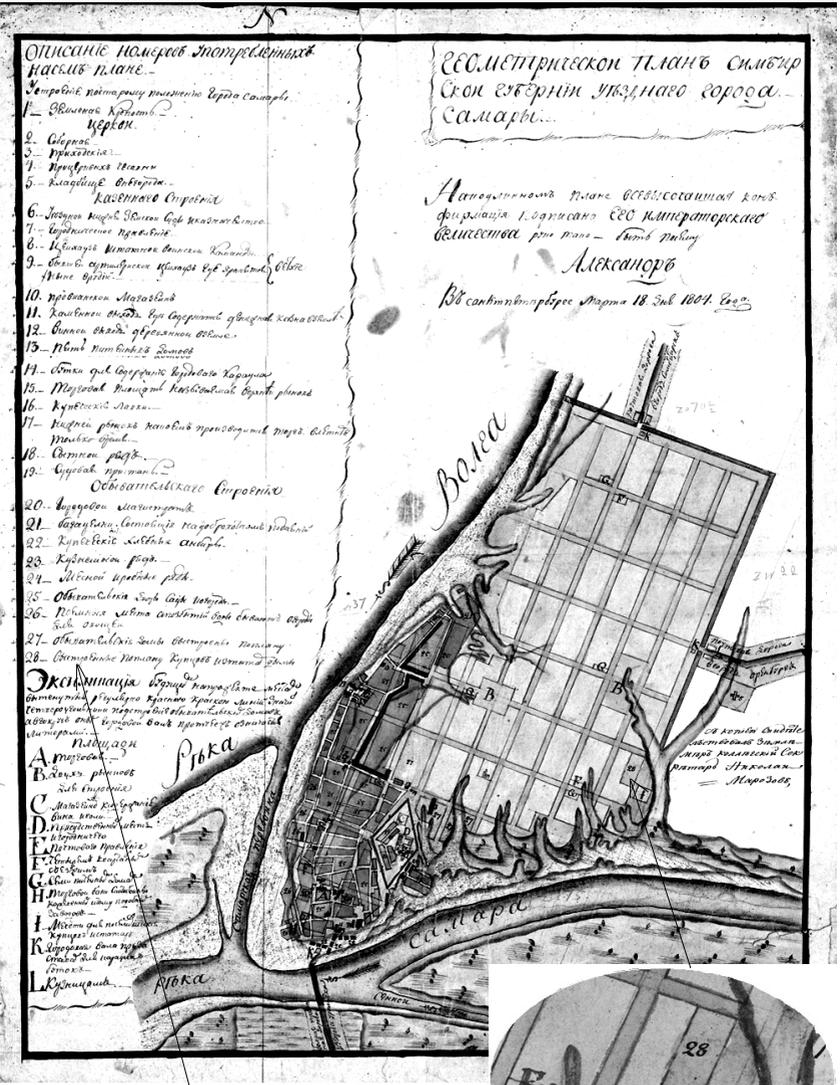
Для удобства пользования картами мы решили условно пронумеровать их.

Первая и основная карта называется «Геометрический план Симбирской губернии уездного города Самара». На ней отмечен факт конфирмования – Высочайшего утверждения императором Александром I в Санкт-Петербурге 18 марта 1804 года: «быть по сему». И то, что «с копии уменьшал землемер коллежский секретарь Афанасий Фокин, свидетельствовал (*подтвердил правильность - прим. авт.*) землемер, коллежский секретарь Николай Морозов».

Карту №2 составил уездный землемер Лушников, освидетельствовал симбирский губернский землемер Воейков. В описи 1356 фондов РГАДА она значится как «выкопировка из геометрического плана», иначе говоря, начерченная на основе того, основного плана.

И, наконец, карту №3 - помощник землемера Илья Кирпичников, сверял и свидетельствовал подлинность упомянутой выше Афанасий Фокин. Такой подробный разбор авторства и гарантии подлинности документов мы поясним ниже.

Все три карты выполнены добросовестно, четко, записи сделаны хорошим (вторая по номеру – прямо каллиграфическим) почерком. Но, самое главное для нас, они очень хорошо сохранились и благодаря этому легко поддаются изучению и анализу.

**Описание назидов Топографическаго
нашего плана.**

- 1- Волжское Крестовое **Устье**
- 2- Собор
- 3- Преподобнаго Илариона
- 4- Преподобнаго Макария
- 5- Кладбище Св.Варлаама
- 6- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 7- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 8- Кладбище св.Варлаама Сурожскаго
- 9- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 10- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 11- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 12- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 13- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 14- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 15- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 16- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 17- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 18- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 19- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 20- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 21- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 22- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 23- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 24- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 25- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 26- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 27- Собор св.Варлаама Сурожскаго
- 28- Собор св.Варлаама Сурожскаго

СВОДЕМЕТРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ СМЫБЛР
СКОМ СВЕРХНМ УЛЦНАГО ГОРОДА
САМАРЫ...

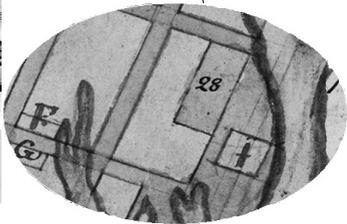
Метрометрический план составленный по
формулам и описанию СВОДЕМЕТРИЧЕСКОМ
СВОДЕМЕТРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ - **Смывлр**
Механика
Въ Санктъпетербургѣ Мартъ 18 Июл 1804. Годъ

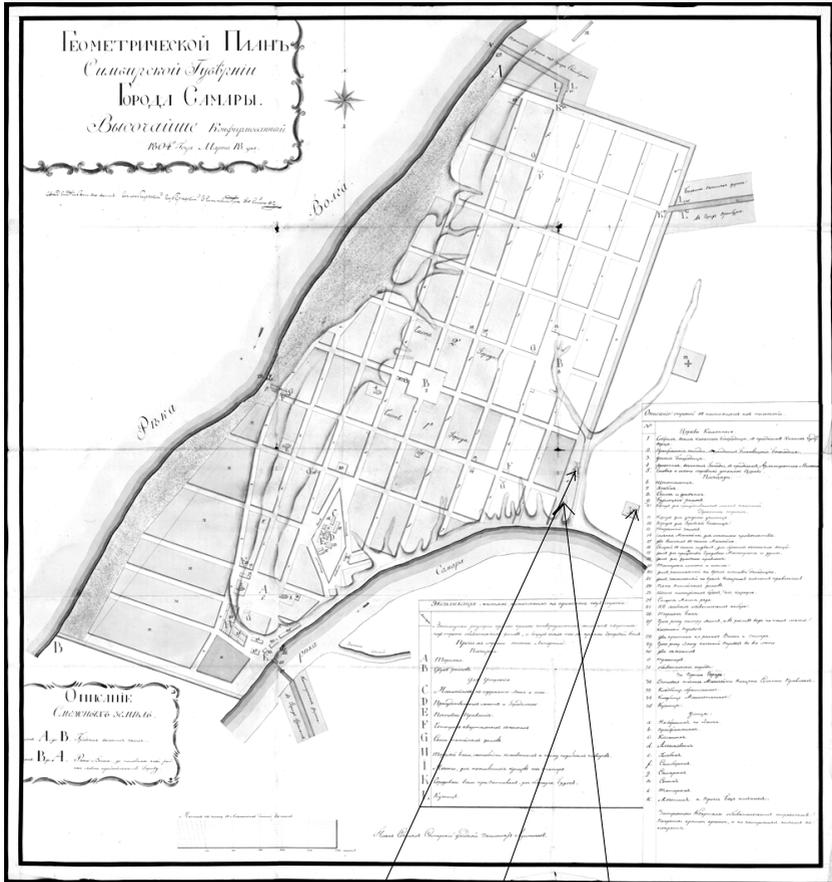
**Описание назидов Топографическаго
нашего плана.**

- А - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Б - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- В - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Г - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Д - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Е - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Ж - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- З - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- И - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- К - Собор св.Варлаама Сурожскаго
- Л - Собор св.Варлаама Сурожскаго

28- Собор св.Варлаама Сурожскаго

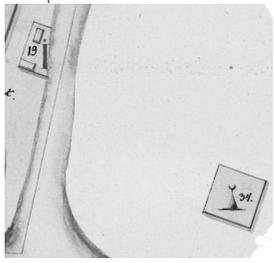
Карта №1

19. Матариха церковь и школа.
 Морети, где посадившихъ купцовъ все матары.

24. Князьице Максимианово.

Карта №2

Надо иметь в виду, что примечания на картах не везде одинаковые, поэтому для достижения полной картины Самары начала девятнадцатого столетия необходимо пользоваться всеми тремя.

Что мы узнали из них о состоянии Самары, в которой она пребывала двести лет назад?

Напомним, что Константин Головкин, ссылаясь на карту 1804 года, написал об отмеченном на ней месте для строительства мечети на нынешней улице Самарской. Но не написал о других, также очень важных для нас фактах. Они-то и свидетельствуют о том, что уже тогда татарская, мусульманская жизнь в Самаре проходила в достаточно организованной форме, имея для этого все необходимые признаки.

Во-первых, как указано в «Описании строений в настоящем их положении» рядом друг с другом отмечены «татарскія мечеть и школа». Во-вторых, в нескольких сотнях метрах от них располагалось «кладбище магометанское». В-третьих, в графе «Экспликация местам, назначенным на проект...для устройства» рядом со «старой» мечетью запланировано строительство новой. Это все на карте № 2.

В-четвертых, напротив мечети, как значится на картах № 1 и №3, в «Описании номеров, употребленных на сем плане» в графе «Обывательские строения по старому положению города» указаны дома, «выстроенные по плану купцов из татар». Иначе говоря, четыре указанных объекта – мечеть, школа, татарские дома и кладбище - на тот момент в Самаре уже существовали. А пятый – еще одна, новая мечеть – планируется построить рядом с имеющейся мечетью. Чем не Татарская слободка на окраине Самары!? Где она находилась?

Любознательному читателю предоставляется возможность самому совершить экскурсию по Самаре того времени. Для этого необходимы минимальные представления о расположении улиц старой части города сейчас и применить их к началу XIX века. Ведь сложившаяся к тому времени квартальная схема городской застройки (со строгими прямоугольниками, вытянутыми с севера на юг) до сих пор принципиально не менялась.

Мы же скажем только о главном – мечеть, школа, жилые дома

татарских купцов и мусульманское кладбище, которых мы условно объединили в Татарскую слободку, располагались недалеко от берега реки Самара, в начале нынешних улиц Галактионовская, Самарская, Садовая и Братьев Коростелевых. Причем, дома татарских купцов занимали добрую треть квартала с границами по улицам Самарская, Пионерская, Галактионовская и Венцека. Мечеть (вместе со школой) и кладбище разделял овраг, в начале которого с советских времен располагается судоремонтный завод. Мусульманское кладбище, по нашим предварительным расчетам, находилось на улице Ленинская с продолжением на восток, в сторону следующей улицы - Братьев Коростелевых.

Две последние из перечисленных улиц тогда еще застроены не были, и земли, примыкающие к ним с востока, находились за чертой города. А две первые, согласно плану города, иначе говоря, на совершенно законных основаниях (карта утверждена императором Александром I 18 марта того же года) назывались Татарской и Мечетной, о чем и писал Константин Петрович. Карты 1804 года еще раз и категорически подтверждают это.

Период жизни мусульманской общины Самары в течение примерно полувека, с начала XIX века и до образования Самарской губернии в 1851 году, как, впрочем, и более ранний период не исследован совсем. Когда возникла «Татарская слобода», сколько времени существовала, какими были в ней мечеть, татарская школа и мусульманское кладбище, и что с ними случилось – эти и другие вопросы требуют дополнительного изучения.

Пока только известно, что новая мечеть так и не была построена. Однако и на плане Самары, «сочиненном в 1839 году», улицы Татарская и Мечетная по-прежнему так и называются. К сожалению, эта карта, по сравнению с предыдущей, выполнена несравненно хуже и для полиграфического воспроизведения совершенно не годится.

Тем не менее, надписи и примечания на ней читаются. Ни мечети, ни школы на схеме 1839 года мы не нашли. И кладбища тоже – его место по «прожэкту» предполагается отдать «для разных мануфактурных заведений сальных и кожевенных заводов». Где

потом было выделено место под другое кладбище – мы узнаем ниже.

Завершая картографическую тему этого этапа развития Самары, следует отметить, что карта 1804 года была не первой в ее истории. Дело в том, что императрица Екатерина II ввела в практику строительство городов по планам. Конечно, хаотичное построение улиц и домов и тогда уже не имело повсеместного характера. Но «просвещенная царица» окончательно навела порядок в архитектурном хозяйстве городов. В 1763 году она издала указ «О сделании всем городам, их строениям и улицам планов по каждой губернии особо». До Самары очередь дошла после очередного опустошительного пожара 1772 года, уничтожившего 3/4 строений города (по преимуществу деревянных).

Через десять лет появился первый «Геометрический план Симбирского наместничества города Самары. Снят 1782 года мая 14 дня уездным землемером Сахаровым». Утвердил его генерал-поручик Игельстром. Уже здесь в графе «Обывательские строения» указаны «выстроенные по плану приезжих купцов из татар дома». Каких именно – нам уже известно. Улица Мечетная там тоже есть. Отмечено и место строительства «мечети для поселившихся купцов из татар». Слово в слово как в плане, составленном 20 с лишним лет спустя. Иначе говоря, «Татарская слобода» возникла в Самаре не к началу XIX века, а, по крайней мере, лет на двадцать раньше. А мечеть со школой при ней, возможно, появились в этом промежутке, поэтому вошли только в карту 1804 года.

Кстати, Е.Ф. Гурьянов и еще один известный исследователь истории освоения и градостроительства Самарского края А.К. Синельник использовали в своих работах обе (1782 и 1804 гг.) карты. Но сделали это в крайне усеченной форме, практически без упоминания о мечети, школе и кладбище и совсем без всяких комментариев в этой наиболее интересующей нас части. Скорее всего, они не ставили перед собой такой цели.

Зато вполне определенные цели ставят другие авторы. Зная об этом, мы выше так подробно и остановились на всех технических параметрах карт.

Дело в том, что Ю.Н. Гусева в работе «Ислам в Самарской области» (Нижний Новгород, 2008, работа существует только в электронном виде), ссылаясь на некий анализ градостроительной политики и изучение ландшафта Самары конца XVIII века, который в 70-е годы XX века провел журналист и фотограф Олег Струков, называет самую ценную из карт - под №2 - фальсификацией.

Что тут скажешь? Дискуссии по этому вопросу выходят за рамки нашей работы. Необоснованность данного утверждения, думается, понятна любому человеку, хоть немного знакомому с историей вообще и Самарского края в частности. Во-первых, не может быть ни малейшего сомнения в добросовестности землемеров, составлявших эти карты и высоких начальников, их утверждавших. Во-вторых, не было тогда политической силы или какой-то другой социальной группы, заинтересованной в такой фальсификации...

Копии карт, привезенные из РГАДА, переданы нами в Государственный архив Самарской области, областную библиотеку, они имеются также в самарских мечетях. С ними также можно будет скоро ознакомиться на сайте Г. В. Бичурова.

Жизнь в губернском центре

Поступательное развитие Заволжья и возросшее к середине XIX века значение Самары, как торгового центра всего края, поставило вопрос об административном переустройстве территории Левобережья и в среднем течении Волги. Совершенно естественно, что Самара заслуживала большего статуса, чем уездный город, и она к 1851 году получила его. Превращение нашего города в губернский центр стало огромным толчком к развитию не только его самого, но и всего прилегающего края и его населения.

Новообразованной губернии требовались соответствующие атрибуты. Вслед за созданием Самарской епархии Русской православной церкви, настала очередь выстроить отношения и с жителями, исповедующими ислам. Магометанское население в семи уездах губернии составляло почти 150 тысяч человек. При общей численности народонаселения в 1341 тысяч человек это составляло значительную долю – около 11 процентов. Но оно проживало главным образом в деревнях и небольших городах – уездных центрах.

Конечно, определенные государственно-исламские отношения в Самарском крае существовали и в «догубернский» период. А после 1851 года они получили только дальнейшее развитие. Важное место во взаимоотношениях между государством и мусульманским населением, которое почти сплошь было религиозным, занимало Оренбургское Магометанское Духовное собрание (ОМДС).

Одним из первых документов, подтверждающих постоянный характер этих взаимоотношений в середине XIX века, является «Дело по отношению Оренбургского Магометанского Духовного собрания о раздаче метрических книг и регистров духовным магометанским муллам на 1952 год» от 30 ноября 1851 года. Вот цитата:

«...Разослать для рассылки приходским муллам в губернские правления тех губернии в коих обитают магометане...в городе Николаев, уездов Николаевского, Новоузенского, Ставропольского,

Самарского, Бузулукского, Бугульминского, Бугурусланского. Препроводить в оные губернские правления и покорнейше просить учинить распространение и роздачу оных по принадлежности приходским муллам...» В этом списке почему-то указан и Сызранский уезд, оставшийся после 1851 года в ведении Симбирской губернии. Документы, представлявшие особую ценность и важность, отправлялись «в особо запечатанном одном тюке».

Заключение советника Губернского правления к постановлению правления от 31 декабря 1851 года, которое последовало за просьбой ОМДС, предписывает: «препроводить по местопребыванию их во все уездные земские суды и в Николаевскую Градскую полицию». За каждую пару книг полагалось по 14 1/2 копеек серебром.

На основе данной переписки можно сделать некоторые выводы о положении в мусульманской общине Самары в начале 50-х гг.

В прилагаемом списке, куда следует отправить означенные метрические книги, показаны все уезды и один город Николаев. Но Самара в список не вошла. Между тем, в документах, начиная с 1851 года, встречается имя самарского указного муллы. Это – Габдрахим Юмангулович Мельзетдинов, числящийся государственным крестьянином села Большой Труев (Индерки тож) Кузнецкого уезда Саратовской губернии.

И моельный дом на дворовом месте имама по улице Саратовской уже есть, и кладбище мусульманское тоже. Незадолго перед образованием Самарской губернии, в 40-х годах, оно было перенесено с прежнего места выше по берегу реки Самара на новое. Ниже, в документах конца века, мы встретим этому точное подтверждение.

Такое двойственное положение прихода в Самаре пока трудно объяснить – ведь по существовавшему тогда порядку религиозные организации вели учет родившихся, умерших, сочетавшихся в браке, выполняя для государства роль некой статистической службы по учету населения и их гражданского состояния. Тогда вопрос о том, как эта очень необходимая государству статистическая функция выполнялась в общине самарских мусульман, остается открытым.

Как бы там ни было, по прошествии пяти лет это положение оставалось без изменений. В списке о раздаче метрических книг 1857 года приведены те же уезды и город Николаев (нынешний Пугачев Саратовской области), там действуют две мечети, на службе состоят два мусульманских духовных лица, и они просят выделить соответственно две пары метрических книг. Книги надлежало отправить также в мусульманский приход в Сергиевских Минеральных водах. Самара же в списках опять не значится.

В 1852 году к Мельзетдинову, являющемуся единственным имамом Самары, поступает предложение поступить на духовную службу в Самарский гарнизонный батальон. А перед тем военные власти Самары пробовали пойти другим путем – на «исполнение духовным треб рекрутским нижним чинам магометанского вероисповедания» попеременно приглашать имамов из близлежащих татарских сел. И ОМДС на сей счет даже присылало в Самарское Губернское правление рекомендательное письмо, предложив использовать для этих целей имама деревни Широкий Овраг (Мулловка) Самарского уезда Магдея Мавлютова или из деревни Филипповка Ставропольского уезда Мухаметзарифа Ибрагимова.

Вероятно, в первое время так и делалось. Но потом командование батальона остановилось на варианте приглашения постоянного воинского муллы с выплатой ему жалованья.

В Центральном Государственном историческом архиве Республики Башкортостан есть «Дело об утверждении мусульман в духовных званиях и назначении их в мечети г. Самары Самарской губернии» 1852 года. В нем имеется прошение Мельзетдинова назначить его на военно-духовную должность.

«Всепресветлейшему, державнейшему Великому Государю императору Николаю Павловичу

Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший «Просит Саратовской губернии Кузнецкого уезда деревни Индерки (Труев тожь) государственный крестьян Абдрахим Юмангулов Мязядин.

Согласно 405 статьи части II Книги свода военных постановлений, при внутренних гарнизонных батальонах для испол-

нения духовных треб нижним чинам магометанского вероисповедания, привода к присяге поступающих в рекруты, увещевании подсудимых магометан и по другим случаям имеются утвержденные муллы, при Самарском же гарнизонном батальоне должность эта до сих пор не занята.

Желая поступить на вышеозначенную вакансию муллы, имея к тому достаточные познания и представляя при сем свидетельство, данное нижними чинами поясненного батальона, всеподданнейше прошу по надлежащем испытании утвердить меня муллою при Самарском внутреннем гарнизонном батальоне Казанского военного округа.

К поданию подлежит в Оренбургское Магометанское Духовное собрание».

ОМДС, рассмотрев 18 декабря 1852 года заявление самарского имама, отсылает его, согласно Мнению (*решению – прим. авт.*) Государственного совета от 21 декабря 1837 года о порядке прохождения подобных документов, в Самарское Губернское правление. Но тут понадобились увольнительный приговор кандидата от прежнего места жительства в Саратовской губернии и решение Кузнецкого земского суда. И потом только дело передавалось на усмотрение воинского начальства. Началась долгая переписка...

Наконец, 5 февраля 1854 года Самарское Губернское правление сообщает в Магометанское собрание о том, что Мяльзедин утвержден в означенной должности.

В июне 1857 года начальник 23 пехотной дивизии ходатайствует о назначении в 11-й Оренбургский линейный батальон, расположенный в городе Самара, муллы «для исполнения треб нижним чинам» того же батальона и Самарской инвалидной команды, привода к присяге рекрутов и по делам военно-судной комиссии. Вместо выбывшего Абдрахима Мельзетдинова.

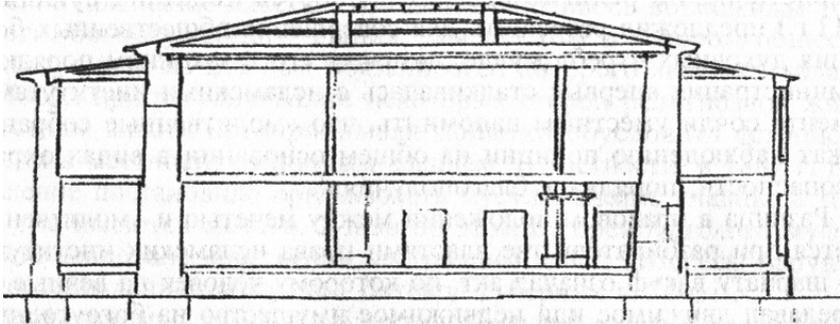
После неизбежной при этом переписки 3 декабря 1858 года последовал «Именной указ, объявленный Командиру Отдельного Оренбургского корпуса военным министром – о назначении штатного муллы при Оренбургском линейном №11 батальоне

Государь Император, по Всеподданнейшему докладу отношения Вашего Превосходительства, Высочайше соизволил на назначение

штатного Муллы при Оренбургском линейном №-11-го батальоне, для совершения треб воинским чином из Магометан, в городе Самаре квартирующим, с производством ему от военного ведомства жалованием по девяносто рублей серебром в год».

С этого времени самарским указным муллой для исполнения «духовных треб нижними чинами (рядовыми) магометанского исповедания» вместо своего отца Абдрахима Мерзедина стал его сын Зайнельгабетдин.

Однако это не первое появление его в обществе - среди гражданского мусульманского населения Самары духовные обязанности Зайнуль Габдин Абдрахимов Мельзетдинов (цитата из документа) стал выполнять раньше. В первый раз его имя встречается в документе, датированном 13 августа 1854 года. Здесь же в первый раз в губернский период упоминается молельный дом на улице Саратовской.

План молельного дома на улице Саратовской. 1870 год.

Мы здесь должны сделать пояснение насчет разного написания фамилий: Мярзедин, Мьяльзедин, Мельзетдинов. Мы уверены, что речь идет об одних и тех же людях. Причем это и есть первые известные нам указные муллы Самары - отец и сын Габдрахим и Зайнельгабетдин Мельзетдиновы, происходившие, как мы уже знаем, из села Индерки Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне находящегося в Сосновоборском районе Пензенской области). Встречающиеся в одних архивных документах разночтения (что часто бывает при написании татарских и вообще

нерусских имен и фамилий) многократно, прямо или косвенно поясняются в других, не оставляя никаких сомнений в правильности нашего вывода об их прямом родстве.

Авторитет самарского имама был высок. Мусульмане к Мельзетдинову обращались не только с просьбами о выполнении религиозных обрядов, но и в решении вопросов, не относящихся к его прямым обязанностям. В 1862 году Оренбургское Магометанское Духовное собрание и власти Самарской губернии разбирают вопрос об участии самарского имама в поиске лиц, которые могут выполнять военную службу за других (такое явление в период рекрутской формы отбывания военной службы было широко распространено).

23 июня управляющий Самарской палатой государственных имуществ в обращении в уфимское духовное управление пишет:

«До сведения моего дошло, что здешний указной мулла занимается приисканием охотников, желающих поступить в рекруты по найму за чужие семейства.

А так как по 370 ст. 18 параграфа Устава рекрутского частные договоры о наймах в рекруты должны быть совершаемы обеими сторонами лично и по 371 ст. того же устава при частных наймах охотников в рекруты запрещается какое-либо посредство не только в соглашениях нанимателей с желающими наняться в рекруты, но даже в приискании сих последних, то об означенных действиях муллы долгом считаю довести до сведения Магометанского Духовного собрания и имею честь покорнейше просить внушить указному мулле Мельзетдинову, чтобы он не осмеливался принимать на себя не только какого-либо участия в найме охотников для крестьян, но и в приискании их, в противном же случае он может подвергнуть себя законному взысканию».

Вот как строго следили власти за точным выполнением духовными лицами положенных обязанностей и пресекали любые попытки выхода за их пределы.

6 сентября 1862 года из ОМДС в Самарскую градскую полицию было направлено письмо, в котором заверяется: Мельзетдинову сделано внушение, «чтобы не осмеливался под опасением в противном случае лишения духовного звания». А 10 ноября квартальный надзиратель 1-й городской части Шохин «отобрал»

у Зайнелгабетдина Мьяльзетдинова личное обязательство об исправлении...

Обязанностей и, значит, работы у имамов было много. В одном из своих более поздних писем (1885 года) губернскому начальнику З. Мельзетдинов писал:

«В должности беспрерывно состою с 1858 года, в звании ахуна - с 1875 года, с 1865 года - член Самарского Губернского комитета. Отправляю духовные требы 200 нижним чинам магометан в Либавском полку и тюремном замке, где постоянно под надзором содержатся не менее 200 человек. Последних приходится посещать едва ли не каждый день». Под его ведением находились также больные в земской больнице, где требовалось проводить религиозные обряды с больными и над умершими магометанами. «Всего постоянно живущих в Самаре магометан под моим ведением находится не менее 500 человек в 1, 2 и 3 частях Самары» - подчеркивает имам объем своей работы.

Правда, круг обязанностей и характер работы иногда менялся. Например, через несколько лет мусульманские священнослужители перестали на постоянной штатной основе отправлять обряд в воинских частях.

В 1866 году Мельзетдинов обратился к командиру расквартированного в городе батальона с жалобой о невыдаче ему жалованья за исполнение треб для нижних чинов. В ответ офицеры только смогли представить священнослужителю документ из Петербурга, который все объяснял. Это «Отношение начальника Главного штаба Военного министерства к командующему войсками Казанского военного округа от 8 января 1866 года

Высочайше повелеваю состоящих ныне в городах Казанского военного округа мулл для исполнения треб нижним чинам магометанского закона войск сего округа, исключить из штата военного ведомства, представив за сим начальникам частей принимать для исполнения упомянутых треб местных или ближайших к расположению команд мулл в свободное для них время, не отрывая от обыкновенных занятий, но без всякого от казны вознаграждения».

Другими словами, военное ведомство вернулось к порядку приглашения мусульманских служителей культа на бесплатной основе.

В 1879 году началась очередная процедура утверждения ахуна (знарок шариата, старший мулла, ведавший несколькими приходами) Самары и Самарского уезда Мельзетдинова в своей должности. При этом серьезно всплыл вопрос о правовом положении магометанского молельного дома на улице Саратовской.

Этот интерес обуславливался тем, что одной из целей либеральных реформ Александра II было повышение исполнимости законов. И усиление религиозности, рост численности мусульманских приходов, проблема статуса исламских молитвенных домов в этот период стали одним из ключевых во взаимоотношениях мусульман с правительством.

При проверке магометанской общины Самары выяснилось, что к концу 70-х годов, почти через сорок лет после начала функционирования молельного дома, его статус до конца не был определен.

Чиновники разных инстанций ищут ответ на главный вопрос: есть в Самаре мечеть или ее нет. В одном из писем в ОМДС Самарское губернское правление 16 августа 1880 года сообщает следующие сведения: постоянных жителей магометанского вероисповедания крайне мало и мечети, построенной согласно 261 и последующих статей «Устава строительного», не существует, а есть молитвенный дом. Он «построен в 1856 году, но по разрешению кого именно, сведений не имеется. Во время пожара 1877 года он сгорел, но возобновился в том же году. По существующим правилам построение мечети обуславливается известным количеством прихожан, нахождением их в узаконенном от оных строений и приговором общества об обеспечении содержании духовенства и мечети».

Самарская Городская управа, в свою очередь, сообщила, что постановлением 14 марта 1877 года разрешено было исправить обгоревший полукаменный во дворе флигель и пристроить к нему таковое же помещение, на дворовом месте 1 части Самары, в 14 квартале, по улице Саратовской; разрешения же на постройку молитвенного дома на месте Мельзетдинова со стороны управы никакого не было.

А вот мнение губернского архитектора Иностранцева: «сей

молитвенный дом имеет характер мечети, так как сверх крыши устроен минарет для призыва к молитве».

По тону и содержанию приведенных документов нельзя сказать, что разбирательство проводилось очень тщательно и должным образом, поэтому непонятная ситуация с мечетью на улице Саратовской таковой и осталась, закрепившись еще на несколько лет вперед.

Тем более, в 1885 году произошло событие, после которого самарские татары были вынуждены взяться за принципиальное решение вопроса с мечетью. В мусульманской общине случился сложный внутренний конфликт, в результате чего Зайнельгабетдин Мельзетдинов оставил должность, которую занимал около тридцати лет. Распоряжением за подписью муфтия Мухамедьяра Султанова ОМДС от 15 июля 1886 года было оформлено его увольнение от духовной службы – имама и ахуна. После этого бывший имам Мельзетдинов в присутствии помощника судебного пристава Степанова по акту передал метрические книги преемнику. Им стал Халиль-Рахман Ибрагимов, временно приглашенный из деревни Янтуганово Буинского уезда Симбирской губернии.

Правда, осенью бывший ахун совершил погребальный обряд, когда хоронили двух человек – одного скончавшегося в земской больнице и одного рядового 6 пехотного Либавского полка. И два бракосочетания. За что ему снова было сделано внушение.

Вскоре после событий перестал действовать в прежней широкой общественной форме и молельный дом, расположенный на дворовом месте Мельзетдиновых. Он превратился фактически в их домовую мечеть. Самарский полицмейстер отправил летом следующего года в Уфу, в Магометанское собрание, такое уведомление: «1887 года июля 14 дня бывший самарский мулла дал настоящий отзыв помощнику пристава 1 части города Самары в том, что духовных магометанских треб не совершаю около года, а если и приходят некоторые из магометан в мечеть, находящуюся у меня во дворе, то они молятся сами, а когда они уходят из сказанной мечети, тогда я молюсь один без народа магометан».

Окончательно Зайнельгабетдин Мельзетдинов оставил духовную деятельность в 1888 году – ему в это время было 58 лет.

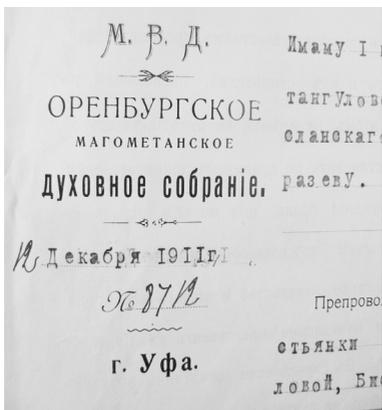
Его преемник - «временный имам» Х. Ибрагимов так и остался

временным, хотя планы у него были серьезные. В противном случае он не стал бы изготавливать именную печать, которую успел поставить на нескольких официальных письмах от имени мусульманской общины. Многочисленные и энергичные попытки активистов мусульманской общины – инициаторов приглашения изменить его статус успехом не увенчались.

Прошение об этом уполномоченного Шарафутдина Мухамедьярова в ОМДС поддержало и Губернское правление, которое тоже просило муфтия: «Утвердить временно и. д. должность муллы Ибрагимова настоящим муллою. Не обращая внимания на то, что в настоящее время у нас в Самаре мечети не существует, но жители Самары из магометан того желают и указывают на такой порядок, что существует в прочих городах.

Мечеть, существующая на усадьбе Мельзетдинова, была пожертвована отцом Мельзетдинова. Сгорела во время пожара 1877 года, но по предложению г. Халфеева и с согласия муллы Мельзетдинова была восстановлена на средства жителей Самары.

Две стороны активной межведомственной переписки.

Сейчас она хотя и находится на том же месте, магометанского богослужения там не существует. А принадлежит жителям-магометанам. Новую же мечеть обещают построить к глубокой осени сего 1887 года. Самую же мечеть на месте Мельзетдинова снести невозможно».

За нового имама хлопотали также Хамидулла Ибатуллин Халфеев («временный купец», живущий на углу Панской и Дворянской в доме Макарова), Шагидулла Хайбуллин и еще несколько человек, как отмечается в документах, тоже «временно живущие» в Самаре. Сами они родом из Цивильского и Буинского уездов Симбирской губернии, Чистопольского и Тетюшского уездов Казанской губернии, Саратовской губернии Хвалынского уезда, а также из деревень Кубань-Озеро, Теплый Стан Ставропольского уезда. Живут почти все неподалеку - Дворянской, Панской, Ново-Соборной, Преображенской, Николаевской, Набережной, Казанской, Саратовской, Воскресенской, Садовой, Самарской, Молоканском саду, в саду купца Колесникова и саду купца Чернышева. Всего - 35 человек.

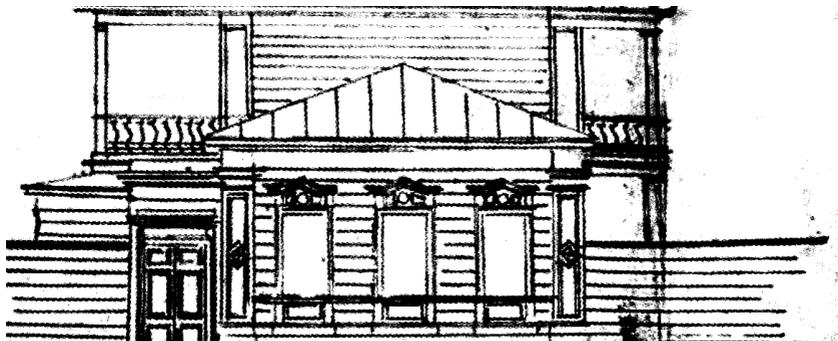
Этот список интересен вот еще почему. В Самару жить и работать приехали люди из соседних губерний, что хорошо видно на примере быстро растущей татарской общины. Это еще одно свидетельство быстрого экономического роста нашего города в конце XIX века. Сделанный примерно в те годы обзор социально-экономического состояния нашего края показывал, насколько вперед шагнул губернский центр в предыдущие десятилетия.

«С назначением Самары губернским городом, с развитием на Волге пароходства, а главное - с проведением через город железных дорог - Самара за последние полвека быстро превратилась из ничтожного захолустья в громадный цветущий город, явив собой яркий пример такого быстрого роста, какой выпал на долю очень немногим русским городам. Недаром ее сравнивают с быстро растущими городами Америки. Достаточно упомянуть, что население города в 46 лет возросло в 6 раз, достигнув ко времени первой всеобщей переписи 1897 г. 91.670 человек. Число православных храмов в городе в настоящее время достигает 24; из них два собора: Вознесенский кафедральный и Казанский; кроме того, два монастыря - Николаевский мужской и Иверский женский, единоверческая церковь, протестантская кирха, като-

лическая каплица, 4 раскольничьих молельни и магометанская мечеть». Это – цитата из книги «Россия. Полное географическое описание. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье» 1901 года издания.

Возвращаясь к теме молельного дома на улице Саратовской и завершая ее, следует еще раз подчеркнуть, что место расположения мечети или молельного дома (на территории усадьбы муллы Мельзетдинова) точно зафиксировано в документах. Это простое деревянное, на каменном цоколе размером 7 на 4 сажени (*одна сажень – 2,13 м - прим. авт.*) сооружение до конца 80-х годов XIX века служило единственным молельным домом для мусульман города, вплоть до построения мечети на улице Казанской. Есть подтверждения того, что каким-то образом использовалось оно и потом – религиозное общество мусульман по улице Саратовской (под № 2) числится действующим почти до Первой мировой войны. Но здание молельного дома к началу XX века пришло в крайне ветхое состояние и в 1909 году было разобрано.

Пользуясь нынешней схемой расположения улиц и современными их названиями, смело можно утверждать, что оно находилось на углу улиц Комсомольской и Фрунзе. Найден и документ, который позволяет на нынешней карте города максимально смело указать место, где он (молельный дом) стоял.

Один из чертежей проекта дома муллы Мельзетдинова (вид сбоку). Впервые опубликован Иршат-хазратом Сафиним в газете «Саям» 29 декабря 2006 года.

Это - «Список владельцев дворовых мест и домов, 1 часть гор. Самара, 14 участок, улица Саратовская», составленный по итогам Первой Всероссийской переписи 1897 года.

По этому «Списку...» значится, что домовладелец Мельзетдинов Зайнельгабетдин имеет два дома под №№ 23 и 25 по улице Саратовской. В первом из них, состоявшем из 8 квартир, в шести проживают семьи мусульман: это - Якупов Вахит, Хисамов Садык, Баймухаметов Юсуп, Рахметуллов Махмут, Мустаев Залялетдин и Галеева Сарби. Во втором – три квартиры, в одном живет Фаткуллин Шайдулла, другие два снимают два человека с русскими фамилиями. Крайний дом под номером 21, угловой с Успенской (№52), согласно документу, занимает Василий Иванович Жуков.

А теперь давайте перенесем сведения 1897 года на нынешнюю схему улиц Самары.

На месте этого трехэтажного дома и стояли усадьба муллы Мельзетдинова и молельный дом.

Мы установили: дома, составившие усадьбу Мельзетдинова, стояли вторым и третьим по счету от угла Комсомольской улицы в сторону Пионерской. Оба не сохранились – на их месте в начале 30-х годов был возведен многоквартирный трехэтажный дом. А угловой дом, явно дореволюционной постройки, так и стоит, только порядковый номер по Фрунзе (Саратовской) его теперь

23, по Комсомольской (Успенской) номер 52 превратился в № 50. Но угол двух улиц тот же, в другой точке они нигде больше не пересекаются. Значит, все так и есть. И дополнительных доказательств местонахождения молитвенного дома Мельзетдиновых, мы уверены, не требуется.

Следует отметить, что данная усадьба была одной из самых богатых в Самаре и оценивалась на сумму 8000 рублей. Для сравнения – средняя стоимость застроенного усадебного места в нашем городе в 70-е г.г. XIX века стоила 2000 рублей. В «Списке домовладений в 14 квартале по улице Саратовской 1876 года» за самарским указным муллой Мельзетдиновым числятся: дом двухэтажный каменный, две кухни каменные, флигель деревянный на каменном фундаменте, флигель полукаменный с мезонином, дом деревянный на каменном полуэтаже, служебные постройки. Правда, одна (меньшая) часть усадьбы размером 25 на 12 сажений в 1883 году отошла купцу Али Хабибулловичу Шадрину. Позже владелицей основной части домовладения стала купчиха Махмутжамал Якуповна Муллинова, в 1906 году бывшая усадьба ахуна Мельзетдинова перешла к самарским мещанам – братьям Решетниковым.

Продажей мельзетдиновской усадьбы на углу Саратовской и Успенской новым владельцам - Решетниковым ее «татаро-мусульманскую» историю можно считать завершенной. О том, как это происходило и как самарские мусульмане пытались отстоять первую свою мечеть, рассказывает один интересный документ 1906 года.

Дело в том, что весной того года по России через популярную в стране казанскую газету «Казан мухбире» («Казанский вестник») распространилась весть о том, что в Самаре продана мечеть. Она взволновала российских мусульман и вызвала большой общественный резонанс. Имам Мухамметфатых Муртазин в письме в другую популярную газету - оренбургскую «Вақыт» («Время») объясняет сложность и двусмысленность происшедшего в Самаре и доносит до широкой общественности свою версию драматических событий, которые предшествовали этому *(в письме имеются некоторые расхождения с архивными документами в датах – прим. авт.)*.

«В Самаре продали здание, служившее мечетью, а не мечеть как таковую, - пишет М. Муртазин в оренбургскую газету. – Вопрос запутанный, поскольку можно ли считать это строение мечетью или нет, даже Самарский окружной суд определить не смог...

В 1860 году, когда умер имам Юмангул-углы Габдрахим-мулла, его место занял сын Зайнельгабетдин Мельзетдинов, который также получил для дальнейшего ведения метрические книги. Из-за малочисленности в Самаре мусульман, мечети как таковой не было, верующие совершали намаз в здании, построенном во дворе ахуна Мельзетдинова. До сих пор неизвестно, на каких договоренностях это происходило. После пожара, случившегося около 1875 года, под руководством Хамидуллы Халфеева были собраны средства, и на оставшемся после огня каменном основании было построено здание в форме мечети, с михрабом и небольшим минаретом. Но разрешение и другие документы, позволяющие мусульманам называть построенное здание мечетью, оформлены не были. И за такое самоуправство Халфеев Губернским правлением был даже привлечен к ответственности. Господину Халфееву наказания избежать удалось, но здание оформить в качестве мечети все равно не получилось. Поэтому никакого документа о том, что это следует считать мечетью или вакуфом (*неотчуждаемое имущество, чаще всего собственность мусульманских духовных учреждений или точно определенных лиц – прим. авт.*), не существует.

Но мечеть продолжала действовать, в 1875 году к ахуну Мельзетдинову приехал сын Фазылетдин, он три года прослужил в должностях имам-хатыба и мударриса и здесь же и скончался.

В 1885 году, когда Мельзетдинов был освобожден от должности имама и ахуна, на его место временно был определен Халильрахман Ибрагимов. Он поставил перед Мельзетдиновым вопрос о передаче здания из своей собственности мусульманской общине и устройстве здесь мечети по законам шариата. Но ахун, разрешив желающим молиться в «его» усадебной мечети, отдавать приходу здание насовсем отказался. После этого намаз стали проводить в другом, арендованном для этого доме. А когда в 1888 году в Самару в качестве имама и мударриса приехал Шигабетдин Минюшев, мусульмане договорились с одним русским

человеком по имени Иван и в его доме на улице Преображенской в течение трех месяцев читали намаз. Это было противоестественным, и это понимали все.

Поэтому тогда же самарские мусульмане приступили к решению вопроса об устройстве специального места для моления. Об их пожеланиях узнали Тимербулат Акчурин и Ахмет Хусаинов и купили в одном из лучших мест города дом. Акчурин коренным образом его перестроил и надстроил. Хотя здание и не имеет минарета, тем не менее, в полном смысле является мечетью и медресе, официально переданное в качестве вакуфа. Вот в нем уже 18 лет самарские мусульмане собираются на намаз и проводят общественные собрания».

В 1898 году Зайнельгабетдин Мельзетдинов умер. Далее Мухамметфатых-хазрат рассказывает о борьбе наследников, коих было немало, за имущество покойного.

«Только теперь его молодая жена и другие наследники узнали, что все домовладение на законных основаниях целиком оформлено на мать первой жены – Муллинову. Все остальные претенденты оставались без доли наследства.

А через несколько лет и новый правообладатель усадьбы ахуна Мельзетдинова - Махмутжамал Муллинова - покинула этот мир, и имущество перешло к ее сыну. Саитгерей Муллинов, в свою очередь, передал права молодой жене, которая стала собирать ежемесячную плату от аренды жилых помещений.

Неизвестно, сколько бы продолжалась такая жизнь, если бы в один из дней 1905 года не стало известно, что усадьба, оказывается, Саитгереем Муллиновым была заложена и скоро будет продана с торгов.

Эта новость взбудоражила мусульман, которые пожалели наследников Мельзетдинова. Специально выбранная группа людей вновь открыла здание, находящееся внутри усадьбы, сложила там печь и возобновила совершение намаза. Потом в Губернское правление было составлено письмо с просьбой зарегистрировать при этой мечети второй приход Самары. При этом ходатаи ссылались на то, если, мол, на территории усадьбы находится общественное здание (мечеть), продавать домовладение нельзя.

Полномочные представители махалли во главе с Минюшевым

проявили большое старание, где только они не побывали со своей просьбой... В одно время в городе пошел даже слух, что мечеть, кажется, удастся сохранить. Вроде бы даже и усадьбу Мельзетдинова как таковую продавать не будут.

Но неожиданно для всех 29 июня прошли торги, и усадьба целиком, вместе со всеми строениями на ее территории, была продана. Таким образом, мусульмане ничего поделывать не смогли...».

Письмо Муртазина опубликовано в газете «Вақыт» в номере 62 от 17 августа 1906 года. Мы на этом документе так подробно остановились неслучайно. Во-первых, Мухамметфатых-хазрат добросовестно и во всех деталях рассказывает историю потери мусульманами молельного дома на улице Саратовской, что для нас представляет большой интерес. Во-вторых, здесь запечатлены яркие свидетельства сложных взаимоотношений в мусульманской общине Самары. Хотя, впрочем, таковые имеются в любом другом общественном объединении. Так что мусульмане в этом отношении не одиноки.

...Пришедший после ухода Мельзетдинова на должность имама Халильрахман Ибрагимов прослужил в Самаре около двух лет. В 1888 году на его место заступил Шигабетдин Минюшев, уроженец деревни Большие Тарханы того же Буинского уезда, как и Ибрагимов. Определение его на должность проходило по общепринятой для всех «назначенцев» системе: сначала Самарское Губернское правление 9 февраля 1888 года направило в Оренбургское Магометанское Духовное собрание соответствующее письмо с приговором (решением схода) жителей-магометан Самары, 2 марта в Духовном собрании Минюшев прошел испытание, оказавшись «способным быть имамом, хатыпом и мударрисом», после чего постановлением Губернского правления от 8 апреля «определен к молитвенному дому г. Самары муллою». Вскоре он получил и должность ахуна Самары.

С именем этого человека в последующие десятилетия были связаны важнейшие изменения в жизни общины и максимального приближения ее норм к потребностям нового времени.

Мы уже знаем о конфликте, случившемся в мусульманском сообществе Самары несколько лет до этого. Положение было совершенно ненормальным, и таким образом вопрос о строитель-

стве в Самаре полноправной мечети постоянно назревал и с годами приобрел наиважнейшее значение. Ахун Минюшев начал энергичные поиски людей, которые могли бы помочь общине в приобретении земельного участка и строительстве мечети. В Самаре таких людей не оказалось, поскольку в конце XIX века татары здесь не обладали необходимым социально-экономическим статусом, и основную часть мусульманского сообщества (по сословной принадлежности) составляли крестьяне и мещане, всего - 99 процентов. Доля купцов и дворян была мизерной – менее 1 процента.

Интерес к нуждам самарских мусульман проявили два известных татарских мецената всероссийского масштаба – Тимербулат Акчурин (Симбирск) и Ахмет Хусаинов (Оренбург). В результате переговоров за дело строительства мечети в Самаре взялся симбирский купец и поборник новометодного мусульманского образования Тимербулат Акчурин (при определенном участии и Ахмета Хусаинова).

Необходимо отметить, что экономическое положение татар Самары изменилось в лучшую сторону довольно скоро – ко времени строительства второй мечети, которой предстояло стать Соборной. Потом мы увидим, как в начале XX века мечеть на Оренбургской – здание в архитектурном и строительном плане гораздо более сложное и, следовательно, имеющее большую сметную стоимость – была построена целиком на средства самих самарских мусульман, без сколько-нибудь заметного привлечения помощи извне.

В ноябре 1888 года Т. Акчурин купил у крестьянина И.Н. Павлова участок (150 кв. саженей) со строениями на улице Казанская, ближе к Заводской, и к 1891 году на собственные средства построил здесь каменную мечеть размером 45 кв. саженей.

Судя по «Оценочной описи домовладений 1 части г. Самары» за 1902 год, в последующие 9 лет (до 1902 года) постепенно комплекс мусульманской мечети получил дальнейшее развитие и расширился. В это время были построены деревянная погребница, каменный одноэтажный флигель (6 x 3,5 саженей), в котором располагалась татарская школа для «приходящих учеников», двухэтажный полукаменный дом (4,5 x 3,5), ставший домом

имама, и еще один одноэтажный (4 x 3), в котором разместилась кухня медресе. Само медресе находилось на первом этаже здания мечети, а ее второй этаж служил главным молельным залом. Сразу и недвусмысленно зафиксировано правовое положение школы – в документе имеется вполне определенная приписка: «школа находится при мечети и принадлежит всему обществу».

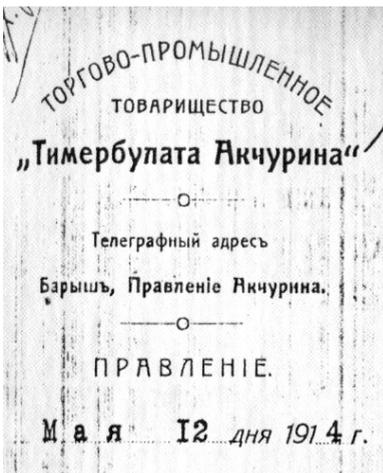
Такая активная застройка стала возможной благодаря увеличению земельной площади – дополнительно к «акчуринскому» участку мусульманское общество приобретает еще один, по соседству. К 1898 году Акчурин свой участок, купленный десять лет назад, и на котором уже стояла мечеть, безвозмездно передал магометанской общине.

...Историю, несмотря на объективный характер законов ее развития, творят люди. Каким может быть их влияние на исторический процесс? Все зависит от цели, которую ставят перед собой люди, могущие оказать это самое влияние. А цель, как известно, оправдывает средства к ее достижению. Сказанные людьми слова или совершенные ими деяния могут породить зло, за которое современники и потомки во многих поколениях проклинают их.

Или добро, память о котором очень часто переживает тех, кто его совершил. Это добро на все времена. Словом, все зависит от цели, которой руководствуется человек.

Тимербулат Акчурин относится к славной плеяде богатых людей старого времени, кто добровольно взял на себя ответственность за свой народ, за его жизнь и судьбу, культурное и нравственное состояние. Ту часть ответственности, которую могли нести.

Тимербулат-бай жил и работал в Симбирской губернии, там находились его фабрики, там на него, добывая и себе хлеб насущ-

Бланк письма для служебной переписки компании Акчуриных.

ный, работали тысячи людей разных национальностей. Сто пять лет назад он, окончив земной путь, там же обрел вечный покой.

Но до сих пор людская молва с благодарностью и почтением вспоминает жизнь и дела этого удивительного человека. Тимайбая (симбирские татары и так, на мишарский манер, называли своего благодетеля), как преуспевающего капиталиста-фабриканта, мецената, строителя мечетей, школ и медресе как у себя на родине, так и в Петербурге, Нижнем Новгороде, Казанской губернии и других местах страны, знала вся Российская империя. Благодаря Тимербулату Курамшевичу Акчурина в Самаре была построена первая каменная мечеть, которая, пройдя суровые испытания, снова служит мусульманам.

...Отец Курамша Абдуллович, распределяя собственность среди большого семейства, написал в завещании, что старшему из сыновей Тимербулату «...за его истинное ко мне почтение, сыновью преданность предоставляю в вечное и потомственное его владение земли пахотные и лесные со всеми угодиями» и Гурьевскую суконную фабрику (Гурьевка – село, ставшее сейчас частью города Барыш). Тимербулат получал и землю, примыкающую к Гурьевскому лесу.

Организация труда и особенно быта на предприятиях Акчуриных была самой передовой для того времени. Например, для рабочих и инженерно-технических работников, прибывших на фабрики с других уездов, строились квартиры. Построенные на кирпичном фундаменте, некоторые из них стоят поныне и являются жилыми. Как и основные производственные помещения – база Барышской швейной фабрики нашего времени. Их до сих пор называют «бабаевскими», то есть «тимербулатовскими».

В Сызрани на улице Саратовской (теперь Челюскинцев), вблизи Московско-Казанской железной дороги, располагались склады суконной фабрики Т.К. Акчурина. Заботясь о санитарно-гигиенических условиях фабричного люда, Акчурины (многие дела родственники вели совместно) построили баню и содержали образцовую больницу, в которой рабочие и служащие получали бесплатную медицинскую помощь. Больница обслуживала и всех остальных жителей округа.

Для рабочих православного исповедания в селе Бештановка

(теперь – Заречное) была построена деревянная церковь. Тимербулат Акчурин в 1899 году совершил хадж, взяв с собой в Мекку дочь Айшу.

Другая дочь Т.К. Акчурина – Марьям была замужем за сыном муфтия Духовного управления мусульман России Мухамедьяра Султанова. В Уфе она на свои средства и под своим руководством содержала приют для сирот, занималась последующим устройством воспитанниц. Благодаря этому приюту Марьям Султанова стала известным человеком для всего тюркского мира России. Скончалась она в 1928 году. Сейчас ее имя носит Исламский институт Духовного управления мусульман Республики Башкортостан.

Сыновья Тимербулата Акчурина – Хасан, Якуб и Абдулла в делах предпринимательских и общественных пошли по стопам своего знаменитого отца. Но только старший из них - Хасан Тимербулатович (умер в 1916 году) естественным образом избежал потрясений, которые принесла революция 1917 года. Во время гражданской войны погиб самый младший – Хамза. Двое других, лишившись прежней собственности и почетного положения, прожили оставшиеся годы ничем не проявляя себя. Многие потомки Акчуриных в 30-е годы подверглись репрессиям. Дочь Айша умерла в блокадном Ленинграде в 1942 году.

Заметной фигурой в татарской и мусульманской общественной жизни России был и младший брат Тимербулата Курамшевича (от второго брака их отца) – Ибрагим Акчурин (1859 - 1933). После смерти в 1915 году муфтия ОМДС Мухамедьяра Султанова кандидатура И. Акчурина выдвигалась в ка-

Ибрагим Акчурин в 1913 году. Фотография на память сыну Аюпу.

честве одной из кандидатур на его место. Но в итоге победил Мухамметсафа Баязитов – сын петербургского ахуна Атауллы-хазрата Баязитова.

Новая жизнь при Советской власти разбросала знаменитый род по разным уголкам страны, некоторые его представители уехали за границу...

Примечательно, что до сих пор не обнаружено ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что сам Тимербулат Акчурин приезжал в Самару по вопросу строительства мечети или каким-то другим делам. Вполне возможно, что в нашем городе он никогда и не бывал. Скорее всего, имел здесь доверенных лиц, которые выполняли задания хозяина: коммерческого, общественного и личного характера. Родственники же Тимербулата Курамшевича в Самаре жили: один из них - унтер-офицер Ибрагим Аптеков - на улице Успенской.

Говоря о его месте и роли в жизни Средневолжского региона, уместно будет привести характеристику земского начальника Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, который утверждал, что «главу мусульман здешнего края Тимербулата Акчурина татары очень почитают»..., «а главное – все зависят от него». Нам же остается добавить, что мы - татары Самары и через сто лишним лет после кончины Тимай-бая тоже глубоко почитаем его, поскольку имеем бесценное достояние, которое Т.К. Акчурин подарил нашим предкам в конце XIX века.

А что касается пребывания Тимербулата Акчурина в Самарской губернии вообще, на этот счет есть подтвержденный факт: его участие в урегулировании конфликта вокруг деревни Боровка (татарское название – Парау) Ставропольского уезда в самом конце века. (Теперь это село находится в Мелекесском районе Ульяновской области).

...В январе 1897 года в деревнях Боровка и Старый Уренбаш Ставропольского уезда прошел слух о том, что предстоящая перепись населения ставит целью, помимо всего прочего, выявление количества татарских детей для последующего их крещения. «Повсеместно будут открываться русские школы, - говорил землякам народный агитатор Вафа Шамшетдинов, - в них учителя Русского миссионерского общества будут обучать

только русской грамоте». Как потом выяснило следствие, эти сведения сначала получили распространение в соседнем Чистопольском уезде Казанской губернии, из-за этого там тоже случились волнения. А потом дошли до деревень соседней Самарской губернии.

На общем сходе возмущенные этим сообщением жители Боровки постановили не пускать в село переписчиков. Силами волостных чиновников переубедить крестьян не удалось. Дело принимало серьезный оборот, и волнения грозили перекинуться в соседние татарские селения.

Ситуацию под личный контроль взял самарский губернатор А. С. Брянчанинов. Для умирения крестьян были даже посланы солдаты, но до применения оружия дело не дошло. Только трое вожakov были арестованы и увезены на один месяц в уездную тюрьму. В Боровку была направлена телеграмма уфимского муфтия Мухамедьяра Султанова о безосновательности этих слухов и призывом не поддаваться на провокации. Она неоднократно зачитывалась перед крестьянами. На большой мирской сход в феврале приезжали два необычайно влиятельных среди татарского населения человека – фабриканты из Симбирска Хасан Алеев и Тимербулат Акчурин. Они призвали единоверцев успокоиться и дали гарантии, что слухи о предстоящем крещении их детей абсолютно беспочвенны... Авторитет приезжих и их слова на татарском языке, понятном для жителей Боровки, сыграли не меньшую роль, чем угроза применения военной силы.

И вскоре общими усилиями конфликт был разрешен без крови и других последствий для местных жителей.

...19 сентября 1906 года Тимербулат Акчурин скончался. Но до сих пор во многих городах и селах нашей страны крепко стоят его мечети – живые свидетельства бескорытия этого человека, искренней его заботы о своем народе и своей стране.

Жизненный путь знаменитого фабриканта и мецената подробно описан в материале биографа династии Акчуриных, известного татарстанского ученого Н.И. Таирова, который мы, с любезного согласия автора, приводим во второй части книги.

Как мы уже отмечали, реформы 60 – 70-х гг., проведенные правительством Александра II, стали важными факторами эко-

номического роста Российской империи. В последней трети XIX века невиданными доселе темпами начала развиваться и Самара.

Оживилась экономика города и губернии и, как следствие всеобщего ускорения и развития, благотворные перемены стали наблюдаться и в мусульманском сообществе. С приходом в руководство общины ахуна Шигабетдина Минюшева духовная и общественная жизнь самарских мусульман постепенно принимает организованные формы. Абсолютное большинство татар-мусульман селилось по принципу соседства на улицах Казанская, Панская, Преображенская и других, составив потом приход мечети (махалля). Миграция татар в Самару постепенно усиливалась по мере экономического роста города, и самарские татары, могущие себя назвать старожилами, принимали своих земляков, помогали им устроиться на новом месте. Немало было и приезжающих на сезонные работы, в том числе, на расположенные неподалеку хлебные пристани и ярмарки.

Самара вообще стала важным центром хлебной торговли. Усилению этого фактора способствовало завершение в 90-е гг. строительства Самаро-Златоустовской железной дороги. Самара тем самым получила важнейший способ доставки зерна в различные части России. Это еще больше подхлестнуло темпы развития торговли в городе. Среднее Поволжье, бывшее еще недавно колонизационной окраиной империи, к концу XIX века превратилось в крупный транспортный форпост на пути в Среднюю Азию и Сибирь. Новую железную дорогу так и называли «хлебовозная».

Документы тех лет достаточно красноречиво описывают состояние губернии, экономика которой развивалась очень быстрыми темпами и включала в свой многоотраслевой оборот тысячи людей.

«Торгово-промышленное значение Самары весьма велико, - сообщает упоминавшийся уже нами сборник «Россия. Полное географическое описание. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье». - Выгодное географическое положение города на берегу Волги в узле железных дорог, соединяющих центральные губернии с Заволжьем, сделало Самару одним из важнейших в Империи рынков по торговле хлебом, скотом и салом. Открытие движения по Великой Сибирской железной дороге еще более выдвинуло

значение этого города, как главного пункта скрещения грузов, следующих с Дальнего Востока и из Центральной Азии. На Самарский хлебный рынок подвозится масса хлеба, как по линиям железных дорог, так сплавом по р.р. Волге и Самаре, а также и на возах из окрестных сел и деревень Самарского, Бугурус-ланского, Николаевского и Новоузенского уездов. Общая годовая покупка хлеба в Самаре простирается до 18 милл. пуд., из них пшеницы - до 12 милл. пуд. Для хранения грузов в Самаре имеется частных амбаров приблизительно на 12 милл. пуд. Большая часть собирающегося в Самаре хлебного груза с открытием навигации грузится на баржи и отправляется в города: Казань, Нижний Новгород, Рыбинск и другие торговые пункты. По удобству пристаней ни один из низовых приволжских городов не может сравниться с Самарой, так как здесь Волга, протекающая у самого города, имеет постоянно весьма значительную глубину. Кроме того, устье Самары образует глубокий, поместительный затон, в котором сооружена искусственная бухта, свободно помещающая до 50 пароходов. Пароходные пассажирские и легкогрузовые пристани расположены по Волге, хлебные пристани, к которым проведена железнодорожная ветвь, находятся на р. Самаре, где хлеб грузится на суда непосредственно из хлебных амбаров, к которым во время половодья почти вплотную подходят баржи и пароходы.

Стягивая к себе хлебные грузы со всей Самаро-Златоустовской линии и Оренбургской ветви, Самара является в то же время одним из главных поволжских пунктов торговли пшеничной мукой, так как, кроме привозной муки, она имеет в своих окрестностях несколько паровых мукомольных мельниц с новейшими усовершенствованиями, на которых перерабатывается в год до 10 милл. пуд. пшеницы. Самарские мельницы принадлежат следующим лицам: Шихобалову, Башкирову, Романиеву, Красикову, Шадрину. Торговлей хлебом не исчерпывается коммерческая деятельность Самары. Город, соединенный железной дорогой с Оренбургом, покупает и продает много шерсти, кож, сала и прочего сырья, получаемого из соседних киргизских степей.

В Самаре бывают три двухнедельные ярмарки: Сборная, Казанская и Воздвиженская, на которых, в общей сложности, про-

дается товаров на сумму свыше 300 тыс. руб. Главными предметами торговли служат мануфактурные товары и лошади. Фабрично-заводская промышленность города определяется 46 фабриками и заводами, на которых производится товаров на сумму свыше 8 милл. руб., при 2.200 рабочих. Первое место среди производств занимает мукомольное (почти на 5 милл. руб.), затем следуют: спиртоочистительное, салотопенное, пивоваренное, механическое, воскобелильное, маслобойное и др. На Самарскую пристань в 1897 г. прибыло грузов более 14 милл. пуд., а отправлено с них свыше 19 милл. пуд. Самара соединена с Великим Сибирским путем при посредстве Самаро-Златоустовской железной дороги, имеющей в пределах описываемой области протяжения с двумя ветвями - Оренбургской и Сергиевской - 700 верст. На Самарскую станцию прибыло грузов около 11 1/2 милл. пуд., а отправлено более 81 1/2 милл. пуд., преимущественно хлеба. При станции находится элеватор закрытой системы, с механическими приспособлениями для передвижения груза. От самарского вокзала, помещающегося на выезде из города, в конце Москательной улицы, железнодорожная линия направляется вдоль р. Самары».

Культурное многообразие Самары отражалось и на городской архитектуре. На снимке: дом, построенный в конце XIX века, мавританский стиль. Улица Куйбышева, 72.

Самара привлекала тысячи «отходников» из деревень и малых городов. Многие инородцы были заняты на сезонных работах, в том числе, и на хлебных пристанях. Константин Неклютин (сын самарского головы конца XIX века, миллионер, председатель Самарского Биржевого комитета и гласный Городской Думы, после революции примкнул к белому движению, став министром продовольствия и снабжения в правительстве Колчака, потом белоэмигрант) пишет в своих воспоминаниях о первых годах деловой карьеры:

«Работа состояла в том, чтобы сосчитать объем выполненной работы и насчитать оплату за нее.

Это занимало только один день в неделю, но этот рабочий день начинался с рассветом, около 5 часов утра, и продолжался до 10 -11 часов вечера. Целая очередь выстраивалась перед кассой.

Я помню первую свою ошибку. Старый татарин подошел к окошку кассы и подал мне деньги, сказав: «Пересчитай!». Я сосчитал деньги, сверил сумму с ведомостью и обнаружил, что выплатил больше, чем полагалось. Я сказал ему об этом, на что он с удивлением ответил: «Это же неправильно, разве не так?» Позднее я стал обнаруживать свои ошибки, так или иначе, и заметил, что возвращали деньги исключительно только мусульмане, а не христиане. Если же обсчет был не в пользу работника, то об этом сообщали как те, так и другие. С этого времени я стал уважать мусульман».

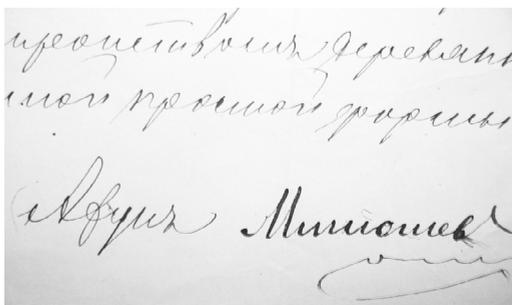
...Вернемся к делам мусульманским. Образовательное направление в работе общины привлекало первостепенное внимание, силы и средства. Под руководством Шигабетдина Минюшева начинается целенаправленная культурно-просветительская деятельность среди мусульман Самары и губернии. Сын буинского мещанина Симбирской губернии, получивший образование в тамошнем медресе, Минюшев сразу после назначения на должность (еще в молельном доме на Саратовской) открывает мектебе (начальную школу для детей) и медресе (духовную школу). Медресе со временем превращается в среднее духовное училище по подготовке служителей культа и учителей религиозных школ.

Из отчета, подготовленного в 1913 году к 25-летию медресе,

видно, какой большой объем работы проделало это учебное заведение: за это время в нем получили образование 740 человек, из которых 30 выпускников стали имамами в мусульманских приходах Самарской губернии и за ее пределами.

Особое внимание Шигабетдин-хазрат уделял прививанию учащимся именно навыков преподавательской работы, считая распространение знаний среди мусульманской уммы важнейшей обязанностью себя и своих учеников. Неслучайно, выпускники самарского медресе, едва приступив к работе в качестве имамов, имели обыкновение немедленно налаживать при мечетях учебу прихожан и детей.

Минюшев налаживал тесный контакт с властями, чему способствовало хорошее знание русского языка (что было не очень характерно для мусульманских служителей культа того времени).

Личная печать ахуна Минюшева и образец его каллиграфической росписи по-русски.

Из юбилейного материала в журнале «Икътисад» видно, с каким уважением относились бывшие выпускники медресе к своему учителю. Их было много – в медресе Шигабетдина Минюшева получали образование муллы как из близких к Самаре сел – Спиридоновка, Ново-Урайкино, Мулловка, Кубань-Озеро, так и расположенных подальше. Даже за 100 и более верст. Это - Филипповка, Татарские Выселки, мусульманские (татарские, башкирские и казахские) селения Николаевского, Новоузенского уездов Самарской губернии, а также Новые Тимерсяны Карсунского уезда Симбирской губернии и многие-многие другие.

Был устроен праздничный вечер, на котором, кроме почетных мусульман города, присутствовали имамы из самых ближних деревень губернии, земляки ахуна из Буинска. Учениками Минюшева под руководством его коллеги и соратника Мухамметфатыха Муртазина готовилась к изданию книга, в которой анализировались результаты работы медресе за два с половиной десятилетия, были собраны воспоминания выпускников и много другого интересного материала. Но эта книга, судя по всему, издана не была.

Истинный гражданин России, всю жизнь служивший ее интересам, Минюшев в мае 1916 г. был награжден золотой медалью Министерства внутренних дел Российской империи «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте. После революции Шигабетдин Минюшев несколько отошел от активной деятельности, хотя еще в 1929 году числился одним из имамов своей мечети. Скончался он, по данным Иршат-хазрата Сафина, в 1930 году.

О том, как в новых для себя условиях магометанское общество отстаивало насущные интересы самарских мусульман, свидетельствует история с расширением кладбища.

Мы уже убедились, что в начале XIX века магометанское кладбище находилось на южной окраине города, неподалеку от находившейся там мечети. Развитие Самары требовало свободы и простора, и в 40-х годах XIX века восточная окраина города была отодвинута на линию современной улицы Братьев Коростелевых.

Кладбища в городской черте были закрыты, для устройства новых кладбищ (для всех вероисповеданий) были выделены необходимые площади за восточной чертой города. Между кирпичными заводами (с севера) и линией Самаро-Златоустовской железной дороги к югу (позднее, в других документах начала XX века, они названы «землями Оренбургской железной дороги»). А к востоку от новых кладбищ находились казенные пороховые погреба артиллерийского ведомства, а за ними проходил Колесников овраг. Он и сейчас есть, этот овраг, но не такой широкий и глубокий, как в XIX веке. Еще несколько десятилетий назад, до строительства микрорайона имени братьев Кузнецовых, там

находился поселок из частных домов – улицы Овражная, Менжинского, Ломоносова, Кирпичная, 1, 2 и 3-я Белорецкие, Морфлотская и другие. А на месте пороховых погребов до недавнего времени располагались склады №411 министерства обороны.

С запада кладбищенская территория ограничивалась канавой водостоков железной дороги (район нынешнего стадиона «Локомотив» и улицы Агибалова).

К западу от вокзальной площади (район парка Щорса, улиц Спортивная, Красноармейская, Чернореченская, Желябова) и поближе к городу значительная земельная площадь была занята православным кладбищем. Магометанский участок располагался, по воспоминаниям самарских старожилов и чертежам городских землемеров, на месте нынешних складских помещений железной дороги, улиц Пятигорская, Мечникова, Самойлова, частично – на территории завода «Волгакабель» с выдвиганием на площадь Урицкого.

Это – в увеличенном виде, на завершающем этапе их существования, перед закрытием в конце 20-х гг. А сначала (до расширения) мусульманский участок занимал только 1200 кв. саженей (примерно 2500 кв. метров) на юго-востоке очерченной нами территории, почти примыкая к железнодорожным путям. Здесь же, рядом находились еврейский, староверческий, евангелический, молоканский и сектора других вероисповеданий. А также специальные участки для умерших от холеры и от других эпидемических болезней. Православное и кладбище «иноверческое и различных сект» разделял поселок, который так и назывался «кладбищенский».

Вскоре участок стал заполняться, и к концу XIX века остро встал вопрос о расширении территории мусульманского кладбища. В первый раз община подняла его перед Самарской Городской управой после того, как окончательно оформила свое месторасположение в новой мечети на улице Казанской, а точнее в 1893 году. И вместе с перспективной задачей была обозначена более близкая – поскольку решение таких серьезных вопросов, как выделение земли, обычно затягивалось на довольно длительное время, ходатаи попросили улучшить пока состояние уже используемого кладбища.

4 июня 1894 года датировано еще одно заявление ахуна Минюшева в Самарскую Городскую управу:

«Ввиду недостатка свободного места для могил на магометанском кладбище имею честь покорнейше просить Самарскую Городскую управу разрешить нам заровнять прилегающую к нашим кладбищам с северной стороны канаву и поставить между этой канавой и холерными кладбищами ограду, чтобы канава эта отошла к нашему кладбищу...» Письмо написано на «фирменном» бланке со штампом «Ахун города Самара Шигабеддин Хуснуддинович Минюшев».

По следам этого прошения вскоре, в декабре 1894 года, появилось решение Городской управы «О разрешении магометанскому ахуну занять место под проезд на магометанское кладбище, устроить на этом кладбище деревянную ограду и колодец».

Но «земельный» вопрос, как и предполагалось, решался не один год, и не два... А целых 13 лет. Столько же длилась переписка мусульманского общества с городскими властями.

Сначала за дело взялись городские землемеры. В «Деле об отводе городской земли под мусульманское кладбище» приводится «План мусульманского кладбища с показанием окружающей местности», составленный в 1893 году. Потом появился скорректированный план от 22 августа 1894 года... В итоге получилось, что магометане дополнительно просят 5600 кв. саженей земли.

В наиболее активную фазу работа вступила в 1903 году, когда мусульманским обществом были определены специальные уполномоченные для переговоров с Городской управой. Сначала им был Сунгатулла Хамидуллович Халфеев, которого с сентября 1906 года заменил Махмут Баишев (мещанин, проживающий по Вознесенской улице в 1 городской части, в собственном доме №57). Заявление об «уполномочивании» датировано 22 апреля 1903 года за подписями: мещанин Хан-Гирей Аптеков, мещанин Сунгатулла Халфеев, крестьянин Насибулла Габидуллин и домовладелец Махмут Баишев. Мандат закрепляет последняя «заверительная» подпись ахуна Минюшева.

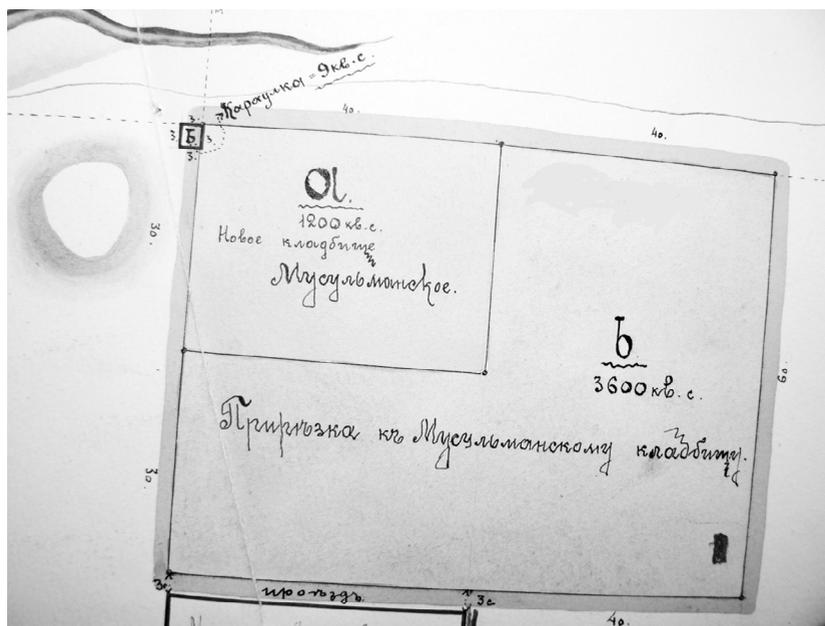
Управа не проявила готовности удовлетворить в полном объеме просьбу мусульман – «за недостатком земли». Городской земле-

мер Богданович встал на защиту магометан, говоря, что места для расширения хватит, одной только «прирезкой» вопрос не решить, а только отводом нового места. В его докладе, подготовленном для Городской управы, приводятся слова о том, что настоящее (то есть нынешнее кладбище) началось заполняться шестьдесят лет назад. Иначе говоря, с 40-х годов.

В журнале заседания Самарской Городской Думы, состоявшегося 7 - 8 июня 1906 года, мы читаем: «Вследствие окончательного переполнения существующих магометанских кладбищ, живущие в городе Самаре магометане обратились с ходатайством об отводе для нового кладбища другого места в размере до двух десятин... Расположенное в месте разноверческих кладбищ можно считать переполненным и свободных мест осталось очень мало, так как магометане по своим обрядам хоронят боковым порядком, то есть в боку вырывают углубление, куда и вставляют гроб. Таким образом, покойник у магометан лежит не там, где насыпан холм, а там, где сверху находится целина. По другому магометанскому обычаю: ни в коем случае нельзя хоронить в одной могиле по несколько человек, но нельзя тронуть и могилу прежде похороненного. При таком характере погребения свободные места приходится отыскивать, что возможно только летом, зимой же находить приходится с большим трудом, при начинании рыть могилу в двух-трех местах...

В Самаре в настоящее время проживает более двух тысяч мусульман, имеющих недвижимость, торговое предприятие или другую промышленность. Кроме того, в страду на временное житье, для работы на хлебных пристанях и базарах, приезжает еще до 3000 человек. При таком числе жителей смертность, если взять обыкновенную от 5 до 10 процентов, определяется от 200 до 300 человек в год... Место, просимое под кладбище, уже исследовано мусульманами путем рытья во многих местах пробных ям, которые и показали пригодность этого места для кладбища. Место это городское и отведено под площадь каменоломен, но за неимением тут камня оставлено безо всякой эксплуатации. В вышеуказанном месте вполне можно отвести под просимое кладбище площадь 5625 кв. саженей...»

К сказанному следует добавить, что составители документа и

План расширения мусульманского кладбища.

ходатаи немного занижали количество самарских татар – даже по официальным итогам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в Самаре постоянно (без учета большого числа сезонных работников на хлебных, лесных и рыбных пристанях и многочисленных базарах) проживало 2803 татар. А всего в Самаре насчитывалось 91627 жителей.

Но аргументы «в пользу» сначала не возымели действия, и бюджетная комиссия Городской управы высказалась только за выделение не более половины десятины, а точнее 1200 кв. саженей, и Городская Дума согласилась с заключением бюджетной комиссии.

Но магометане, поддержанные Богдановичем, не сдавались и терпеливо стали добиваться поставленной цели: началась новая переписка с Городской Думой и управой. Там долго отказывали, но, в конце концов, согласились на выделение 5086 кв. саженей на «приращение мусульманского кладбища».

Работа по увеличению территории кладбища закончилась 11 октября 1911 года получением соответствующего свидетельства.

Правда, через два года выяснилось несоответствие между планом и фактическим размером «приращенной» земли. Обмер 1913 года показал, что «излишки» земельных участков у магометанского кладбища составляют 286 кв. саженей, еврейского - 26 и евангелистов - 112 кв. саженей. Но дело констатацией этого факта, собственно, и ограничилось.

Еще один штрих к истории с расширением мусульманского кладбища в начале века. Для укрепления своих позиций руководство мусульманской общины к многочисленным официальным документам прилагает следующее пояснение: «Справка. По Корану, хадисам и шаригату топтать могилы запрещается. В чем удостоверяю своим подписом и приложением именной печати. Ахун г. Самары Ш. Х. Минюшев. 1911 года октября 8 дня».

Мусульманское и другие кладбища к северу от железнодорожной дороги и вокзала использовались более восьмидесяти лет и были закрыты в 1928 году. Но и потом, в течение нескольких лет, в исключительном порядке и на отдельных участках разных исповеданий хоронить разрешалось. Например, в 1943 году здесь обрел вечный покой председатель Попечительского совета по строительству Соборной мечети на Оренбургской улице Махмут Баишев, он же инициатор расширения мусульманского кладбища в начале XX века.

По генеральному плану развития Самары, принятому в 1928 году, на территории к северу от железнодорожного вокзала предусматривалось строительство промышленных объектов и жилья. В течение примерно двух лет рассматривались и другие планы застройки высвобождающейся площади.

Но стройки первой пятилетки не могли долго ждать, и 18 июля 1930 года президиум Самарского Городского совета постановил закрыть кладбища. Желающим предоставлялось время переноса останков близких на новые кладбища на улице Партизанской и 6-м Тупике (для мусульман). Давалось на это... 5 дней. Конечно, мало кто смог воспользоваться такой возможностью, особенно за такой короткий срок.

Все могилы сровняли с землей в 1935 году.

Власти в спешке забыли про могилу героя гражданской войны Николая Щорса, похороненного в 1919 году. И вспомнили только после войны - его тело немалыми усилиями было найдено и с государственными почестями перенесено на новое городское кладбище. Вот поэтому появившийся здесь детский парк и получил имя Щорса.

Невозможно представить, что самарские татары в массовом порядке бросились переносить останки своих близких на новое кладбище, расположенное примерно в полутора километрах к востоку. Хотя бы из-за чрезвычайной дороговизны такого мероприятия. Можно даже предположить, что если такие и нашлись, то это были единичные случаи. Скорее всего, люди смиренно встретили эту безрадостную весть, как неизбежное, и ничего поделать не смогли.

Потом здесь развернулась широкомасштабная стройка и нетрудно догадаться, насколько потревожен был при этом покой наших предков. Отношение к прошлому, как мы знаем, было тогда вполне определенное, и на такую «мелочь» особого внимания никто не обращал.

Территория бывших кладбищ давно застроена. Сначала, в тридцатые годы, на их месте появились многоквартирные дома сталинского «монументализма», многочисленные деревянные «двухэтажки» барачного типа и хозяйственные сооружения. На участке бывшего мусульманского кладбища в советское время, как мы помним, находились автохозяйство «Торгтранс», объединение «Облбытремтехника», несколько торговых баз и другие строения. А уже в начале XXI века там развернулось строительство современных жилых и офисных зданий.

Казалось бы, ничего уже не осталось от «того» прошлого этой части нашего города, но история время от времени напоминает о себе. Вот только один недавний случай.

...Летом 2007 года на площади Урицкого, напротив здания администрации Железнодорожного района, во время ремонта теплосетей и «прохождения» под трамвайными путями, рабочие наткнулись на останки двух человек. К какому вероисповеданию принадлежали похороненные – установить было невозможно. Время ведь не щадит даже дубовые гробы, в которых обычно

хоронили православных в старые времена (в сырой земле за столько лет и они превращаются в труху). Не говоря уже о сосновых досках, которыми закрываются в могилах тела мусульман.

По существующим правилам, руководитель работ вызвал милицию, после составления акта останки были собраны и отвезены на городское кладбище на улице Партизанской и там захоронены.

...В конце XX века мусульманская община начала получать широкое признание и в периодической печати. В 1899 году в первый раз сведения о ней вошли в «Календарь – памятную книжку Самарской губернии». Правда, очень короткие:

«Молитвенный дом (Казанская улица, 42 квартал, дом №75, магометанского общества), ахун Шигабуддин Хуснутдинов Минюшев и муадзин Хасянша Мухаметзянов Габдулбогатов». Из этого календаря мы также узнаем, что в 1899 году Ураза-байрам был 27 января, а Курбан-байрам - 10 апреля.

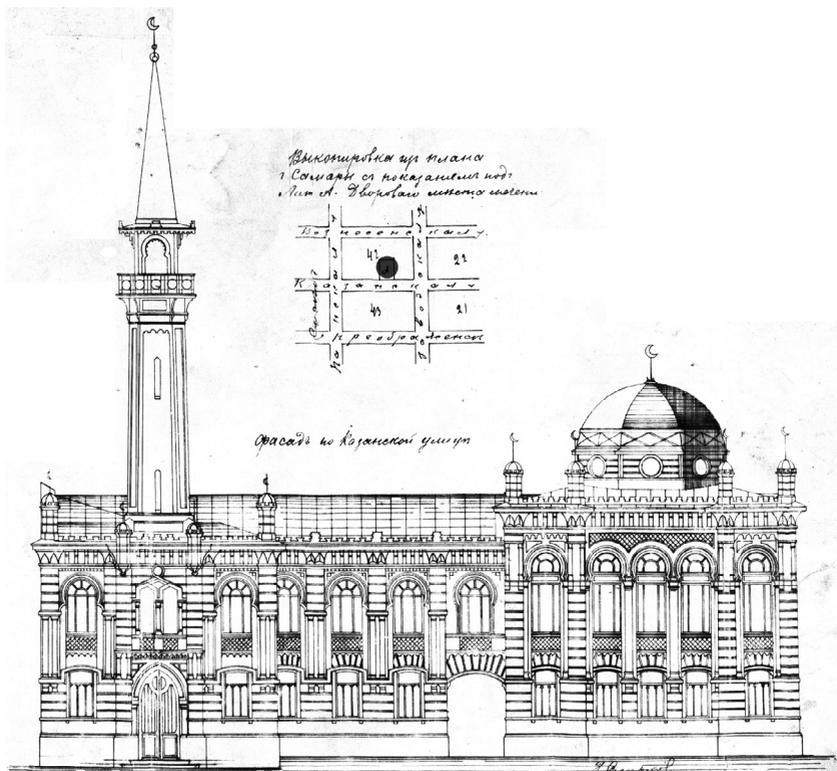
Назначение в марте 1902 года Мухамметфатыха Муртазина (1875 года рождения, уроженца деревни Сюндюково Симбирской

губернии) вторым имамом мечети на Казанской имело огромное значение для судеб мусульманского сообщества не только Самарского края, но и всей России. М. Ф. Муртазин остался в истории не только одним из самых просвещенных религиозных деятелей того времени, но и журналистом, издателем и активным общественным деятелем, состоявшим членом нескольких светских обществ.

Приход Муртазина в мусульманскую общину Самары совпал с началом одного очень важного мероприятия – реконструкции мечети. Чертеж «Фасад реконструируемого магометанского молитвенного дома для устрой-

Первое фото в Самаре.

Проект реконструкции 1903 года.

ства Соборной мечети в 42 квартале по улице Казанской» очень полно и в деталях передает формы будущей мечети. Архитектором проекта стал С. В. Смирнов. Главной целью реконструкции было придание ей законченного вида и установка минарета высотой в 42 метра. Мечеть, после окончания этих работ, должна была обрести статус Соборной. Еще раньше, в 1895 году, когда делались первые шаги к получению разрешения достроить мечеть, по существовавшему тогда порядку, свое согласие выразил и Самарский архиепископ Гурий. «От моего имени уведомляю начальника губернии, что препятствий к построению мечети в Самаре... не усматривается» - такую резолюцию он наложил на письмо губернатора.

По оценкам специалистов, мечеть была спроектирована в

классическом мавританском стиле, выдержана в строгой геометрии здания, фасад предусматривалось украсить ионическими колоннами, фронтон здания должен был покрыться множеством элементов, лепниной. Очень важно, что мечеть была максимально стилизована под самый распространенный тип общественных и жилых построек Самары конца XIX века и органически вливалась в единый порядок зданий улицы Казанской... Словом, по всем признакам обновленная мечеть обещала стать красивым и уместным с точки зрения привязки к местности сооружением.

Но работа встретилась со многими трудностями. Сначала с обычными, бюрократическими – на несколько лет затянулись разного рода согласования и утверждения в многочисленных инстанциях. Еще одну причину трудностей следует искать в том, что вскоре началась работа по строительству еще одной мечети, в северной части города, на улице Оренбургской. Из-за чего внимание и усилия мусульманской общины оказались рассредоточенными. К тому же, в период реакции изменилось отношение властей к духовным начинаниям мусульман, и продвижение идеи затормозилось совсем. А в 1914 году грянула война, отодвинувшая на неопределенный срок все, как мы сейчас назвали бы, социальные проекты.

Наряду с улучшением форм культового сооружения, в начале века особое внимание руководители общины уделяли совершенствованию внутреннего содержания мусульманского просвещения. При молодом имаме Муртазине стал совершенствоваться учебный процесс – как в медресе, так и в школе (мектебе), приближаясь к передовой в то время системе татарского образования.

В 17 и 19-м номерах оренбургского журнала «Шура» за 1910 год Мухамметфатых Муртазин в порядке обмена опытом с коллегами в других частях России подробно рисует сложившуюся систему обучения в учебных заведениях Самары. Оценка различных форм обучения, учебных программ, рассчитанных на четырехгодичный курс, их сравнительный анализ, влияние на конечный результат – получение учащимися знаний... Здесь Муртазин предстает перед нами еще и как вдумчивый педагог, смелый теоретик и опытный практик татарского национального образо-

Учащиеся медресе Шигабетдина Минюшева.

вания начала XX века. Без сомнения, новометодного – в учебной программе значительное место занимают нерелигиозные предметы. Это – русский язык, география, история, каллиграфия (чистописание), родной язык, начальный курс бухучета и экономики. Если учесть, что в общей сложности программа предусматривала освоение 13 предметов, то видно, что светский блок занимает почти половину этого перечня.

Цели обучения понятны. Например, по русскому языку ставится задача научить детей читать и писать, как сказано в материале, «на надлежащем уровне». Учащиеся должны были научиться пересказывать прочитанное, освоить правописание, производить легкий грамматический и синтаксический разбор предложений, знать наизусть популярные стихотворения.

В 1907 году в Самаре произошло еще одно значительное событие - по инициативе Муртазина было создано первое татарское культурно-просветительское общество. Губернатор В.В. Якунин утвердил его устав 22 сентября 1907 года. А официальное открытие состоялось в здании Самарской биржи (на нынешней

Хлебной площади, рядом с пожарной частью, сейчас здесь находится городская больница №3). Председателем правления единогласно был избран инициатор создания общества. Само правление располагалось в мечети на улице Казанской.

Целями общества провозглашены просвещение и образование лиц магометанского вероисповедания, ознакомление их с политическими и экономическими правами, признаваемые за ними существующими законами, и оказание материальной помощи. Членам общества разрешалось распространять свою деятельность на уезды Самарской губернии. Предусматривалось открытие ремесленных и других школ, проведение публичных лекций, литературных вечеров и так далее.

За небольшой срок существования общество сделало многое для национально-культурного и духовного возрождения татар города и всей губернии. В 1907 году в Самаре открылась бесплатная библиотека для мусульман и народная столовая, в 1908 году в помещениях мусульманских школ первого и третьего приходов было организовано вечернее обучение взрослых, для наиболее нуждающихся учащихся бесплатно предоставлялись ученические пособия. Летом того же года были организованы уроки русского языка.

А в предвоенном 1913 году в рамках программы развития народного просвещения, разработанной еще по инициативе известного реформатора, председателя Совета министров России П. А. Столыпина, культурно-просветительское общество добилось разрешения открыть в Самаре четыре русско-татарских школы. В них могли учиться 90 мальчиков и 70 девочек. Они вскоре и заработали. Это были не приходские школы, а земские, финансировались из бюджета дирекции народных училищ, преподаватели получали жалованье от Городской управы. Обучение велось по светским программам, но с татарскими учителями, для усвоения учащимися материала демонстрировались даже учебные фильмы.

Вся эта работа шла в тесном сотрудничестве с благотворительным обществом «Хайрия», в правление которого входили более десятка наиболее зажиточных татар Самары. Спектр деятельности общества был чрезвычайно широк - от помощи сиротам до устройства людей на работу.

Появление новых общественных объединений вполне соответ-

Члены благотворительного общества «Хайрия».

ствовало духу времени. И духу Манифеста царя Николая II от 17 октября 1905 года, значительно расширившего права всех общественных организаций, в том числе, тех, что были созданы гражданами Российской империи неправославного вероисповедания. Тогда же началось повсеместное издание татарских газет. Первой из них стала газета «Нур» в Санкт-Петербурге (редактор – столичный ахун Атаулла Баязитов).

Кстати, после 1905 года гораздо чаще, чем обычно, стало употребляться определение наступившего XX века «мусульманский», которое вскоре окончательно вытеснило из повседневного употребления прежнее - «магометанский».

Еще одним результатом перемен стало проведение 15 - 22 января 1906 г. в Петербурге первого Всероссийского съезда мусульман, в котором участвовал делегат от самарских мусульман М. Муртазин.

Воодушевленные дарованной свободой, самарские мусульмане решили пойти дальше и стали хлопотать насчет издания газеты.

Однако самарский губернатор в 1908 году отклонил ходатайство татарской общественности об издании газеты. Но было получено разрешение на выпуск журнала.

Его тематическая направленность была вскоре определена и являлась для периодической печати мусульманских народов России уникальной – тема экономики, что заключена в его названии «Икътисад» («Экономика»). Печатался журнал один раз в месяц, тиражом в 3 тысячи экземпляров, на графике татарского языка того времени – арабской. Печатной базой стала типография братьев Хусаиновых в Оренбурге, поскольку таких условий в Самаре не было. (Это обстоятельство стало причиной появления в нескольких казанских изданиях нового времени ошибочных сведений о журнале «Икътисад», как оренбургском).

Номера получались внушительными – от 70 до 150 страниц, в зависимости от объема материала. Редакция располагалась в мечети на улице Казанской. Читатели выписывали журнал по всей империи – от Петербурга до городов Восточной Сибири. Это лучшее свидетельство авторитета издания и высокого уровня публикуемых в нем статей.

Значение пропаганды в начале XX века среди татар экономических знаний трудно переоценить. Обсуждение социально-экономических проблем мусульман Российской империи, объяснение законов экономического развития с точки зрения ислама занимали в публикациях большое место. Повышение квалификации татарских рабочих тесно увязывалось с одновременной реали-

**Обложка первого номера
журнала «Икътисад».**

защитой их права на труд, соблюдение которого является одним из непреложных принципов, вытекающих из исламского учения. При этом следует учитывать интересы семьи, общины (махаллы), своей нации и государства в целом.

Авторы журнальных публикаций – купцы, экономисты, специалисты в сфере финансов – всячески подчеркивали необходимость развития производительных сил, ремесел, глубоком освоении экономических знаний, создания мусульманами новых отраслей промышленности, производства новых видов продукции, реализация которой могла бы решать насущные проблемы общины, и это стало одним из путей накопления «национального капитала».

Долгое время журнал «Икътисад» оставался вне поля зрения исследователей. Интерес специалистов к достижениям татарской экономической мысли дореволюционной эпохи возобновился только в конце 80-х гг. Самым значительным тому примером является работа Гузалии Хисматовой (1973 – 1998). Молодой ученый, выпускница факультета татарской филологии, истории и восточных языков Казанского государственного университета, научный сотрудник Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова (сейчас Институт истории АН Республики Татарстан). Результатом ее кропотливой работы стал библиографический анализ 1062 статей, опубликованных в журнале «Икътисад» за все годы его издания.

Чрезвычайно интересный и в высшей степени полезный труд Г. Хисматовой (к сожалению, очень рано ушедшей из жизни) привел к составлению тематической подборки статей журнала по 15 разделам. Хисматова выделила, помимо общих (экономика, промышленность, торговля, деревенская жизнь), частные разделы журнала (банковская деятельность, страхование, медицина, выставки, советы по ведению хозяйства и другие). В особый раздел отнесены статьи, посвященные религии и религиозной жизни мусульман России, редакционные статьи.

Эта подборка дает возможность представить круг обсуждаемых на страницах журнала вопросов. Тематика достаточно разнообразна и показывает широкий спектр вопросов, интересовавших издателей и читателей: что такое вексель, как взять кредит в банке, чем

была интересна промышленная выставка в Мюнхене и многое-многое другое.

Особый интерес представляет редакционная политика. Анализ заголовков статей, посвященных экономическим вопросам, свидетельствует о достаточно передовых взглядах издателей.

Редакция ориентировалась на ознакомление читателей с новинками науки и техники (например, статья «Новости американской промышленности»), спецификой экономической деятельности исламского мира (статьи о мусульманских банках, информация о мусульманской торговой выставке в Мюнхене). Редакционная коллегия стремилась просветить читателей об особенностях современной денежно-кредитной системы (статьи о видах кредитных документов, акциях и облигациях, о дивидендах, гарантированных акциях и облигациях и так далее).

Часть статей рассказывала о направлениях экономической политики российского правительства (о таможенных пошлинах и протекционизме). В связи с осуществлением аграрной реформы П. А. Столыпина в 1909 – 1911 гг. были опубликованы заметки о земельном законодательстве, землеустроительных комитетах, кооперативах и по другим аналогичным вопросам.

Журнал постоянно информировал своих читателей о состоянии торговли в других районах Российской империи (хлопковый и фруктовый рынки в Фергане, Бухаре, Туркестане).

Существовала постоянно действовавшая рубрика «Как торгуют в других районах», как возможность ознакомления с передовым опытом реализации продовольственных и промышленных товаров.

Редактор газеты М. Муртазин в 1911 году добился разрешения открыть неподалеку от мечети (на улице Заводской) книжный магазин в Самаре «для торговли русскими и иностранными книгами на разном языке». Действительно, в магазине имелась различная литература: светская - на татарском, русском, арабском и персидском языках, религиозная, а также номера журнала «Икътисад». Но перед тем, как получить право на ведение книжной торговли, Муртазин прошел очередную проверку на политическую благонадежность. В итоге Губернское жандармское управление сообщило в канцелярию самарского губернатора «...М.Ф. Муртазин, по имеющимся у начальника жандармского управления

сведениям, участвовал в съезде мусульман, происходившем в Санкт-Петербурге с 15 по 22 января 1906 г., сведений же о цели съезда и о явно преступной деятельности Муртазина в управлении не имеется».

В 1913 году, в период наступления реакции, журнал по распоряжению правительства был закрыт.

...Экземпляры журнала «Икътисад» сохранились до наших дней. Они есть в Российской национальной библиотеке (в прошлом Государственная библиотека имени М. С. Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге. Есть они и у нас в Самаре, несмотря на все то, что случилось с его издателем и редактором. Благодаря тому, что после революции, в начале 30-х годов, М. Муртазин, по видимому, предвидя возможные трудности в своей жизни, отправил журналы из Самары в Ташкент, где жил его сын от первого брака Абдрашид (он работал бухгалтером в «Узбеккино»).

Журнал вернулся сюда уже после ареста и гибели Муртазина, перед войной. Долгое время их бережно хранила дочь Мухамметфатых-хазрата Адиба-апа Рахматуллина. А в 2008 году по инициативе Иршат-хазрата Сафина и при содействии председателя совета Самарской Соборной мечети Фарита Аюпова они выкуплены у А. М. Рахматуллиной и хранятся теперь в нашей центральной мечети.

Вернемся в дореволюционный период. В 1913 году прекратило свою работу и татарское культурно-просветительское общество. В том предвоенном году царское правительство усилило наступление на права и свободы, полученные российским обществом в результате первой русской революции. В предписании министра внутренних дел от 17 марта 1913 года культпросветобщество было названо «политической организацией, «имеющей своей конечной целью обособление интересов мусульман на религиозно-национальной почве». Политическую направленность МВД усмотрело в параграфе 4, согласно которому обществу предоставлялось право «устройства народных митингов».

Вся религиозная и общественная жизнь самарских татар держалась на группе активных, энергичных и инициативных людей. Вот некоторые из них – имена членов совета мечети на Казанской значатся в списке для «Адреса-календаря на 1908 год», подго-

товленного в 1907 году по просьбе Губернского статистического комитета:

«Председатель Мухаммет-Фатых Шигабутдинович Муртазин, председатель, Казанская, 77;

Сатдар Маннафов, казначей, Казанская, 69;

Хан-Гирей Ибрагимович Аптеков, секретарь, Успенская, 37;

Члены совета:

Сунгатулла Хамидуллович Халфеев, Панская, 38;

Махмут Хусаинович Баишев, Вознесенская, 57;

Аглиулла Узбеков, Заводская, 77;

Заялетдин Шамсутдинов, Казанская, 110;

Мифтахутдин Хабибуллин, Казанская, 111;

Мухаметсафа Дебердеев, Казанская, 73».

1907 год для мусульманского сообщества Самары ознаменован еще тем, что впервые количество общин выросло до трех. К существующим обществам на улицах Саратовская и Казанская добавилось еще одно. Самарская Городская управа зарегистрировала его устав 13 февраля 1907 года.

Третью мусульманскую общину составили жители северной окраины 5 части города – это район от Воскресенской (теперь Самарской) площади до Молоканских садов (они располагались на месте нынешних проспекта Ленина, улиц Полевая, Ново-Садовая, Первомайская). Вскоре, а точнее с октября 1907 года, инициативная группа (руководитель - купец, домовладелец Махмут Баишев) от имени третьего прихода начала хлопотать перед городскими властями об отводе участка земли под строительство новой мечети. Место было выбрано по улице Соборной (ныне Молодогвардейская) между Торговой (Маяковского) и Оренбургской (Чкаловской).

Архивные документы сохранили интересные сведения о том, как шла подготовка к строительству, как по ходу работ менялись планы и о самом строительстве мечети... Если коротко, то на улице Соборной сначала мусульманами предполагалось построить двухэтажную деревянную мечеть (по разрешению Губернского правления от 6 сентября 1911 года). Но потом, с появлением средств сверх заявленной первоначально сметной стоимости (8000 рублей), мусульмане третьего прихода в мае 1912 года на

собрании с участием 267 человек приняли решение построить ее из кирпича. Размеры определялись следующие: 10 саженей в длину, 4,5 саженей в ширину и 11 аршин (*1 аршин – 0,71 м. – прим. авт.*) в высоту. Архитектором мечети стал В. И. Якунин. Работа шла очень быстро и в июле следующего, 1913 года, на минарет строящейся Соборной мечети был установлен полумесяц.

Закладка первого камня в основание Соборной мечети. 1912 г.

Газета «Волжское слово» (№ 147 от 9 июля) со всеми подробностями рассказывает об этом событии. И одновременно сообщает нам немало интересных фактов из жизни самарских мусульман того времени:

«В воскресенье, 7 июля, состоялось торжественное поднятие на минарет строящейся на Оренбургском спуске мечети эмблемы полумесяц.

К 2-м часам по полудни окружающая мечеть площадь была заполненной разряженной толпой мусульман и русских. Помимо татар, на торжество явились башкиры, киргизы (*устаревшее название казахов – прим. авт.*), проживающие в Самаре кавказские горцы.

Самые знатные представители мусульман обоего пола и всех возрастов собрались внутри ограды, где находится мечеть и деревянный молельный дом с квартирой муллы, и где состоялась самая процедура поднятия полумесяца.

До совершения богослужения около молитвенного дома происходил сбор пожертвований в присутствии муллы; пожертвования собирались и вне ограды, где мусульман приглашал к пожертвованиям особый депутат, расхаживающий в толпе с навязанной на шест большой кипой полотенец, расшитых разноцветными шелками и узорами.

В 2 часа дня было совершено молебствие губернским ахунот Минушевым и муллой Фатыхом Муртазиным в присутствии муллы Гады-уллы Баддалова и специально прибывшего из посада Мелекесса ахунот деревни Губан-кюль Ситдыка Шамгонова. На богослужении присутствовали главные инициаторы постройки мечети – Баишев, Узбеков, Саттар и Гарип Маннафовы, Минвалеев, Рахматуллин, Сулейманов и другие.

Молебствие сопровождалось провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому.

После богослужения ахунот Минушев и мулла Муртазин вручили подрядчику по постройке мечети г. Коровину подарки, состоящие

Снимок на память. В центре сидят в светлых одеяниях М. Шамгунов, М. Муртазин, Ш. Минюшев, Х. Батталов.

из полотенца с изящным шитьем по краям и золотого массивного жетона, имеющим надпись на лицевой стороне «В. Н. Коровину на добрую память за постройку мечети» и на оборотной стороне – «От общества магометан 3-го прихода, за честное и аккуратное исполнение работ по постройке мечети».

По вручении подарков господину Коровину мулла Муртазин передал муэдзину несколько сотен открыток с изображением мечети, которые муэдзином были розданы народу.

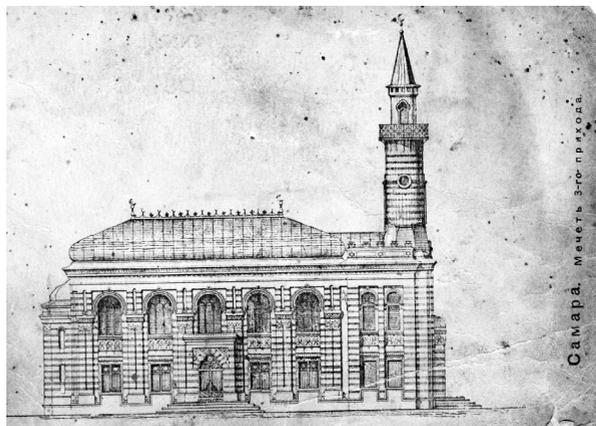
Поднятию эмблемы полумесяца на минарет предшествовало произнесение ахунум Минушевым краткого слова.

Полумесяц из красной меди, покрытый никелем, был приделан к деревянному шпилю, длиной около 12 аршин, и в таком виде, при помощи блока и канатов, стал постепенно возноситься ввысь при дружных торжественных кликах.

Характерно, что за канат, на котором поднимали полумесяц, вместе с мусульманами ухватились и русские.

Под полумесяцем к шпилю было привязано несколько полотенец и узелок с десятью рублями. Это делалось по давно укоренившемуся обычаю, свято выполняемому мусульманами при каждом поднятии на новую мечеть полумесяца. Значения обычая по его древности никто не знает. Кто по водружении полумесяца долезал до него по шпилю, тот и брал в свою пользу полотенца и деньги. На этот раз приз достался одному рабочему по постройке мечети.

Когда шпиль с полумесяцем был установлен на минарет, мулла и знатные мусульмане собрались на большой помост и были в таком виде сняты фотографом.

Вот эту открытку раздавали 7 июля 1913 года.

После муллы Муртазин роздал стоявшим неподалеку мусульманам полотенца и открытки с видом мечети. Рабочим также были выданы полотенца и деньги в подарок. За эти подарки представителем рабочих была выражена благодарность мусульманам:

- Дай Бог вашей мечети многие лета!!! – сказал он в заключение, стоя на крыше мечети.

Когда публика уже стала расходиться, на шпиль взобрался татарин и, обхватив его ногами и руками, начал произносить молитвы из Корана, подражая муэдзину. Нельзя не отметить сочувственного отношения к мусульманскому торжеству русского простонародья. Когда собирали пожертвования, то и русские давали: кто сколько мог.

- Что же вы не пошли по нашим собирать? – обратился один из русских к татарину. - Вы бы сразу насобирали тысяч десять.

- У нас в Мелекесе, - говорил другой, - когда там строили мечеть, Таразин (*известный мелекесский купец и благотворитель – прим. авт.*) сразу положил четыре тысячи. Только месяц там золотой, а не как тут... Там на него и смотреть нельзя: горит, как жар...

Постройка мечети окончательно будет выполнена к 1914 году, к осени же текущего года будут закончены лишь черновые работы. Мечеть каменная, имеющая в длину 10 сажен, в ширину 5 сажен и в высоту около 22 аршин, не считая такой же высоты минарета. Построена она в 2 этажа, из которых верхний отводится под богослужение, а нижний - под мужское медресе. Медресе для девочек будет помещаться в здании деревянного молельного дома».

Имамом Соборной мечети стал уроженец села Кубань-Озеро Ставропольского уезда Хатимулла Фатхетдинович Батталов, муэдзином - Халиулла Сабитович Сагитов.

Состав прихода (махалли) здесь был иного качества, чем в первом приходе. Прихожанами стали не постоянные жители близлежащих улиц, как при мечети на Казанской, а большей частью сезонные работники лесной пристани, что находилась на берегу Волги, и торговцы с Воскресенского рынка. Рынок этот располагался у одноименного собора, на нынешней Самарской площади. Но были и постоянные жители северной окраины города

– ведь в начале XX века Постников овраг считался уже дачным пригородом.

Мусульманская община губернского центра по мере повышения своего социального статуса и финансово-экономического положения укрепляла также свои общественные позиции. В качестве примера можно привести тот факт, что несколько крупных магазинов по продаже овощей и фруктов держали Дебердеев, Маннафов, Рахматуллин, Хуснутдинов и другие известные татары. Имам мечети на улице Казанской Мухамметфатых Муртазин являлся членом Самарского кредитного общества и Самарского кооператива просвещения, секретарь совета мечети Хангирей Аптеков работал инженером в Волжском речном пароходстве, один из инициаторов строительства Соборной мечети и председатель Попечительского совета Махмут Баишев был избран гласным (депутатом) Самарской Городской Думы, другой активный член Попечительского совета Алихан Букейханов (потомок знаменитой казахской династии ханов Букеевской Орды, член I Государственной Думы от Семипалатинской области)

занимал ответственную должность в Самарском отделении Донского земельного банка. Их знал весь город.

Кроме того, Муртазин был знаком с виднейшими деятелями татарской культуры. Это – Г. Тукай, Ф. Амирхан, М. Бигеев (они бывали в мечети на улице Казанской), Ю. Акчура, Г. Исхаки, лидер башкирского национального движения А.З. Валиди. Также он состоял в постоянной переписке со Львом Толстым.

Городской депутат Махмут Баишев (слева) со своим товарищем.

Весной 1912 года Самару посетил известный поэт Габдулла Тукай, оказавший большое влияние на татарскую культуру. Периодическая печать того времени и биографы поэта с небольшими разночтениями освещают это событие.

...В казанской газете «Юлдуз» («Звезда») за 17 апреля 1912 года помещено небольшое сообщение: «Путешествие: Г.Тукай 14 апреля уехал в Самару, потом на долгое время отправляется на лечение кумысом». Значит, по старому стилю поэт из Казани отправился 14 (27-ого по новому стилю) апреля, с началом навигации на Волге. А в «Макалаи махсуса» («Специальная статья»), написанной самим Тукаем об этой поездке, он, обращаясь к провожавшему его редактору журнала «Ялт-йолт» («Сверкание») Ахмету Урманчиеву, так описывает начало своего путешествия: «Ведь, господин дорогой, когда провожал, сам видел, что на

Одна из самых знатных татарок Самары Фагима Халфеева.

пароходе «Фултон» было жарко, его можно было бы назвать даже «баней-путешественницей», а я так радовался такому событию. Ты вышел. Пароход тронулся. Я поднялся на полку каюты и лёг». «Кажется, на второй день после такого счастья, как подняться на полку, ближе к ночи доплыл до Самары», — продолжает Тукай.

Значит, к нам он прибыл 15 (28) апреля. Устроившись в гостинице «Бристоль» (ныне – отель «Жигули»), он отправляется к редактору и издателю журнала «Икътисад» мулле М. Муртазину и приглашает его в свой номер. До двенадцати часов ночи они беседовали, пили чай. Муртазин ушёл, пообещав, что завтра отправит одного из шакирдов (учащихся медресе) проводить гостя на вокзал. 16 (29) апреля вместе с провожающим, присланным Муртазиным, Тукай

отправляется на вокзал и садится в поезд, идущий в Уфу. В то время туда через Самару ходили два поезда: один из них прибывал в Уфу утром, другой - после обеда. Судя по воспоминаниям, поэт прибыл в Уфу утром. Это было, получается, 17 (30) апреля. По пути ничто не привлекло внимания поэта, так как, во-первых, он был болен, а во-вторых, большая часть поездки пришлось на ночь.

По другой версии этого события, озадаченный поэт, не зная, куда себя девать в таком пространстве, решил в тот же вечер пригласить в гости редактора журнала «Икътисад» («Экономика») муллу Мухамметфатыха Муртазина, ради которого он, собственно, и сошел на берег в Самаре. Нанял извозчика, не подозревая, что Муртазин живет в соседнем квартале. Извозчик же взял с «важного господина» целый рубль. «Вот тебе и на! Не успел устроиться в номере, двух рублей двадцати пяти копеек как не бывало». Проговорив вечер с Муртазиным, Тукай решает поскорей уехать из Самары. Один из шакирдов Муртазина – тот еще преподавал в медресе – следующим утром сажает Тукая на уфимский поезд.

И, наконец, третья версия. В описании посещения Самары поэтом его биограф, наш земляк, уроженец Теплового Стана, доктор филологических наук, профессор Казанского университета Ибрагим Нуруллин, повторяя то, что мы уже знаем, добавляет, что впоследствии Габдулла Тукай в мрачных цветах рассказывал о нашем городе, как грязном и неопрятном.

Как видим, три описания совпадают в главных моментах и разнятся лишь в деталях. Но детали не могут затмить главного: эта замечательная страница татарской истории Самары имеет документальное подтверждение.

Отмечен в самарской истории и такой факт подвижнической деятельности лидеров мусульманской общины. В 1911 году Муртазин и Букейханов вошли в состав Самарского отделения «Всероссийского комитета охранения народного здоровья». И с головой окунулись в работу по оказанию помощи голодающим Самарской губернии.

Да, вот такая беда случилась в России в пору ее мощного экономического развития в начале XX века. Несмотря на очевидные успехи сельского хозяйства Российской империи и значительную долю русского хлеба в мировой торговле, положение

М. Муртазин среди членов кредитного общества Самары.

***А. Букейханов с работниками Самарского отделения
Донского земельного банка.***

крестьянства и деревни в целом было тяжелым. Крестьянство, обремененное высокими выкупными платежами, которые тянулись после «освобождения» 1860-х гг., в массе своей оставалось крайне бедным. И каждый неурожайный год становился огромным испытанием для него и приводил к недоеданию большого количества людей и временному отсутствию в их рационе жизненно важных продуктов.

С конца XIX века на ликвидацию последствий периодически возникающего голода поднимались и лучшие общественные силы страны. И это становилось серьезным подспорьем государству, у которого у самого на такие чрезвычайные ситуации была предусмотрена определенная система мер.

Наибольшую солидарность общественность проявила в период последнего в дореволюционной истории России голода 1911 года, охватившего южные уезды губернии – Бузулукский, Николаевский и Новоузенский. Голодало русское, татарское, башкирское и казахское население. Муртазин и Букейханов были ответственными, в первую очередь, за сбор средств на закупку продовольствия, медикаментов среди мусульманского населения и организацию питания в тех селениях юга губернии, где проживали наши единоверцы.

Опыт, накопленный обществом при оказании помощи голодающим, вскоре пригодился во время Первой мировой войны, в ходе которой сборы денег для нужд армии, раненым, находящимся на излечении в полевых и тыловых лазаретах, военнопленным, находящимся в немецком и австрийском плену, беженцам, детям-сиротам и другим жертвам военных действий проходили постоянно.

Благотворительная деятельность самарских мусульман периода войны была направлена не только российским гражданам. В Самаре в военные годы оказалось много турецких военнопленных (Турция воевала против России на стороне Германии и Австро-Венгрии), которым со стороны самарских мусульман тоже оказывалась помощь, уже исходя из общечеловеческих принципов. Турки содержались в двух лагерных пунктах – на Кряжу реки Самара и у станции Липяги. Но самый крупный на территории Казанского военного округа лагерь турецких пленников находился

**Один из лидеров общины
Сатдар Маннафов.**

возле Сызрани (тогда Сибирской губернии) – недавно вблизи этого города обнаружено место захоронения большого количества граждан Османской империи, умерших в плену в России.

Турция в той войне была «противной стороной», однако российское государство, само строго соблюдавшее Гаагскую «Конвенцию о законах и обычаях войны» 1907 года, в которой определялось положение военнопленных (условия содержания, нормы питания, гарантии медицинского обслуживания, связь с родными), к инициативе самарских мусульман относилось с пониманием.

...К началу 1917 года в России сложилась революционная

ситуация. Царское самодержавие потеряло способность решить основные социально-экономические проблемы страны, которые еще более усугубились в связи с началом Первой мировой войны. В феврале грянула буржуазно-демократическая революция.

Уже вскоре после прихода к власти, 20 марта Временное правительство издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», в котором говорилось: «Все установленными действующими узаконениями ограничения в правах Российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, отменяются». 14 июля это постановление дополнило первый в истории России закон «О свободе совести», который обеспечивал «каждому гражданину Российского Государства ... свободу совести». «По сему, - говорилось далее в документе, - пользование политическими и гражданскими правами не зависит от принадлежности к вероис-

поведанию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры».

Всеобщая атмосфера избавления от старого строя, царившая в эти месяцы во всей России, породила у мусульманских народов надежду на решение многовековых проблем национально-духовного характера. 8 марта Оренбургское Магометанское Духовное собрание направило в Петроград телеграмму: «ОМДС, приветствуя новое правительство, почтительнейше заявляет о своей полной готовности радостно послужить дорогой родине и мусульманскому населению... под руководством нового правительства». Телеграмма отражала общее настроение мусульманской уммы страны.

Многие видные представители российских мусульман горячо приветствовали падение самодержавия и связывали с Временным правительством и Российской демократической республикой исполнения своих чаяний, организовывали митинги в поддержку новой власти. В мае того же года в Петрограде прошел очередной мусульманский съезд, наметивший пути достижения фактического равноправия наций и религий России.

Участники губернского татарского съезда.

15 июля в Самаре по инициативе мусульманского комитета (председатель - А. Хуснутдинов) собрался губернский татарский съезд, который обсудил насущные вопросы жизни мусульманского

Первая общероссийская мусульманская газета.

ны 20-дневные курсы по «общеполитическим наукам».

Сохранилась архивная фотография с группой его участников с флагом, где прочитываются слова «За свободу...». Мы предположили, что она сделана на площади перед Самарской биржей (в ней, вероятно, и работал съезд), поскольку за спиной делегатов съезда пожарная каланча, которая завершала здание главной пожарной части города.

Надо сказать, что в тогдашней Самарской губернии, которая простиралась от реки Шешма (на севере) до астраханских Нарынпесков (на юге), от Предуралья (на востоке) до Волги (на западе), в 1917 году проживало свыше 300 тысяч мусульман – почти все татары и башкиры. Большинство в селах Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов. Таким образом, мусульмане Самарского края в подавляющем большинстве являлись крестьянами, а их городские единоверцы занимались, главным образом, торговлей, кустарными ремеслами, разного рода сезонными, «отходными» работами и так далее. Рабочая прослойка просматривалась очень слабо. Согласно данным профессиональной переписи 1918 года, которые дают картину распределения рабочих по их родному языку, в Самарской губернии численность тюрко-язычных рабочих составляла всего 352 человека (1,7 процентов). Поэтому ничтожное распространение

населения и меры по их решению в условиях развивающейся революции и приобретения демократических свобод. На этом съезде были избраны делегаты на Всероссийский мусульманский съезд в Казани (он работал 21 июля – 2 августа), образован губернский мусульманский исполком, а также проведе-

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ
 Казань-Городской пер. д. № 4, кв. 4.
 Телефон 30 арб.
 Известно что по 1 руб. 50 коп.
 Адрес на "Известия" Петроград-1.

рять, можно закончить лишь в форме репортажа, было предложено:
 И. Давыдов и У. Мамедов. Необходимо, чтобы съезд мусульман, не пренебрегая своим традиционным характером, собрался бы не только в Казани, но и в других городах. Необходимо, чтобы съезд мусульман, не пренебрегая своим традиционным характером, собрался бы не только в Казани, но и в других городах. Необходимо, чтобы съезд мусульман, не пренебрегая своим традиционным характером, собрался бы не только в Казани, но и в других городах.

Д. Шакиров, выдвигая вопрос о необходимости съезда мусульман, предложил созвать съезд мусульман в Самарской губернии, не только в Казани, но и в других городах. Необходимо, чтобы съезд мусульман, не пренебрегая своим традиционным характером, собрался бы не только в Казани, но и в других городах. Необходимо, чтобы съезд мусульман, не пренебрегая своим традиционным характером, собрался бы не только в Казани, но и в других городах.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:
 Плата за объявление после приема объявлено по 10 коп. за каждую строку в день. В день объявления по 5 руб. 50 коп. за строку. В день объявления по 5 руб. 50 коп. за строку.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
ИЗВѢСТІЯ ВСЕРОССИЙСКАГО МУСУЛЬМАНСКАГО СЪѢЗДА.
 На годъ 12 р., 1/2 г. 7 р., на 3 мѣсяца 4 р.
 Конца-Городской пер. д. 6, кв. 4. - Тел. 446-53.
 Адресъ для телеграмм: ПЕТРОГРАДЪ—ИЗВѢСТІЯ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ПЯТНИЦАМЪ.

№ 7. 4-го августа 1917 г.

Цѣна 20 коп.

революционных, большевистских настроений среди мусульманского населения Самарской губернии вполне объяснимо.

Также поэтому понятно, с каким успехом на осенних выборах 1917 года во Всероссийское Учредительное собрание выступило объединение «Мусульманский Шуро («Совет»»). В числе семи кандидатов в члены Учредительного собрания от мусульманского населения Самарской губернии был и один известный религиозный деятель – ахун Бугурусланского уезда, имам второй Соборной мечети села Старое Ермаково Старососнинской волости Хуснулла Багаутдинов.

В татарских и башкирских селениях почти все голоса были отданы «Мусульманскому Шуро», и лишь незначительное количество досталось эсерам. Совершенно логично будет предположить, что городской мусульманский избиратель голосовал примерно так же.

Потом в октябре, в результате революции в Петрограде, власть перешла к партии большевиков. В период постепенного захвата ими все новых и новых позиций, состоялись выборы в Учредительное собрание, подготовка к которым началась еще в дооктябрьский период. Благодаря высокой, как мы уже отмечали, активности татарского и башкирского населения Самарской, Казанской и Уфимской губерний Всероссийское предвыборное объединение «Мусульманский Шуро» смог завоевать достаточное количество мест в Учредительном собрании и создать там свою фракцию.

Но этот избранный с соблюдением всех демократических процедур законодательный орган, едва начав свою работу, был разогнан большевиками. А вскоре ситуация противостояния в стране привела к братоубийственной гражданской войне.

Отделена от государства. Но не от общества

Отделение церкви от государства и создание новых институтов управления духовной жизнью религиозного населения страны – эти два процесса начали определять политику Советского правительства в отношении религиозной идеологии и всех конфессий – православной, мусульманской, буддистской, иудейской и всех других. Отношение Советской власти к религии было выражено целым рядом законодательных актов.

Первыми из них стали принятые в декабре 1917 года декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния», которые должны стать первыми мерами подрыва господствующего положения религиозных организаций в области семейного права и быта. Отныне брак, заключенный в религиозных учреждениях и служителями религиозного культа, объявлялся частным делом лиц, вступивших в него и не влекущим никаких юридических последствий.

Следующим и, пожалуй, главным законодательным актом в области государственно-религиозных отношений был декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Широкой общественности не известен факт, что первоначально в проекте этого декрета было заложено другое название «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», точно отражающее суть документа. Дело в том, что в нем некоторыми разработчиками вначале предлагались совсем другие, более мягкие принципы взаимоотношений между Советским государством и религиозными объединениями. Но в итоге их предложения не получили поддержки и, в конце концов, победили сторонники жесткой линии, получившей затем развитие в этом и других актах, и особенно в их правоприменительной практике.

Закон 23 января 1918 г. означал лишение религиозных организаций статуса юридических лиц и объявлял все их имущество собственностью народного государства. Культовые сооружения передавались в пользование религиозным обществам на условиях

договора, а сама их деятельность теперь ограничивалась удовлетворением исключительно религиозных потребностей верующих. Запрещалось (вообще, в том числе, в мечетях) и преподавание религиозного вероучения, духовные учебные заведения подлежали закрытию. Правда, через несколько лет, в октябре 1923 года, был принят еще один декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О преподавании мусульманского вероучения». Он разрешал «в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных единиц Кавказа открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения» и предусматривал «допустить в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также в отдельных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания того же учения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в мечетях и частных домах)...». Самарская губерния, безусловно, относилась к этим «отдельным частям», и это обстоятельство позволило к середине 20-х годов во многих городах и селах нашего края вновь открыть религиозные учебные заведения с разной формой обучения.

...Революции 1917 года привели к небывалому росту активности национальной общественности, представлявшей мусульманские народы. Собравшееся 20 ноября в Уфе Национальное собрание приняло Основные положения о культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Бывшая Российская империя в национально-культурном плане была разделена на 34 вилайета (области), где проживало татарское и башкирское население. Самара стала центром одноименного вилайета.

Одним из первых распоряжений Национального собрания было также назначение мухтасибов в городах и губерниях с компактным проживанием татарского и башкирского населения. Главным требованием, предъявляемым к духовным лицам, была приверженность к новометодному направлению – джадидизму (общественно-политическому движению за обновление различных форм жизни общества, оно формировалось в татарском обществе в течение XIX века и получило распространение среди других тюркских народов). Мухтасибом Самары стал М. Муртазин.

Разразившаяся весной 1918 года гражданская война внесла

коррективы в проведение советской политики в отношении религиозных обществ. В условиях голода и разрухи большевистская партия вынуждена была проводить гибкую политику в отношении мусульманского населения. Она стремилась сломить сопротивление мусульман любой власти, исходящей из русского центра и добиться их благоприятного расположения. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «весьма важно завоевать доверие трудящихся мусульман, «трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклана в эту сторону не потерпим».

Этим объясняется характерная для первых лет Советской власти тактика признания за мусульманами права на самостоятельное решение своих проблем, что и было закреплено в «Обращении ко всем мусульманам России и Востока» В. И. Ленина и И.В. Сталина, обнародованном 24 ноября 1917 года (выдержки из нее на стр. 210). Этим же объясняются впечатляющие пропагандистские акции в пользу мусульман – возвращение туркестанским мусульманам Корана халифа Османа (одна из его копий хранится в Самарской областной научной библиотеке), башни Сююмбеки в Казани, Караван-сарая в Оренбурге и так далее.

Средняя Волга уже весной восемнадцатого года стала ареной боевых действий между красными и белыми войсками. Революция разделила по классовому принципу и мусульманское население Волго-Уральского региона. Руководством Красной Армии весной 1918 года был сформирован Татаро-башкирский батальон. Через год многие представители зажиточных слоев и мусульманские священнослужители уш-

Такие газеты Советская власть выпускала для татар Самарского края.

ли на восток с армией Колчака. Противостояние приняло вот такие крайние формы.

А в 1918 году Самара стала местом пребывания контрреволюционного органа власти – Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа). Особой страницей в истории нашего края стал так называемый «чехословацкий мятеж» лета 1918 года. Бывшие военнопленные австро-венгерской армии, которые подлежали эвакуации по железной дороге (из центральных районов страны через Владивосток на родину), выступили против Советской власти. И это было использовано руководителями нарастающего белого движения.

Исторические документы зафиксировали многочисленные факты насилия бойцов чехословацких частей против мирного населения, в частности, мусульман в традиционных местах их проживания, в том числе, в Самаре и губернии.

29 мая председатель Центрального мусульманского комитета Мулланур Вахитов направил письмо наркому по военным и морским делам Льву Троцкому в связи с событиями в Самарской губернии. Он писал, что «считая своей священной обязанностью оказать помощь мусульманскому революционному пролетариату» ЦМК постановил имеющийся в его распоряжении Татаро-башкирский батальон срочно отправить в Самару. Но это уже не могло спасти положение.

Война есть война. Вот один эпизод времен гражданской войны в Самаре, в которую были вовлечены люди разного социального положения, национальности и вероисповедания.

Свидетельствует участник тех кровавых событий со стороны красных, самарский большевик А. С. Бешенковский. Он в 1957 году вспоминал: «В ночь с 7 на 8 июня 1918 года бойцы латышского отряда, находившиеся до того бессменно в обороне, были сменены. Вместо них позиции занял отряд, только что прибывший из Уфы. Штаб допустил ошибку, не проверив состав этого отряда. Уфимцы или проспали охрану моста, или это было предательство. Но на рассвете 8 июня белочехи без единого выстрела заняли железнодорожный мост через реку Самару. Враги оказались на нашем берегу». Наступающие за считанные минуты смели красногвардейские посты, расположенные у мельниц и элеваторов,

в начале улицы Казанской – организованной обороны города не получилось.

«В эту ночь несколько человек, в том числе, и меня, отпустили отдохнуть домой, так как мы уже много ночей не спали, – продолжает Бешенковский. – Жил я тогда на Казанской улице. Рано утром 8 июня я проснулся оттого, что о крышу нашего двухэтажного дома ударялись пули....

Выйдя на улицу, я увидел, как по мостовой трое чехов вели руководителя татарской коммунистической секции Аббаса Алеева. Тов. Алеев шел спокойно, он вынул портсигар и закурил папиросу. Это его немного задержало. Тогда чех, шедший сзади, ударил его прикладом по спине и сказал: «Иди, иди, не останавливайся!». Алеев даже не обернулся.

Алеева взяли на квартире. По имеющимся сведениям, его выдали соседи. Когда его вели мимо мечети (наискось от моей квартиры), толпа вокруг него стала увеличиваться. С Заводской улицы патруль повел Алеева к площади Революции (*тогда она называлась Алексеевской – прим. авт.*). У здания окружного суда из толпы неожиданно вынырнул офицер. Взмахнув шашкой, он рассек череп Алееву: кровь и мозги брызнули на стены здания. Аббас умер мгновенно. Толпа закрыла его от меня.

Площадь, где когда-то был памятник царю Александру II, была заполнена белочехами, белогвардейцами. Сюда стекалась буржуазия, духовенство, спекулянты, черносотенцы. После Октябрьской революции памятник был зашит досками. Сейчас же контрреволюционная толпа отдирает доски, разбирает куски себе на память о «царе-мученике».

Через четыре месяца, в начале октября, Самара вновь стала советской».

В советские годы на здании областного суда (место расположения нашего главного суда с дореволюционных лет не менялось) была установлена памятная табличка о расправе толпы над рабочим Мулловской (поселка, расположенного между Мелекесом и Симбирском) суконной фабрики, коммунистом Аббасом Алеевым. Но с приходом новых времен – в начале 90-х годов – она исчезла. Как и та, что висела на доме Курлиных (о нахождении здесь летом 1918 года белогвардейской контрраз-

ведки). Как и та, что висела на одном из зданий по улице Куйбышева (о пребывании здесь чешского писателя-коммуниста, автора знаменитых «Похождений храброго солдата Швейка во время мировой войны» Ярослава Гашека). Как и та, что висела на Красноглинском шоссе неподалеку от места проведения первомайских рабочих маевки и собраний самарских большевиков в предреволюционные годы... Видимо, кому-то захотелось «выкинуть слова из песни» и снова попытаться переписать хотя бы несколько эпизодов нашей трагической и противоречивой истории. Простым методом вырывания их из исторической памяти. Как это нам знакомо...

...Таким образом, из-за гражданской войны урегулирование отношений между новыми властями и религиозными организациями произошло только через несколько месяцев.

В ноябре 1918 года городские власти в первый раз составили хозяйственную книгу мечети на улице Казанской. Согласно этой описи, община продолжала владеть дворовым местом длиной в 25 сажень и 30 сажень во двор. Здесь также значатся двухэтажный каменный дом на участке №67 (собственно мечеть), полукаменный двухэтажный флигель во дворе, в котором, как отмечено в источнике, жил заведующий домами, одноэтажный каменный дом, выходящий на улицу (для сторожа), каменный двухэтажный дом, выходящий на улицу на участке №69 (для медресе и культурно-просветительских целей). По мнению составителей описи, трибуна (*имелся в виду минбар – прим. авт.*), а также различная утварь, ковры художественной ценности не представляют. В 1918 году земельный участок мусульманского общества на улице Казанская увеличился до размеров 15 на 31 сажень.

Через несколько месяцев началась реквизиция религиозной собственности, поскольку в 1919 году в здание на участке №69 по ордерам Горкомхоза были заселены люди. Несмотря на это, 21 марта мусульманское религиозное общество получило свидетельство о регистрации и адресом его место нахождения были указаны дома №№ 67 и 69 по улице Казанской. Его руководителями, как и в предреволюционный период, являлись М. Муртазин, Ш. Минюшев, Х. Аптеков.

Вместе с новым свидетельством о регистрации был оформлен первый договор между первым приходом мусульманского общества города Самара и городским Советом рабочих и крестьянских депутатов (от его имени действует управляющий делами Комиссии по отделению церкви от государства Федор Очкуров). Сохранившийся в архиве экземпляр говорит о том, что он был типовой, напечатан на машинке под копирку и, по-видимому, предназначался для всех религиозных конфессий и их приходов. Документ был призван определить двусторонние отношения между государством и религиозными организациями в условиях Советской власти. Отношения эти были далеко неравноправными.

Уполномоченные члены мусульманского общества, согласно договору, приняли от Самарского Городского совета в бессрочное и бесплатное пользование мечеть со всеми богослужебными предметами с обязательством оплаты всех текущих расходов по содержанию храма. Советские власти поставили при этом и целый ряд политических условий.

В их числе - недопущение в мечети политических собраний враждебного Советской власти направления; раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти и ее представителей; произнесение проповедей и речей враждебного Советской власти направления или отдельным ее представителям; совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения против Советской власти. И в заключительной части договора закреплено еще одно обязательство уполномоченных мечети: «на непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое нарушение его мы подвергнемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов, чем договор этот Советом рабочих и крестьянских депутатов может быть расторгнут».

В первой половине 20-х г.г. временное введение новой экономической политики (НЭП) повлекло заметное оживление сельского хозяйства, мелкустарного производства и торговли. В Самаре в ту пору пользовались славой галантерейные магазины Уразгильдеева, чайная Ибрагимова (впоследствии он был лишен

избирательных прав) и другие частные предприятия. Советская власть по мере укрепления своих позиций в экономике и политике постепенно переходила в наступление и в сфере идеологии.

После голода 1921 – 1922 гг. и преодоления его последствий в стране власти приступили к первой в советское время перерегистрации религиозных объединений. Это стало первой волной организованного давления Советского государства на религию. Но оба прихода самарских мусульман, пережив испытания предыдущих лет, смогли пройти перерегистрацию и подтвердили право пользоваться культовыми сооружениями и их имуществом на новых условиях, как отмечено выше, бессрочного и бесплатного пользования.

В те же годы издаются циркуляры НКВД, Наркомпроса и Наркомата юстиции РСФСР, объявляющие религиозные общины поднадзорными органам внутренних дел, регламентирующие доходы служителей культа, резко ограничивающие религиозное образование. Церковь с этого времени становится уже не столько отделенной от государства, а сколько поднадзорной властям.

Новый устав первого прихода по Казанской улице, 67, объединявшего граждан мусульманского вероисповедания Самары южной части города (разделительной на приходы границей стала улица Красноармейская), был принят 30 июня 1923 года. Короткий по объему, но емкий по содержанию (всего 12 пунктов) документ весьма категоричен: все вопросы общества решаются на общем собрании, никаких советов или каких-либо других выборных органов, не говоря уже об определении их компетенции, ежегодное предоставление списков членов в Самарский губисполком, возможность закрытия общества по постановлению губернского исполкома или в случае ареста его членов и так далее. Подписали устав уполномоченные общества Хангирей Аптеков, Мухамметфатых Муртазин, уроженцы села Абдреево Мелекесского уезда Закир Миникаев, И. Ибрагимов, а также Хисаметдин Мифтяхетдинов, Н. Кутуев.

Второй самарский мусульманский приход – при Соборной мечети (улица, на которой она располагалась, вскоре после революции получила название Кооперативной) - 5 ноября 1925 года заключил договор с Самарским Городским советом на владение недвижимым и движимым имуществом.

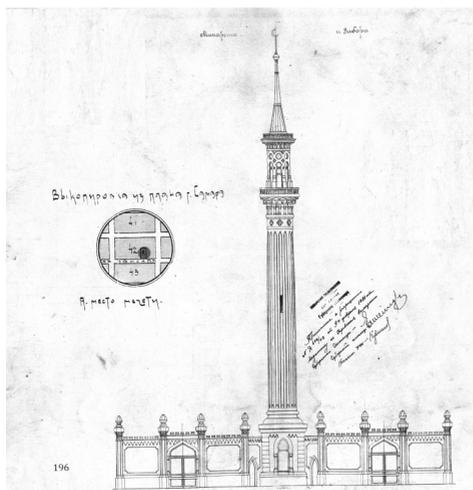
В середине 20-х гг. в государственно-конфессиональных отношениях сосуществуют два противоречивых процесса.

С одной стороны, государство без явного и видимого давления, но в определенных им рамках позволяет религиозным объединениям продолжать свою деятельность. В случае с мусульманами Самары необходимо отметить и такие положительные факты. 11 мая 1926 года на заседании Президиума городского совета было одобрено заявление мусульманского общества по улице Казанской о расширении мечети с установкой минарета. Разрешение на оборудование минарета было продублировано и решением губернских властей в феврале 1927 года. Вскоре появился проект реконструкции мечети.

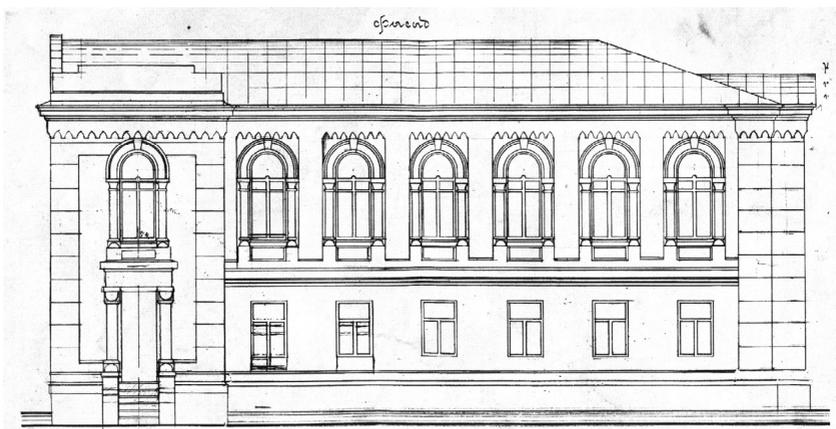
В том же 1926 году, 30 мая – 6 июня, имам-мухтасиб первого района Самарского уезда М. Муртазин участвовал в съезде Центрального Духовного управления мусульман в Уфе. Он довел до сведения президиума съезда для последующей постановки перед властями проблемы, которые беспокоили самарских мулл и прихожан. Это – открытие медресе, облегчение выезда за границу (в Турцию, Египет) для

получения высшего духовного образования, улучшение материального положения духовенства. Говоря в целом об обстановке первых советских лет, она для руководителей религиозных организаций еще не казалась такой угрожающей. И тогда многие из них строили определенные планы на будущее.

Видный советский историк М.Н. Тихомиров вспоминал, как в середине 20-х годов он читал лекции по русской палеографии (историко-филологическая

Фасад проектируемого минарета и забора мечети на улице Казанской. 1927 год.

Фасад реконструируемого здания мечети на улице Казанской. 1927 год.

дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития ее графических форм - прим. авт.). XVI - XVII вв. на археологических курсах Самарского университета. Среди его слушателей были местный раввин, протоирей Рождественской церкви и самарский мулла. Академик Тихомиров фамилий не называет, но мы предполагаем, что упомянутый им мулла – М.Муртазин.

Соответствующим духу «оттепели» следует считать и отношение городских властей в вопросе открытия вновь духовного учебного заведения в Самаре. В январе 1926 года Муртазин, новый секретарь мусульманского общества Салахетдин Джалалиев и их единомышленники получили на это разрешение городского совета. И с 1 февраля следующего года при мечети заработали курсы по изучению ислама. Мальчикам уроки давал Мухамметфатых Муртазин, а девочкам – жена ахуна Минюшева Хабибжамал-абыстай. Воодушевленное успехом, руководство прихода решило пойти дальше и воссоздать в Самаре полноправное медресе.

А в центральных органах власти главным ходатаем самарских мусульман выступил известный исламский ученый, татарский писатель и общественный деятель Муса Бигеев, проживавший в то время в Москве, на Большой Татарской улице.

Это стало возможным после проведенной работы в Самаре и получения принципиального согласия губернских властей на возобновление религиозного образования. Первого февраля 1926 года губернский административный отдел выдал общине свидетельство на ведение учебной деятельности. На его основании президиум Самарского городского совета разрешал совету общества первого прихода мусульман города Самара преподавание мусульманского вероучения в здании мечети по Казанской улице, дом №67 (соседнее с самой мечетью и входящее в единый комплекс), при соблюдении следующих основных правил:

- учениками должны быть лица не моложе 14 лет и окончившие полный курс единой трудовой школы первой ступени, представившие надлежащие документы об этом;

- вероучение должно преподаваться в дни, свободные от занятий в советской школе. Кроме того, не допускалось преподавание общеобразовательных предметов. Этим же свидетельством определялись те же преподаватели уроков религии: для мужчин - мулла Мухамметфатых Муртазин, для женщин - Хабиб-жамал-абыстай Минюшева. Из этого документа видно, что семьи Муртазина и Минюшева проживали в том же доме, в квартирах №№ 1 и 3.

22 апреля 1927 года Бигеев обратился в народный комиссариат просвещения РСФСР с таким заявлением:

«На основании Постановления ВЦИК от 13/VI – 1921 г. и позднейших Правительственных распоряжений мною возбуждено перед Самарским Губернским Исполнительным Комитетом ходатайство о разрешении открыть в городе Самаре Мусульманские богословские курсы для подготовки священнослужителей. Место курсов – город Самара, мечеть по Казанской улице...

Программа: на курсах будут преподаваться исключительно богословские предметы, а именно:

1. изучение Корана;
2. учение Пророка по Хадисам;
3. арабский язык и старая арабская литература.

Эти два предмета являются необходимым пособием при изучении догматического богословия, так как без хорошего знания арабского языка нельзя ознакомиться с источниками мусульман-

ского вероучения, а язык этот невозможно изучить без посредства древней классической литературы, по преимуществу также духовной.

План преподавания. Предполагается уделить:

1. изучению Корана – 3 часа ежедневно;
2. Хадисам – 2 часа ежедневно;
3. арабскому языку и литературе – 2 часа ежедневно.

Продолжительность курсов – годичная.

Условия приема: будут приниматься на курсы лишь те из желающих посвятить себя священнослужению, которые достигли 18-летнего возраста и могут представить о том справку. Обучение бесплатное. Ввиду того, что разрешение на открытие курсов может быть выдано Самарским Губисполкомом по соглашению с Наркомпросом, прошу, в целях ускорения вопроса, выдать мне справку о том, что со стороны Наркомпроса препятствий к открытию таких курсов в г. Самаре не встречается».

Вообще, в середине 20-х годов мусульманские организации СССР в последний раз вдохнули свободу, после чего на многие десятилетия наступила эпоха запретов, гонений и жестоких репрессий. К 1928 году перерегистрацию по существующему советскому законодательству в Средневолжском крае прошли 105 приходов, действовало 47 мечетей, во многих из них работали религиозные школы. Все культовые учреждения жили, как и прежде, за счет добровольных взносов верующих и пожертвований граждан. Одной из причин сохранения завоеванных в прежние годы позиций стало рациональное поведение духовных деятелей и их чрезвычайная лояльность к Советской власти.

Но с другой стороны, в советском обществе и государственных органах неуклонно нарастали другие настроения. Государство продолжало считать своей стратегической линией подавление религиозной идеологии. Набирала обороты деятельность Союза воинствующих безбожников, 20 декабря 1925 года образовано его Самарское отделение.

Одним из своих основных направлений оно избрало и неприимую «борьбу с пережитками прошлого» среди мусульман. В конце 20-х годов в Самарскую губернию стал поступать журнал «Дахри» («Атеист»), выходивший на татарском и башкирском

языках. Он издавался в Уфе и стал настольным пособием борцов с «религиозным дурманом». В их ряды по должности или своему желанию вошло немалое количество активистов советских и общественных организаций, работавших как в национальных республиках, так и в прилегающих к ним регионах.

17 сентября 1928 года издается Постановление ВЦИК СССР о передаче культовых сооружений культурно-просветительским учреждениям. Закон предусматривал либо добровольную передачу верующими культовых сооружений, либо использование под культурно-просветительские учреждения «пустующих» мечетей, церквей и монастырей.

И не пустующих тоже. В 1928 году при прохождении очередной перерегистрации мечеть на улице Казанская «потеряла» часть своей собственности – с этого времени дом №69 стал принадлежать Горкомхозу. Тогда же в городскую собственность перешла и «сторожка» - одноэтажный каменный дом, неотъемлемая часть мечети (он сохранился, теперь носит № 59 по улице Алексея Толстого).

8 апреля 1929 года было издано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», дополненное инструкциями органов НКВД республик и областных органов внутренних дел, которое предусматривало множество ограничений в отношении религиозных объединений.

Период свободы для работы религиозных объединений, хотя и урезанной, ограниченной и строго регламентированной, заканчивался. Поэтому не состоялись ни реконструкция мечети на Казанской улице, ни открытие медресе. И никакие мусульманские интеллектуалы, как Бигеев, не могли уже остановить наступление государственного воинствующего атеизма. Хотя, следует сказать, Самара сыграла важную роль в последующей судьбе М. Бигеева (1875 - 1949). Вскоре, в 1929 году, опасаясь надвигающихся репрессий, он из Москвы приехал в Самару. Пожив здесь некоторое время у М. Муртазина, уехал в Среднюю Азию, а оттуда - в Восточный Туркестан... Больше на Родину он не возвращался. Умер в эмиграции, в Каире.

Взятие мечетей

Отход от тактики терпимого отношения Советской власти к религии и заигрывания с мусульманским населением обозначились к концу 20-х годов. Центральные советские власти по заранее разработанному плану периодически подхлестывали антирелигиозную кампанию в стране.

1 февраля 1930 года вышло очередное Постановление СНК и ЦИК СССР (за подписью А. И. Рыкова и М. И. Калинина), в котором одним из главных был пункт: «Предложить правительствам союзных республик немедленно поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, рассмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них... кулаков, «лишенцев» и иных враждебных Советской власти лиц».

Местные органы власти твердо выполняли инструкции союзных органов. Президиум Самарского горсовета в течение 1929 - 1930 г.г. постоянно рассматривает заявления жителей города, лишенных в прежние годы избирательных прав и, за крайним исключением, выносит одно и то же решение: в ходатайстве о восстановлении избирательных прав отказать. С подобной просьбой обращались Сафиуллин Нетфулла (проживавший на улице Казанской, дом №80), Фасхутдинов Галей (Садовая, 11), Незаметдинова Нагима (Полевая, здание железнодорожной профшколы), а также Муртазин Измаил, Арсланов Салих Яруллович (бывший владелец мельницы). Все они являлись торговцами и избирательных прав лишились на основании Конституции РСФСР и Инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 года.

В 1929 году в рамках кампании по выселению «нетрудовых элементов» (постановление горсовета от 18 июня 1929 года) лишился жилья имам второго прихода на Оренбургском спуске – Хатимулла Батталов.

Говорят: нет худа без добра... Советское государство, стремясь заменить религиозную идеологию новой пролетарской, развернуло культурную революцию среди широких слоев населения страны, в том числе, и национальных меньшинств. И, надо отдать ему должное, сделало в этом отношении немало доброго и полезного.

В этом доме по улице Казанской, 94 в 20-е гг. жил известный татарский поэт и писатель Гадель Кутуй.

Да, в стране шла сплошная коллективизация и «культштурмы» против религии как «опиума для народа». Но в то же время в Самаре создавались творческие коллективы, открывались национальные школы, выпускники которых получали хорошие знания и продолжали учебу в техникумах и вузах. Тогда же начали проводиться гастроли национальных творческих коллективов. 19, 20, 21 августа 1929 года, например, в Самарском городском театре прошли выступления театра татарской драмы из Казани. Президиум городского совета (по докладу т. Кудашева), обсудив вопрос подготовки к ним, принял решение освободить артистов из ТАССР от местных налогов.

А через несколько дней, 27 августа, горсовет принял другое постановление - о выселении всех оставшихся домовладельцев в худшие условия. Районным жилищным конторам вменяется в обязанность поиск вариантов обмена жилья бывших домовладельцев с рабочими семьями.

Для борьбы с нежелательными элементами использовались

все средства, даже проверка трудовых артелей. Так, весной 1930 года среди не прошедших проверку оказалась «лже-артель» «Ур-няк», которая, как написано в постановлении президиума горсовета, «состоит из лиц татарской национальности, лишенных избирательных прав».

7 февраля 1930 года вынесено решение президиума горсовета «О закрытии татарской мечети» с такой формулировкой: «учитывая требования татарского трудового населения о закрытии мечети и наличия в Самаре 2 мечетей, а также наказ избирателей и считаясь с необходимостью предоставления помещения для нужд СХИ, мечеть закрыть и передать СХИ».

Очень короткой оказалась жизнь Соборной мечети Самары – чуть более полутора десятков лет. Готовясь к ее закрытию, власти в 1929 году провели массированную агитационно-массовую подготовку, мобилизовав для этого и представителей татарского населения. Называлось все это по-боевому: «культурный штурм».

...Работая над этой книгой, нам удалось обнаружить несколько фотографий Соборной мечети, стоявшей, напомним, на месте Дворца спорта. До этого в течение многих лет мы имели в своем распоряжении только одно ее изображение – открытку с проектом будущей мечети, которую раздавали летом 1913 года, в день поднятия минарета на здание строящейся мечети. А теперь мы по трем фотографиям получили возможность сверить, насколько построенная мечеть на Оренбургском спуске соответствовала первоначальному проекту, отраженному на памятной открытке.

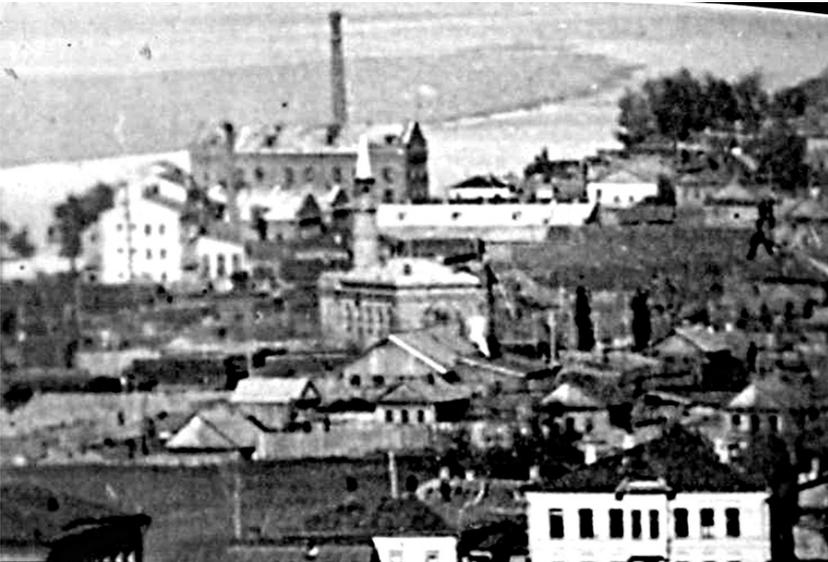
Эти фотографии, к сожалению, не могут в полном объеме передать архитектурные особенности Соборной мечети. Первая панорамная фотография, судя по всему, была сделана во время гражданской войны или после нее. Дело в том, что существует целая серия видов Самары той поры, и они уже увидели свет в многочисленных альбомах, изданных в последние годы. Эту удивительную серию можно посмотреть также на сайте Г.В. Бичурова «Самара в открытках и фотографиях».

Немалая часть фотографий сделана с колокольни Кафедрального собора, того самого, что до начала 30-х годов стоял на месте театра оперы и балета на площади Куйбышева.

Ничего не скажешь: в начале XX века хорошие мастера работали

Панорама северо-западной части Самары 90 лет назад...

... и фрагмент с Соборной мечетью после работы в системе Adobe Photoshop.

с прекрасной аппаратурой, и это позволило им множество раз остановить на мгновения ход истории, оставив для потомков бесценные картинки прошлого, передающие неповторимый облик нашего города того времени. И который теперь, в начале XXI века, увы, безвозвратно утрачивается на наших глазах.

Но сказанное выше (и все в превосходной степени) к нашему случаю относится не полностью: фотография Соборной мечети, сделанная тоже с этой точки, получилась довольно низкого качества. Во-первых, это – фрагмент, «выдернутый» из большой панорамы северо-западной части Самары. Внимательный читатель может сравнить, что изменилось здесь за последние сто лет. Многократное увеличение отдельно взятого элемента дает отрицательный «эффект», сильно размывая очертания и контуры объекта. Во-вторых, сыграло свою роль и то, что день съемок был не совсем удачным, в смысле естественного солнечного освещения.

Тем не менее, мы теперь имеем пусть не совсем четкое, но вполне определенное представление о том, где стояла Соборная мечеть. Внимательно изучив снимок, можно рассмотреть, что правее от нее находится сквер, который, по воспоминаниям старожилов, был на месте Дома быта «Горизонт» советского времени (сейчас здесь центральный офис «Газбанка»). Правда, после войны от рощицы осталась лишь пара тенистых улиц. А вся площадь перед Дворцом спорта (если снова пользоваться нынешней схемой расположения улиц и зданий) сплошь застроена домами в один или два этажа – типичный самарский пейзаж начала XX века.

Читателю следует обратить внимание на задний фон фотоснимка – это винокуренно-дрожжевой завод Афанасьева и паровая мельница Матвея Алексеевича Шадрина (еще недавно – завод КИНАП, теперь там находятся офисные и развлекательные центры). А за ними дальше – река Волга, еще узенькая и текущая по своему естественному руслу, поскольку каскада волжских электростанций и Саратовского водохранилища, как результат их строительства, еще не было.

Второе фото сделано в 30-е годы – запечатлело мечеть уже после закрытия и демонтажа ее минарета. Оно сделано со стороны Волги, на переднем плане – лесная пристань, куда для распила и

Соборная мечеть после демонтажа минарета. 30-е годы.

переработки приходил сплавленный с верховьев Волги и Камы лес (отсюда и название нынешней улицы Лесная, параллельной Волжскому проспекту). Прилегающий к мечети район представляет собой беспорядочно построенный поселок из деревянных домов и барачков. Согласитесь, удручающая картина. Да, именно таким и был волжский берег, активная его застройка началась только после войны.

Автор третьего снимка – известный в советские годы куйбышевский фотограф-краевед Олег Струков (1908 – 1987 гг.), оставивший прекрасные фотографии Куйбышева 50 - 60-х годов. В том числе, многих зданий, которых теперь нет.

Из всех фотографий Соборной мечети эта - самого лучшего качества. Но, к сожалению, она запечатлела только часть здания. Этому тоже есть объяснение: больше и невозможно было запечатлеть, потому что, как утверждают старожилы города, остальная часть мечети к тому времени была уже наглухо закрыта высокими деревьями. Выше крыши.

Снимок сделан с северо-восточной стороны здания ориентировочно в 1962 году, незадолго до ее сноса. Кстати, Олег

Струков в пояснительной подписи к фото напоминает, что архитектором мечети был В. Н. Якунин и указывает: она строилась в 1913 – 1917 гг. Затягивание стройки было связано с началом Первой мировой войны, когда все внимание государства и общества было переключено на нужды фронта. Поэтому достроить мечеть удалось только в год революции.

Рассматривая фотографии, нетрудно заметить, что наша Соборная мечеть и в 60-е годы представляла собой еще очень крепкое здание, выстроенное из кирпича двух цветов (темно-красного и серого) и покрытое добротным кровельным железом. И было ему всего лет пятьдесят – иные дома дореволюционной постройки стоят в Самаре больше полутора столетия и, вероятно, смогут простоять еще столько же. Но к 50-летию Октябрьской революции (1967 год) в Куйбышеве было запланировано строительство двух современных - спортивного и культурно-развлекательного - сооружений, и место для них было выбрано именно здесь – на берегу Волги. Таким образом, участь здания Самарской Соборной мечети была решена.

Здание Соборной мечети в начале 60-х гг.

Кстати, перед началом строительных работ грунт здесь был сильно наращен, и поэтому цирк и Дворец спорта стоят теперь на горе. А с северной (Чкаловский спуск) и южной (улица Маяковского) сторон соседних сооружений получились глубокие овраги. Тем более, при подготовке строительства Монумена Славы (а потом и Дома правительства Самарской области и православного храма) земля поднималась таким же методом насыпки грунта.

Мечеть же стоит – фотография с колокольни Кафедрального собора четко убеждает нас в этом – гораздо ниже, чем Дворец спорта, хотя по высоте два строения, в общем-то, сопоставимы. Такое «занижение» уровня на момент съемки мечети в 20-е годы объясняется просто: она стояла на своем естественном, материковом грунте.

Определено и точное место, где она стояла. Документов, проясняющих планировку домов и других строений поселка на Оренбургской улице, мы пока не обнаружили. Поэтому решили пойти другим путем и нашли свидетелей, которые в 50-е – начале 60-х гг. или жили в том районе, или работали, или часто там бывали. И все они, независимо друг от друга, указали на одно и то же место. Это – примерно в 20 метрах от северо-западного угла Дворца спорта: сейчас здесь, на краю рукотворной горы, оборудована автостоянка.

...Итак, мы имеем фотографии Соборной мечети, сделанные в трех проекциях. А с мечетью на улице Казанской получилось иначе: ее фотографии дореволюционной поры или первых лет Советской власти нет ни одной. Дело, прежде всего, в том, что она никогда не имела минарета – важнейшего атрибута мусульманского культового сооружения. По всей видимости, именно по этой причине здание осталось вне поля зрения фотографов.

Но, думается, в этом большой беды нет. В таком, отчасти «недостроенном» виде, не претерпев за 120 лет сколько-нибудь заметных изменений во внешнем облике, Историческая мечеть так и простояла до нашего времени. И фотографии, сделанные теперь, в начале XXI века, сразу же после возвращения мечети мусульманской общине Самары, собственно, и выражают изначальную архитектурную суть здания.

...Газеты о закрытии мечети на Оренбургском спуске сообщили в начале марта 1930 года. Например, «Самарский колхозник» в номере от 6 марта написал, что «татарская мечеть закрыта и передается под татарскую школу». Изменение последующего назначения объясняется тем, что 25 февраля горсовет внес изменение в свое решение от 7 февраля. Согласно ему, сельхозинституту передали здание церкви при женском Иверском монастыре, а здание Соборной мечети на Оренбургской – под татарскую школу.

Через три месяца, 29 апреля 1930 года, рабочая комиссия горсовета по учету, выявлению и изъятию церковных ценностей составила очередной свой доклад, отразивший последние изменения в имуществе религиозных организаций. По Самаре на момент проверки было 14 церквей, молельных домов молокан, синагога и одна мечеть 1 прихода. Кстати, по мечети отмечено нарушение финансовой дисциплины - недостача имущества на 90 руб., но ущерб был сразу же возмещен, деньги уплачены на текущий счет горфинотдела. Второго прихода уже нет. Заодно комиссия осмотрела 18 ликвидированных за предыдущий год культовых зданий, в том числе, костел, кирку (*так написано в документе – прим. авт.*), молитвенные дома баптистов, церкви поморцев, единоверческую, проверив ход работ по их переоборудованию для использования в других целях.

Многие здания, в которых располагались храмы, превращались в образовательные учреждения. Усилившаяся в 1929 – 1932 гг. работа по изъятию культовых сооружений последовала за принятием незадолго до этого важных решений по развитию народного образования. В их числе - обязательное постановление горсовета №111 «О введении обязательного пятилетнего обучения в г. Самаре для детей 8 – 12-летнего возраста» 1929 года. 16 апреля 1931 года последовало решение горсовета о введении в Самаре и прилегающих поселках обязательного семилетнего образования. Спору нет, за очень хорошее и нужное дело взялось государство.

Надо быть объективным и рассматривать историю, как сложный процесс, в его диалектике и противоречиях. Советская власть сделала немало хорошего – создание эффективной и широкой системы народного образования, безусловно, является одним

из ее достижений. В 20-е годы была создана новая система национальной школы, охватившей практически все нерусское население страны. Именно она стала главным условием скорого появления широкого слоя татарской, башкирской, чувашской, мордовской и любой другой национальной интеллигенции.

В 1921 году в Самаре открылся (сначала в форме курсов) татаро-башкирский педагогический техникум с пятилетним курсом обучения, готовивший преподавателей для советских школ. В 1926 году техникум (заведующий - Г.Б. Ашмасов) располагался на улице Уральская (теперь Братьев Коростелевых), 144. В нем обучалось 147 человек, работало 17 преподавателей, техникум имел общежитие на 80 человек и дачу. Ее выпускники вплоть до 60-х годов работали в татарских и башкирских школах.

Несколько слов о заведующем педтехникумом. «Татарский энциклопедический словарь» сообщает: «Ашмасов Гакиль Билалович (1884 - 1942), религиозный, политический деятель, педагог. В 1907-1917 гг. - имам села Абдреево Самарской губернии. При мечети открыл новометодное медресе «Урняк» («Образец»). В 1919 - 1920 - работник Политотдела 1-й отдельной татарской стрелковой бригады, начальник политотдела узбекской бригады. В 1921 - 24 гг. на дипломатической работе в Турции. Один из организаторов и первый директор Книжной палаты ТАССР (1927 - 32 гг.) В 1932 - 38 гг. на педагогической работе в Казани, Андижане (Узбекская ССР). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно».

Как видим, из биографии Ашмасова «выпал» период между работой за границей и в Казани. Но сейчас можно восстановить этот пробел: в эти годы Гакиль Билалович жил в Самаре и работал заведующим татаро-башкирским педагогическим техникумом.

В эти же годы в Самаре было открыто несколько татарских школ - одна, как мы уже знаем, в здании бывшей Соборной мечети. Другая располагалась в красивом двухэтажном здании на углу улиц Вилоновская и Галактионовская, напротив сквера на площади Куйбышева, наискосок от корпуса технического университета. Оно есть и сейчас.

Еще две татарские школы находились на улице Чапаевской, 35 и на углу Троицкой и Оренбургской (это данные 1925 года). А

к 1936 году в системе горОНО числилась только одна татарская школа №26, начальная, по адресу: улица Куйбышева, 22. Директором ее был Богатов.

К слову сказать, в городе в начале 30-х годов действовала и чувашская школа, находившаяся на улице Куйбышева, 104. Чувашская газета в области тоже была. Она называлась «Колхозник».

Впечатлительные результаты были достигнуты и на культурном фронте. Везде открывались клубы, творческие кружки, библиотеки. Одна из библиотек существовала в Самаре при клубе национальных меньшинств имени Сталина по адресу: улица Советская, 89. В 1926 году ее фонд насчитывал 2700 книг, постоянных читателей – 188 человек.

Но эти благие начинания по просвещению народа широко использовались и для несправедных дел, в том числе, закрытия культовых сооружений. При этом власть в своих интересах играла на совершенно естественных чувствах людей. И не ошиблась. Вот почему в антирелигиозной деятельности государство нашло достаточно широкую поддержку в народных массах.

Борьба с религиозными организациями шла по всем фронтам и не всегда носила такой цивилизованный характер, как при законодательно оформленном отборе культовых зданий под нужды образовательных и культурных учреждений.

В 1929 году в Средневолжском крае прошли первые расстрелы священнослужителей – православных и мусульманских. Многих, кого миновала эта участь, все равно ждал карающий меч пролетарской диктатуры. Часть из них по приговорам чрезвычайных «троек» ОГПУ оказалась в тюрьмах или отправилась в ссылку в Сибирь и на Север. Но и те, кто не подвергся прямым репрессиям, кроме обязательного лишения избирательных прав, выселялись из своих домов, как нетрудовые элементы и подвергались постоянным унижениям и оскорблениям.

Противостоять этому было практически невозможно. Как часто бывает в нашей истории, власть отрывается от широких народных масс и, создавая видимость подлинной демократии, на самом деле управляет страной по правилам, понятным только ей одной. Так было и на рубеже 20 - 30-х годов: люди понимали, что проти-

виться нет смысла, надо идти в колхоз, соглашаться на закрытие мечетей и на многое другое, что требовали партия и правительство.

У священнослужителей тоже терялась воля к сопротивлению. Многие служители культа покидали родные края, чаще всего в мусульманские республики Средней Азии и Кавказа. И как выяснялось, это было лучшее из небольшого выбора - благодаря этому они избежали ареста в конце 30-х годов и остались живы.

Но были и те, кто просто оставлял должность. Многим по принуждению властей приходилось делать это публично. В газете «Самарский колхозник» (№10 за январь 1930 года) напечатана небольшая, но очень примечательная для той атмосферы заметка. «Я азанчи (дьячок) 3 прихода деревни Верхняя Терешка Старокулаткинского района Кузнецкого округа снимаю с себя сан азанчи. Измаилов Гайнулла». Часто бывало, что таким образом люди просто спасали себя от репрессий. В татарских деревнях в те годы родилась песня:

*Безнен авыл мәчетенен
Ае түбән караган,
Заманалар авыр, диләр –
Кем күтәрер караган!?*

Да, тяжелые времена настали для религии. Свои горестные чувства люди, как обычно, выразили в песне. Верующим начинало казаться, что их настроение по невидимым каналам передалось мечетям, и под тяжестью навалившихся испытаний поникли даже полумесяцы на минаретах.

...После закрытия Соборной мечети в Самаре остался последний оплот организованного сопротивления наступлению на ислам – мечеть на улице Обороны. Ее можно назвать и последней линией обороны самарских татар, выступавших за сохранение законного прихода и возможности проводить обряды в мечети, которую они сами строили.

Поэтому городские власти подошли к делу с предельной серьезностью. Не случайно потом, уже после очередной «победы», все документы, отражающие ход операции, были собраны в отдельное дело президиума Самарского горсовета «О закрытии мечети в г. Самаре, по ул. Казанской, 61». Оно и позволяет нам

подробно рассказать о том, как все происходило. Как всегда, на помощь были призваны татарские коммунисты и комсомольцы. А вот и те, с кем им предстояло бороться. Цитируем по документу:

«Список учредителей общества мусульман 1-го прихода города Самары:

Муртазин Мухамметфатых, 55 лет, мулла, Казанская, 61 - 4;
Мазитов Салахутдин, 50, слесарь, Узенький переулоч, 14 – 2;
Биккинеев Фахрутдин, 71, инвалид;
Хисматуллин Набиулла, 65, сторож;
Абдулов Шагит, 30 лет, сторож мусульманского кладбища;
Ахметов Халиулла, 49, чернорабочий;
Нугманов Хайдар, 49, старьевщик;
Маннафов Газиз, 54, слесарь;
Узбеков Закир, 51, сторож;
Узбеков Ахметсагир, 55, чернорабочий;
Муллин Абдулшакур, 57, чернорабочий;
Каримуллин Муллахмед, 43, торговец;
Гайнуллин Исхак, 24, сапожник;
Даминов Минвафа, 61, чернорабочий;
Закиров Зариф, 35, слесарь;
Сабилов Закир, 38, инвалид-безработный;
Батыров Абдрахман, 32, кустарь-шапошник;
Мухамедьяров Абдулла, 44, кустарь;
Мухитов Салахутдин, 42, кустарь-шапошник;
Кутуев Нурмухамед, 71, посевщик;
Узбеков Аглиулла, 77, домовладелец;
Мударрисов Нурсафа, 56, торговец;
Юсупов Шагиагзам, 45, чернорабочий;
Гизатуллин Зиннатулла, 70, чернорабочий;
Камалетдинов Гарифулла, 60, крючник-инвалид;
Гузаиров Ахметсагир, 72, чернорабочий;
Гафуров Шакур, 70, инвалид;
Хабибуллин Мухаммед, 67, сторож;
Исхаков Исмагиль, 52, кустарь-шапошник;
Гафуров Загидулла, 67, безработный;
Абдулвалеев Валиулла, 65, ломовой извозчик;
Хусаинов Гафиятулла, 35, рабочий силикатного завода;

Абдуразаков Юсуф, 70, домовладелец;

Вахитов Минсафа, 64, чернорабочий».

И «Список членов совета общества мусульман 1-го прихода города Самары:

Даминов Минвафа, 61, чернорабочий;

Феткуллов Хайрулла, 57, чернорабочий;

Мударрисов Нурсафа, 56, торговец. Всего - 38 человек.

Подписи: председатель совета Деминов и секретарь Муртазин.
19 апреля 1930 года».

«Последние из мусульман»... Так по известной аналогии можно назвать этот список – благодаря архиву сохранились сведения о членах последнего мусульманского общества старой Самары, действовавшего на законных основаниях.

Как видим, в число активных прихожан входили, главным образом, татары, живущие на улице Казанской и расположенных неподалеку от ней. Это - Венцека, Водников, Набережная реки Волга, Ильинская, Уральская, Галактионовская, Кооперативная, Садовая, Пионерская, Мало-Чапаевская и другие. Это - осколки сложившегося до революции поселка, когда татары Самары селились по соседству, образуя национальные уголки по несколько дворов и семей. Большинство из них приходилось, как мы сейчас бы назвали, на старую часть города.

...Давление властей нарастало с каждым месяцем. Например, 27 июля 1931 года из горсовета в президиум краевого исполкома уходит докладная:

«В горсовет неоднократно обращались нацменработники с вопросами о возможности закрытия мусульманской мечети на Казанской, 61, с целью использования под культурный очаг для детей, т. к. в том районе совершенно нет места, где бы можно было организовать детей дошкольного возраста.

Предвидя это, мулла Муртазин Мухаммед-Фатих Шигабеддинович, стал заниматься привлечением верующих мусульман к мечети с тем, чтобы увеличить количество посещающих, в результате чего, действительно, в последнее время заметно увеличение числа посещающих. А 26 июня тот же мулла Муртазин... на молитви выступил с призывом всех верующих к большему посещению мечети, к вере в религию, не считаясь с переживаемыми труд-

ностями, т.к. религия им нужна и т.д. Данный факт можно рассматривать как явное нарушение договора с общиной, заключенного 27/VI - 1930 г., в котором говорится, община берет на себя в переданном ему здании не допускать произнесения проповедей и речей, враждебных Сов. власти направления или ее отдельными представителями, причем, в списке лиц, подписавших договор, подпись Муртазина стоит первой.

Кроме того, имеются сведения о том, что в г. Самаре проживают административно высланные узбеки, с которыми Муртазин имеет связь. Родные адмвысланных присылают на имя Муртазина различные посылки, который, получая их, передает по их назначению.

В мае месяце заместитель председателя горсовета т. Скиба посетил здание мечети и обнаружил полную безответственность к сданной общине имуществу. В здании мечети двери оказались закрытыми, и в течение долгого времени никто не видел, чтобы туда кто-нибудь пришел.

19 мая Муртазин был вызван и предупрежден об ответственности, в чем собственноручно расписался».

Власти в проведении антирелигиозной борьбы активно привлекали комсомольский актив и молодежь, которые использовались в качестве тарана. Мы видели, именно как инициатива масс нацмен было представлено закрытие Соборной мечети в 1930 году.

Со второй мечетью история повторилась. Коммунисты, комсомольцы, сориентированная властями остальная татарская «общественность» организовывали акции, которые назывались «культштурм». Есть сведения о том, что у мечети выставлялись комсомольские дозоры – это когда несколько молодых людей подходили с плакатами и флагами к мечети в дни наибольшего посещения верующими (обычно в пятницу и во время Гаенамазов) и выкрикивали разного рода антирелигиозные лозунги.

Впереди всех бежали члены клуба национальных меньшинств имени Сталина, и им удавалось организовывать достаточно массовые мероприятия. Например, на собрании 29 января 1932 года, где обсуждался вопрос о закрытии мечети, в клубе присутствовало 160 человек.

тать ее письмо в ОГПУ о «контрреволюционной деятельности Муртазина», датированное октябрём 1931 года. Активно участвовал в акциях и ее муж, руководитель татарской секции клуба национальных меньшинств.

Усилия актива татарских комсомольцев и коммунистов постепенно раскручивали антирелигиозную кампанию. Зимой 1931 – 1932 г.г. на собраниях в ряде организаций города: типографии газеты «Волжская коммуна» (располагалась в здании нынешнего полиграфического техникума на улице Молодогвардейской), механиков городского телеграфа, типографии имени Мяги, карбюраторного завода, в железнодорожном поселке жители города – татары приняли постановления с требованием закрыть мечеть на улице Обороны. Свою руку приложил и самый передовой отряд татарской интеллигенции - творческий коллектив редакции татарской газеты «Колхозчы» (ответственный редактор - Н.Ф. Мубаракшин). Есть протокол решения собрания редакции, на латинском алфавите – за несколько лет до этого татарский и другие мусульманские народы СССР лишились арабской графики, а заодно всего тысячелетнего письменного наследия.

Примечательно, что протоколы многочисленных собраний трудящихся удивительно похожи друг на друга и повторяют одни и те же положения. «Обоснования» необходимости закрытия мечети в них выдвигаются следующие: крайняя малочисленность религиозной общины (33 человека), верующие длительное время (пять лет) в постоянной форме мечеть не посещали, в городе отсутствуют культурные очаги для татарских детей. Сразу предлагаются также варианты использования освобождаемого от мечети здания под мастерские школы № 26.

В одной из резолюций говорилось, что «трудовая масса за пять лет в мечеть не ходит, а это место – место сбора торгашей и антисоветчиков». Или, как написано еще в одной резолюции, что «культурных зданий не хватает, а на Казанской улице одна мечеть бесполезно гниет».

Вот так строилась работа: сначала через агитацию, путем давления, шантажа и угроз, лишения избирательных прав, судебными преследованиями отлучить людей от мечети, а потом их же обвинить в том, что они туда не ходят...

Так часто бывает в жизни, так случилось и здесь - гнусная по своей сути и форме атака на самарские мечети и их руководителей привела к пробуждению самых мерзких, низменных чувств многих наших соплеменников. Вот письмо в горсовет 13 января 1932 года татарской семьи, проживающей на улице Галактионовской, 231, квартира 2 (ее глава - работник самарского пригородного свиновхоза, жена – домохозяйка, дочь - студентка медицинского института):

«Мы возмущаемся, как до сих пор в нашем городе существует татарская мечеть, как очаг религиозного дурмана и как болото на пути культурного развития татарского населения, доведившая массу до позорного торгашества-барахольщика. Мы требуем немедленно закрыть эту мечеть и передать ее в распоряжение горОНО».

Любопытно, что в ряде протоколов общественности встречается призыв «взять мечеть» (прямой перевод от татарского «мәчетне алырга»). Прямой перевод на русский язык принимает здесь другую, в общем-то, неверную смысловую окраску. Но это очень символично и как нельзя точно отражает методы развернутой кампании.

Пик оргмассовой работы по подготовке закрытия мечети пришелся на январь – февраль 1932 года. В результате с размахом и умело проведенной работы к январю 1932 года в общей сложности 373 граждан татарской национальности (списки в архиве тоже сохранились) поставили подписи под требованием закрыть мечеть на улице Обороны.

А вскоре организаторам кампании представился случай, который значительно облегчил им работу.

...6 февраля на празднике Ураза-байрам в мечети был организован массовый сбор денег для сосланных мулл... Вот этого власти вынести уж никак не могли. Для них происшедшее было четким сигналом: дальше терпеть такое «безобразие» нельзя и необходимо принимать экстренные меры.

17 февраля президиум Самарского Городского совета депутатов принял постановление о закрытии мечети на улице Обороны. «В связи с многочисленными просьбами... и отсутствием культурных очагов...». О сборе пожертвований сосланным имамам

в документе нет ни слова. 4 марта это постановление утверждено на заседании Постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме Средневолжского крайисполкома (заключительные слова решения «...и передать для использования под культурно-просветительские нужды нацмен города Самара»).

В итоге, как и планировалось, «культштурм» 1930 – 1932 гг. закончился «взятием мечети».

Почему руководители мечети в обстановке тотального давления пошли на столь рискованный шаг, каковым, безусловно, был сбор средств для помощи «врагам Советской власти»? Теперь, через многие десятилетия, нам трудно это понять. Опытных, прошедших большой жизненный путь и множество испытаний, трудно заподозрить в отсутствии чувства момента – они отдавали себе отчет в том, какая угроза нависла над ними и их мечетью. Тогда что это было такое? Вероятнее всего, они все понимали и знали – все равно закроют и решили воспользоваться последним моментом и помочь братьям по несчастью...

Интерес вызывает и такой вопрос, как разное отношение различных групп татарского населения к антирелигиозной кампании. Социологи назвали бы это явление «социально-психологический аспект поведенческой культуры».

Примеров сознательного участия татар в закрытии мечетей и преследованиях их имамов немало. Как людей, которые по собственному желанию и собственноручно спиливали минареты мечетей, устраивали священнослужителям обструкцию, писали на них доносы... Ведь не всех власти могли заставить сделать это. Широко присутствовал и фактор добровольности.

Но в истории отмечено немало случаев, когда председатели сельсоветов и колхозов (даже в опасные 30-е годы) под разными предложениями тянули с закрытием мечетей, лектора - сельские учителя не читали антирелигиозных лекций, заменяя их научными или о международном положении СССР, парторги (правда, после войны) проводили у себя Курбан-байрам и так далее... Они многократно описаны нами в предыдущих работах. Более того, в документах партийных органов советского времени, когда речь заходит об антирелигиозной работе среди татарского, башкирского и казахского населения, сплошь да рядом встречаются

жалобы на низкую активность местных работников. Именно благодаря этой «низкой активности местных работников» во многих селах в 30 – 70-е годы даже при отсутствии действующих мечетей религиозная жизнь не прекращалась, люди собирались на пятничные намазы, в массовом порядке соблюдали пост в месяц Рамазан, проводились меджлисы. В несколько других формах, но также активно она протекала и в городах.

...Вернемся в 1932 год.

За закрытием мечети на улице Обороны последовали первые аресты. Репрессиям подверглись не только руководители бывшей мечети и ее прихожане, но и татары, не имевшие к религиозной организации прямого отношения.

Тема «Большого террора», творившегося в СССР в 20 - 50-е годы, широко освещается в научной, художественной литературе и прессе. Кажется, давно и досконально разобраны причины и последствия, формы и содержание, влияние на общество и каждого его члена в отдельности этого противоестественного для цивилизованного общества явления. Но и после всего прочитанного, передуманного и услышанного разум не может принять и отказывается понимать: как это могло произойти,

почему погибали и страдали люди, ни в чем не виноватые перед Советской властью и не представлявшие для нее никакой угрозы. И каждый раз, знакомясь с документами периода репрессий, невозможно не поражаться абсурдности обвинений «врагов народа»...

Постановление Средневожского управления ОГПУ о взятии под стражу членов «ликвидированной контрреволюционной мечетной группировки» было выписано (по злой иронии судьбы или, может, специально, по умыслу властей) 16 апреля 1932 года – в день праздника Курбан-байрам.

Арестовали М. Муртазина на следующий день, 17-ого. Вместе с ним по этому делу были заключены в тюрьму Насретдин Шарафутдинов, Минвафа Даминов, Хайрулла Фаткуллин, Измаил Ибрагимов, Хасанша Абдулбогатов и Шакир Субеев. Двое из них – Шарафутдинов (владелец ломовой артели, торговец и домовладелец, семья состоит из 8 человек) и Субеев (мулла села Мочалеевка Кинель-Черкасского района) - не состоят ни в совете, ни в активе самарской мечети.

«Фигурирующая в настоящем деле к.-р. группа мечетного актива во главе с видным и популярным в кругах мусульманского духовенства и татарской буржуазно-торгашеской верхушки Среднего Поволжья Муртазиным Мухамметфатыхом Шигабеддиновичем являлась руководящим ядром местного к.-р. элемента..., проводившего под прикрытием мечети на протяжении последних двух лет ожесточенную к.-р. работу среди татар. Основательность этого утверждения проверена на прошлом опыте работы городских парткомсомольских, профсоюзных и других организаций, которые при проведении культурно-политических и антирелигиозных мероприятий неоднократно сталкивались с фактом упорного сопротивления со стороны... торговцев, нэпманов, лишенцев, религиозных фанатиков и пр., группировавшихся вокруг мечети...» - такими словами начинается обвинительное заключение представительства ОГПУ по Средневолжскому краю, объемистый документ на 11 листах. Далее следуют обвинения арестованных во всем, в чем можно было обвинять лиц мусульманского вероисповедания, по каким-то причинам негодным Советской власти. Это и неодобрительные высказывания о закрытии мечетей, призывы активно посещать мечеть и соблюдать мусульманские традиции, организация помощи ссыльным муллам, баям, выступления против отмены арабского алфавита и введения латинского, даже сбор средств для уплаты коммунальных платежей и налогов за пользование мечетью и так далее. Двоим участникам (Шарафутдинову и Ибрагимову) группы, кроме этого, вменяется в вину выдача белочехам татарина-коммуниста Аббаса Алеева в 1918 году и участие в расправе над ним...

16 августа 1932 года Особое совещание при коллегии ОГПУ вынесло приговор членам контрреволюционной группы. «Главарь»

был осужден на 4 года концлагерей, пятеро высланы на три года в Северный край, еще одному - Абдулбогатову срок предварительного заключения зачли за наказание и освободили из-под стражи.

Обращает на себя внимание несоответствие тяжести и особенно количество выдвинутых обвинений в совокупности относительно мягкому наказанию за их совершение. Ведь три года до этого, в 1929-м, в первую волну жестоких репрессий, расстреливали только за то, что был священнослужителем. А здесь совсем иначе. Тем более, Муртазин, проработав некоторое время на строительстве Беломорканала, в июле 1933 года был условно-досрочно освобожден за хорошую работу и приехал домой. Вернулись в родные края и сосланные в Архангельск. Видимо, Советская власть тогда решила только припугнуть наиболее активных мусульман Самары. Пока...

(Через 25 лет, 25 июля 1957 года, президиум Куйбышевского областного суда отменил этот приговор за недоказанностью обвинения – прим. авт.)

Мухамметфатых Муртазин... Мулла, общественный деятель и учитель. Просветитель, журналист, экономист и пропагандист научных знаний, добившийся в дореволюционные годы необычайных высот общественного признания. Прогрессивный татарский интеллигент, знаток народной музыки, обладатель большого фонда граммофонных пластинок, постоянный читатель городской библиотеки, любитель кино, еще в 30-е годы предсказывавший повсеместное появление «домашнего кинематографа» – телевидения. Посвятивший свою жизнь сохранению духовных традиций татарского и других мусульманских народов. Истинный патриот своего Отечества, столько сделавший для Самары и ее жителей...

Так оценивали его современники, такую оценку ему дала и история – самый объективный судья человеческих деяний.

А документы полномочного представительства ОГПУ (предшественник наркомата государственной безопасности СССР) характеризуют Муртазина таким образом:

«Наиболее яркая фигура, на голову выше стоящая всех остальных членов группы, и непримиримый враг Советской власти. Не просто влиятельный мулла, в прошлом видный буржуазный

деятель, сотрудник ряда национал-буржуазных и религиозных периодических изданий, оппонент православных миссионеров на диспутах до революции. С 1905 по 1921 год состоял членом мусульманской фракции партии кадетов, как ее представитель избирался в Самарскую Городскую Думу, до последнего времени имел обширнейшие связи с виднейшими представителями национал-буржуазного и религиозного мира, значительная часть которых ныне за к.-р. преступления отбывает наказания в концлагерях, а некоторые из них бежали за границу и там ведут ожесточенную кампанию против СССР.

Октябрьская революция больно ударила Муртазина не только по общественному положению: он лишился вклада в банке и потерял торговлю. Все это толкнуло его на борьбу с Советской властью. В 1921 году за к.-р. агитацию он арестовывался губчека и был освобожден только по амнистии к 4-й годовщине Октябрьской революции.

В период 1921 -1923 г.г. он являлся членом повстанческой националистической организации в Средней Азии и Поволжье «Иттифак-Ислами», от имени которой распространял по разным городам Волги к.-р. воззвания. Имея большой политический опыт, будучи человеком умным и развитым, и пользуясь, безусловно, большим авторитетом среди почти всех прослоек тюрко-татарского населения в Самаре и за пределами города – он все эти данные в последние годы направил на организацию сложной и хитроумной системы удержания массы верующего татарского населения в рабской зависимости от религии, мечетного актива и лично себя, внедрения и использования в к.-р. целях религиозного фанатизма и организации срыва важнейших культурно-политических и антирелигиозных мероприятий, проводившихся в 1930 – 1932 годах партийно-комсомольскими и другими организациями среди татар города.

Под руководством Муртазина в его квартире устраивались сборища членов к.-р. группы, на которых широко дебатировались важнейшие внутренние и международные события, и принимались принципиальные установки относительно работы среди населения и мечети. В результате среди татар была организована в широком масштабе религиозная пропаганда, основной смысл которой

заклучался в возбуждении всеми средствами религиозного фанатизма среди верующих, культивировании и укреплении вредных традиций тюркских народов и пережитков религии ислама, натравливании трудящихся слоев на мероприятия Соввласти...

Мечеть превратилась в явочную квартиру и своеобразный «отдел социального обеспечения» для беглых, репрессированных и следующим транзитом через Самару из Европейской части СССР в Сибирь, Среднюю Азию и обратно мулл, торговцев, баев и т.д. В мечети к.-р. элемент получал необходимые сведения, укрывался и снабжался необходимыми денежными и натуральными средствами для существования...»

Вот такую «страшную» угрозу для Советской власти представляли Муртазин и его единомышленники.

Еще до известного постановления горсовета от 17 февраля 1932 года, Мухамметфатыха Муртазина, жену Марьям-абыстай и семерых детей (Халида, Адиба, Джаудат, Фагима, Ильгамия, Лутфия, Адип) выселили из мечети, и семья стала скитаться по частным углам. Родственники, друзья и знакомые помогали, как могли, делая это от души и, конечно, скрытно. После освобождения главы семьи из Беломорлага и возвращения его в Самару удалось найти постоянную квартиру во дворе дома на улице Братьев Коростелевых, 141. Она и стала последним пристанищем Муртазина.

Дело о «контрреволюционной группе при самарской мечети» было только одним из сотен и тысяч, которое ОГПУ штамповало по всей территории СССР. Мусульманская религия, как православная и все другие, самые крупные - людские и особенно материальные - потери понесла именно в первой половине и середине 30-х годов. После арестов имамов повсеместно закрывались мечети, оставшиеся без настоятелей, религия фактически перешла на нелегальное положение.

Бедственное положение, в котором оказался ислам, заставило муфтия Фахретдинова летом 1935 года лично прибыть в Москву в Президиум ВЦИК с докладом о критическом положении дел в мусульманской религии, находящейся уже на грани полного уничтожения. Но это не спасло положение. Наоборот, после смерти муфтия Ризы Фахретдинова в апреле 1936 года были репресси-

рованы все члены Президиума ЦДУМ СССР, расстреляна единственная женщина-казый (духовный судья) Мухлиса Буби, арестованы все видные исламские богословы еще дореволюционной школы. (Один из них – Зиятдин Камали отбывал наказание в Куйбышеве, здесь же в Безымянлаге он и умер в 1942 году).

А за оставшихся в живых и на свободе мусульманских священнослужителей, активистов религиозной общины и известных татар Самары - Куйбышева «органы» взялись через несколько лет - осенью 1937 года.

Одна из последних семейных фотографий Муртазиных.

...Люди предполагают, а горсовет располагает....

О том, что здание закрытой мечети стало служить культурному просвещению самарских татар и башкир (одна из провозглашенных целей его реквизиции) документальных свидетельств нет. Только на первых порах здесь присутствовали элементы «нацменработы», поскольку среди воспитанников было немало детишек, живущих неподалеку от мечети.

Но вскоре оно превратилось в обычное детское дошкольное учреждение без всяких национально-культурных составляющих. Об этом свидетельствует и справка отдела образования Самары 1999 года (за подписью заведующего В. Лободина): с 1932 года все советское время здесь располагался детский сад № 55 Дзержинского, позже Самарского, района.

За это время, с целью перепрофилирования под детский сад, здание бывшей мечети претерпело существенную реконструкцию. Сначала были снесены все пристройки, осталось только основное здание площадью в 436 кв. метров (по документам 1940 года). Во время войны здание снова начало расширяться. В 50-е годы оно увеличилось почти до 600 кв. метров, поскольку были пристроены три помещения. Каждый ремонт (1957, 1964, 1970 – 1972, 1984 гг.) в детсаде, который, в конце концов, стал специализированным учреждением для тубинфицированных детей, приводил к созданию дополнительных площадей – спален, медицинских комнат, прачечной, туалетов, кухни, бельевой, душевых, кладовок и других. По данным Куйбышевского Бюро технической инвентаризации на 1984 год, общая площадь детского сада составила 922 кв. метра. Кроме того, печное отопление, состоящее из 12 печей, в ходе реконструкции было заменено центральным, здание снабдили водопроводом и канализацией.

Но, несмотря на все внутренние переборки и постоянные пристраивания, приведшие к изменению внутренней структуры и планировки, общий архитектурный облик и внутренняя планировка (по несущим стенам) здания сохранились в прежнем виде. И когда после передачи мечети мусульманской общине начался демонтаж многочисленных деревянных и фанерных перегородок, здание постепенно и естественным образом стало приобретать свой прежний вид. Но это недавно, в 2000-е годы...

...А тогда, в 30-е годы, закрытием всех самарских мечетей и первым судебным процессом дело не ограничилось. После 1932 года, как его логическое завершение, наступил 1937 год – один из самых трагичных в истории нашей страны, пик сталинских репрессий, символ несправедливой жестокости властей и страданий безвинных людей.

20 октября 1937 года на стол прокурора Куйбышевского края легло большое, толстое «Дело №7880», подготовленное управлением НКВД. Называлось оно – «О контрреволюционно-националистической организации мусульман города Куйбышева». Изложив в главных чертах основные сведения о широко разветвленной и глубоко законспирированной антисоветской контрреволюционной организации во главе с М. Муртазиным, краевое управление внутренних дел просило санкцию на арест руководителей и активных членов этой организации в связи «с невозможностью до сих пор оставлять их на свободе». Исходя из «необходимости разоблачить враждебную организацию», заместитель прокурора области Зарубин тут же дает добро. И через несколько дней оперативные группы НКВД, оформив соответствующие ордера, направились по адресам проживания четырех десятков человек.

24 октября был арестован мухтасиб города Мелекесса Гатаулла Губайдуллин, 26-го – Мухамметфатых Муртазин, Шайхутдин Залялутдинов и Шагиагзам Гаффаров, 11 ноября – мулла села Татарские Канадей Кузнецкого района Мухаметзян Курмакаев... Потом, в течение нескольких недель, в темные ночи ноября-декабря, все «члены контрреволюционно-националистической организации» были собраны во внутренней тюрьме краевого управления НКВД, и с ними начали работать следователи...

Деятельность НКВД в 30-е годы поражает масштабами и изобретательностью. Сотрудники «органов» мобилизовали на борьбу с мнимыми «врагами народа» все свои силы, знания и находчивость. По одному уголовному делу они могли арестовать и осудить людей, которые часто даже не были знакомы друг с другом, и поэтому не могли иметь никаких общих дел. Но это не играло никакой роли, потому что паровоз террора и беззакония мчался на всех парах, давил все на своем пути и остановиться уже не мог. Наряду с прославленными маршалами и великими учеными под его колеса попало бесчисленное множество инженеров, врачей, учителей, библиотекарей, рабочих, крестьян, домохозяек и других простых людей. Так и в уголовном деле №7880: в одну организацию были записаны бухгалтер, продавец, сторож, рабочий, заготовитель, секретарь сельсовета, конечно, большинство мулл, есть люди с начальным, средним образо-

ванием, у некоторых его вообще нет. Всего - 42 человека.

В чем они обвинялись?

Мулла мечети на улице Обороны как руководитель Куйбышевского филиала закордонной белогвардейской организации - Всесоюзного контрреволюционного центра Мухамметфатых Муртазин, его многочисленные знакомые, друзья и соратники, сельские муллы, руководители религиозных организаций Среднего Поволжья и Предуралья в течение многих предшествующих лет вели подрывную деятельность, укрепляли связи с зарубежными эмигрантскими кругами, а через них - с разведками Германии и Японии для совместного выступления против Советской власти, передавали шпионские сведения Турции, создавали специальный фонд для развертывания контрреволюционной повстанческой деятельности с целью восстановления штата «Идель-Урал» с включением в него Казахстана, Киргизии, Узбекистана, вывода Татарской АССР из состава СССР и создания автономного государства под протекторатом Японии, на явочных квартирах проводили подпольные сборища, распространяли воззвания, сколачивали подпольную антисоветскую организацию в составе татарских полков, создали несколько диверсионных групп и так далее и тому подобное.

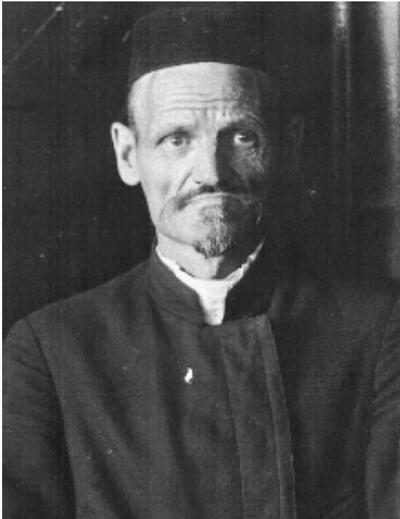
Ужас берет от безудержной фантазии следователей. В своих признательных показаниях Муртазин невероятно подробно рассказывает не только о своей контрреволюционной, националистической, пан-тюркистской, пан-исламистской, японо – и германфильской деятельности, но и о постоянных встречах с сообщниками, переговорах с турецким султаном о защите мусульман Советского Союза, о том, как все знакомые Муртазина с этими целями бесконечно разъезжали по стране – от Ленинграда до Ташкента, согласовывали планы будущего восстания, и кроме этого у них в мыслях больше ничего не было...Всего не перескажешь из 23-хстраничного машинописного документа – обвинительного заключения.

Чем не сценарий для фильмов, подобно «Покаянию» Варлама Аравидзе 1988 года. Помните, главного героя обвиняли в том, что он хотел прорыть тоннель из Лондона в Бомбей, чтобы из Британских островов пройти под землей 7 тысяч километров (в том числе, под тремя морями) до Индии и совершить там террористический акт.

Судя по признаниям Муртазина, врагами Советской власти являются все – начиная от председателя ЦДУМ Ризы Фахретдинова и ученого секретаря управления Жихангира Абызгильдина, председателя Совнаркома ТАССР Абрамова, проживавшим в Казани писателя Халика Садри (уроженец Старого Ермаково) и заканчивая муллами дальних сел - Зирекле Куак (Валимухамеда), Мулловки (Хади Камалетдинова) и всех остальных. Абсолютно все - более чем 70 человек, о которых упоминает «главарь организации».

Откуда взялись эти «признания»? Только по этому, главному документу уголовного дела можно найти тысячу доказательств того, какими методами выбивались «показания». Человек сам себя не может так «правильно» оговаривать – весь текст был аккуратно, в форме шпионского детектива, написан, выправлен и напечатан на машинке, несомненно, еще до ареста Муртазина. Ему оставалось только подписать его. И не подписать Мухамметфатых-хазрат не мог.

Достаточно взглянуть на последнюю прижизненную фотографию Муртазина, и все станет понятно – он устал, изможден и сломлен. Годы постоянного надзора и притеснения, бесконечных унижений и оскорблений, судебных преследований и новые пытки... Часто люди, попадая в такие нечеловеческие условия, оказываются в невыносимом выборе между верой и отчаянием. И... соглашаются на самооговор и сумасбродные признания.

Беззаконие сталинских времен облачалось только в подобие соблюдения закона: выдавались санкции на арест, на обыск приглашали понятых, со всеми формальностями составлялись про-

Сопrotивляться уже нет сил...

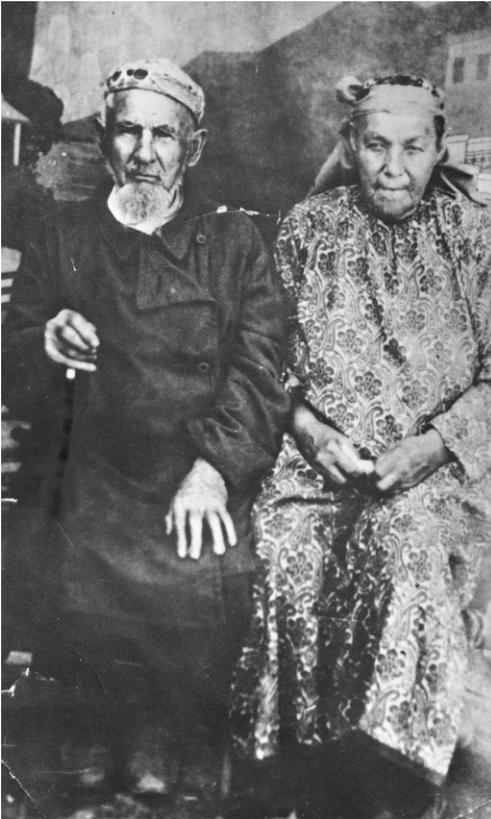
токолы допросов... Но у арестованных не было права на адвоката, доказательством обвинения объявлялось только их личное признание, Особое совещание («тройка») при управлении НКВД рассматривало дело без обвиняемого, осужденный не имел права на обжалование приговора, обычно высшая мера приводилась в исполнение сразу же после вынесения.

Поэтому появление среди ночи сотрудников НКВД и предъявление ордера на арест для человека, уверенного в своей невинности, становилось шоком...

30 ноября, когда в дом под номером 19 по улице Радищева нагрянули оперативники, его хозяин И.Ш. Шайхутдинов (самый молодой из всех арестованных по этому делу, 1912 года рождения) расписаться на ордере смог только с третьей попытки: карандаш все время вываливался из рук. Этот эпизод вспоминал его младший брат Лябиб Мустафин, знакомый многим нашим землякам, один из первых членов Попечительского совета по строительству Соборной мечети на улице Стара-Загора. А за месяц до этого арестовали их отца – нетрудно представить состояние молодого человека.

Мухаметситдык Шамгунов – потомственный мулла (по сведениям 1857 года, его дед Шамгун Валишев был утвержден в должности имама постановлением Симбирского Губернского правления еще в 1830 году), многие десятилетия был имамом мечети села Кубань-Озеро, обучал детей в медресе, являлся одним из самых уважаемых священнослужителей Самарского края. (Его имя мы встречали в газетной публикации об открытии Соборной мечети в 1913 году). Жители этого села рассказывают о многих странностях в поведении муллы Ситдыка-бабая на склоне жизни. Такое бывает с некоторыми людьми, прожившими долгую и трудную жизнь.

Поэтому его и увезли в Куйбышев. А в 1937 году ему было уже 82 года. Спокойно доживал свой век на попечении родственников М. Шамгунов, как вдруг превратился в злейшего врага Советской власти. Бдительный гражданин А.П. Анисимов написал письмо в Ленинский райком партии (оно приобщено к уголовному делу): М. Шамгунов вместе с жившей на той же улице женой расстрелянного попа вел среди молодежи агитацию с целью помешать выборам в Верховный Совет СССР, которые проходили

«Враг народа» Мухамметситдык Шамгунов и Марзия-абыстай (1868 - 1958).

жив рядом свою палку. Обо всем этом в 1989 году в журнале «Казан утлары» написала внучка Ситдык-бабая Роза Мингулова, проживающая в Ленинграде. Потом Шамгунову удалось передать из тюрьмы родным записку, где он сообщал, что здесь его называют «контрой» и бьют, таскают за бороду, и что они, наверное, больше не увидятся.

А фото М. Шамгунова для публикации в нашей книге предоставил его правнук, врач и журналист Искандер Мифтахов.

23 декабря был арестован и Хатимулла Батталов (1884 года

12 декабря. Реакция была немедленной: 17-ого на улицу Кооперативная, 255 (теперь это улица Молодогвардейская, и на этом месте стоит жилой дом, называемый в народе «Шанхаем») явились сотрудники НКВД и арестовали старика.

До этого кто-то, почувствовав надвигающуюся беду, говорил Шамгунову: «Бабай, тебя могут арестовать, тебе надо исчезнуть». Но он не верил, а лишь повторял: «За что меня арестовывать, я не делал ничего плохого, кому я нужен такой старый и больной». Ошибался. Когда подъехал «черный ворон», Мухамметситдык-бабай, опираясь на палку, вышел из дома и сел в машину...

Сейчас у потомков хранится лишь его фотография, где он снялся, положи

рождения) – бывший имам Соборной мечети, живший тоже на Кооперативной улице, в доме № 253. Он работал киоскером в универмаге.

...В 1930 году Ибрагима Бикерова (село Старое Зеленое Старокулаткинского района, 1867 года рождения) как священнослужителя, к тому же эксплуатирующего чужой труд, выслали за пределы Средневолжского края. Но наказание ему не пошло впрок. Вернувшись в 1934 году из ссылки, он организовал в родном селе работу по открытию мечети. Как написано в доносе, отправленном в НКВД односельчанами, Бикеров говорил народу, что «наша религия не должна втоптываться в грязь, нам нужно сделать все, чтобы мечети не закрывались». Также он агитирует своих односельчан сохранить религиозные традиции, несмотря ни на что.

Еще большее преступление против Советской власти совершил Мухаметзян Абдюшев из села Малая Терешка того же района. 12 декабря 1936 года он собрал односельчан и провел Ураза-гает, к тому же, громко прочитал несколько сур из Корана. Об этом сообщает начальник отдела НКВД Старокулаткинского района. Действительно, как такое можно простить!? Это было преступлением, за которое полагалась смертная казнь.

Произволу не было предела. В конце двух завершающих томов этого уголовного дела следователи сделали одно потрясающее примечание: «вещественных доказательств при деле не имеется». Что это означает?

Только одно - оперативники и следователи не обнаружили у обвиняемых ни оружия, ни переписку членов контрреволюционной организации, ни компрометирующих фотографий, ни воззваний, листовок, ни схем стратегических объектов, планов совершения террористических актов... Или еще чего-нибудь такого, что подтверждало бы их контрреволюционную деятельность.

Что ж, трудно найти то, чего нет на свете. Что же они тогда находили? В протоколе обыска в доме мелекесского муллы Гатауллы Губайдуллина написано: денег 32 рубля 22 копейки, карманные часы и четки. И больше ничего.

Обыск на квартире Муртазина «дал» паспорт, разные справки, личные документы, тетради, блокноты с записями на татарском

языке, четыре фотокарточки... Правда, Адиба-апа говорит, что оперативники НКВД унесли больше: книги на русском языке, записи дневникового характера, религиозную литературу. Постелили простыню на столе, связали все в узел и унесли.

Но, как мы знаем, «вещдоки» и другие доказательства и не нужны были. Приговор давно уже был определен.

При знакомстве с этим «Делом» в глаза бросается еще одна интересная деталь: жертвы, как спортивная сборная команда, собраны с разных городов и районов. Вот несколько фамилий (данные о репрессированных мы приводим из справок о реабилитации):

- Якуб Мустафин, родился в Теплом Стане, место работы – «Союзпушнина» (Куйбышев);

- Сагатулла Халитов, с Пугачевского района Саратовской области, работал кучером на станции Липяги;

- Вазых Мифтахов, бывший служитель культа села Тюгальбуга Новомалыклинского района, продавец;

- Измаил Муртазин, родился в Нурлат-Октябрьском районе Татарской АССР, бухгалтер артели «Красный жестянщик»;

- Якуб Кутуев, село Канадей Кузнецкого района, секретарь сельсовета;

- Хайрутдин Шабаев, родом из села Чаганлы Абдулинского района, заготовщик семян...

Еще раз к вопросу о том, как добывались признательные показания. Читаем протокол допроса Мухаметжана Курмакаева во втором томе дела. Сначала 67-летний Мухаметжан-мулла держится стойко, на все вопросы отвечает отрицательно: никакой контрреволюционной организации не знаю, и сам ничего против Советской власти не делал.

Тогда, видимо, следователи решили «поработать» с упрямым стариком: стенографист здесь останавливает запись допроса. А через какое-то время запись возобновляется, но уже другими чернилами и другим почерком. Меняется также и содержание ответов: да, знаю, был, состоял, участвовал, во вредительских целях делал то-то и то-то, виноват перед Советской властью во всем... Нетрудно догадаться, что послужило причиной невесть откуда появившейся откровенности обвиняемого. Надо полагать, что этими же методами получили признание и от Мухамметфатых-хазрата и других его «подельников».

А вот бывший муэдзин мечети села Ново-Урайкино Ново-Буянского района Кашаф Ахметсафин ни в чем не признался. Его ответы состоят из одних отказов – так в протоколе допроса и написано. Просто никто, судя по всему, не принуждал соглашаться. Но все равно это не спасло. По всей видимости, в его признаниях уже не было необходимости - для суда и вынесения приговора «признательных показаний» руководителей организации оказалось вполне достаточно.

Середина декабря. «Контрреволюционная исламская организация» полностью разоблачена. Но в это время - по неизвестной причине - число арестованных по уголовному делу № 7880 резко увеличивается. По всей видимости, начальство не удовлетворили масштабы организации и показатели уровня бдительности своих подчиненных.

22 и 23 декабря арестовали Г.Г. Гильманова (родом из Теплого Стана, работал грузчиком), Г. Хабибуллина (уроженец Нурлат-Октябрьского района, рабочий), М. Г. Садретдинова (Старое Ибрайкино Татарской АССР, рабочий), М.Г. Абубакирова (из села Мулловка, фонарщик), С. Шамсутдинова (из села Мордово Озеро Мелекесского района, сторож) и других... За два дня 15 человек. Кроме этого, в этот же список включили двух человек из Старокулаткинского района, которые были арестованы по 58-й статье еще в августе. Это – Ибрагим Бикеров (село Старое Зеленое) и Мухаметжан Абдюшев (Малая Терешка).

Нургата Галлямов (из Старого Ибрайкино, рабочий) был арестован 23 декабря при следующих обстоятельствах. К тому времени татары Куйбышева уже знали: хватают всех, лучше бежать. Нургата-ага тоже решил срочно покинуть город. Но опоздал буквально на несколько минут. Он уже собрался, оделся и вышел на улицу. Тут встретились двое. «А где проживают Аллямовы?» - спросили они у него. «Аллямовых не знаю», - ответил растерявшийся Нургата. «А у тебя как фамилия?» - «Галлямов». «А, очень хорошо, вот ты нам и нужен, пошли», - последовало в ответ. Только на несколько минут вместе зашли в дом, чтобы оформить протокол и взять необходимые вещи.

Это рассказывал сын – Салихжан-ага Галлямов (1912 года

рождения), авторитетнейший член мусульманской общины нашего города, участник Великой Отечественной войны. Он только минувшим летом ушел из жизни, несколько месяцев не дожив до своего столетия.

...А те, кто в конце 37-го года успел скрыться, действительно, спаслись. Как, например, активный член общины, работник потребкооперации Фаттах Сагиров. Он почувствовал надвигающийся арест и уехал в родную деревню – Ново-Урайкино. Прожил там до весны и вернулся в Куйбышев, когда волна арестов прошла. Потом Сагиров НКВД был уже не нужен.

Самым последним взяли 69-летнего муллу деревни Большое Трулево Кузнецкого района Бадретдина Курмакаева - 28 декабря.

Через день, 30-ого, состоялся суд, скорый и несправедливый. Он вынес почти для всех один приговор – расстрел. 41 человек, разделенные на несколько групп, были расстреляны в течение первого полугодия 1938 года. Последними, 20 июля, оборвалась жизнь Ш.З. Залаялетдинова (родом из села Старый Кадый Первомайского, ныне - Черемшанского района Республики Татарстан) и знакомого уже нам Б. Курмакаева.

И лишь одному обвиняемому довелось тогда избежать смертной казни и остаться в живых: Аббас Яфасов после того, как 10 лет отсидел в лагере, был навсегда сослан в Красноярский край. Его в Куйбышеве больше никто не видел.

Как сейчас известно, в 30-е годы приговоренных расстреливали в центре города - в саду (дачах) НКВД и хоронили в общих ямах. Сейчас здесь парк имени Юрия Гагарина. Скорее всего, «исламские контрреволюционеры» лежат здесь же.

Известно выражение: «люди пропадали». Это на самом деле было так: никто из близких, как правило, не знал, в какой тюрьме сидит их родственник, когда будет суд и какой приговор вынесен, и где отбывает наказание. А главное – в чем он виноват. Бывало, на волю доходила какая-то информация: чаще через многие уста, от освободившихся сокамерников или солагерников, иногда удавалось родственникам передать коротенькое письмо.

Это удалось и Муртазину. В записке, которую принес семье один незнакомый мужчина, он просил принести в изолятор в поселке «Стромиловские хутора» сменное белье и немного сахара. Тут же было приложено разрешение на свидание, выданное на

Мулла села Старая Тюгальбуга Вазых Мифтахов (и его жена Галия). Расстрелян 16 апреля 1938 года.

имя Муртазиной Марьям. Она, обрадованная скорой встрече с мужем, поехала в назначенный день по указанному адресу. Но охранники ей в грубой форме сказали, что никакого Муртазина здесь нет, свидания не будет, и, вообще, пусть она лучше уходит отсюда.

Те, кто проявлял особую настойчивость или имел связи, о расстрелянных родственниках получали сведения стандартного содержания: «осужден на 10 лет без права переписки, отправлен в далекий лагерь».

Люди не находили покоя и писали: в управление НКВД, прокуратуру, «всесоюзному старосте Калинин»... И, как последняя надежда, с адресом, короче

которого не может быть на всем белом свете: «Москва, Кремль, товарищу Сталину». В 30-е годы такие письма в Москву текли рекой из разных уголков Союза. Но почти во всех случаях не приносили никакого результата...

В июле 1939 года жительница Куйбышева Мунира Закирова пишет: «Мой муж Закиров Зариф, - читаем в письме, - в юном возрасте ушел в Красную Армию, воевал за Советскую власть, вернулся с фронта инвалидом. Он всю жизнь честно работал, никому не принес вреда. У него нет никакой вины перед советским народом. Пожалуйста, наш великий отец, прикажите, чтобы его дело рассмотрели заново и выпустили из тюрьмы».

Отрывок еще из одного письма. «По ложному доносу моего родственника - председателя ЖАКТа № 77 Давыдова Хусаина

посадили в тюрьму. Товарищ Берия, мы с Вами большевики и должны верить друг другу. Поэтому я прошу Вас распорядиться заново рассмотреть его дело, чтобы убедиться: мой брат не виноват.

С коммунистическим приветом, член ВКП (б) Якуб Давыдов.
10 июня 1940 года».

Ишмухаммет Тимербулатов 5 апреля 1941 года пишет М.И. Калининну следующее: «Мне уже 83 года, моей старухе – 82. Наш сын Назыф по несправедливому обвинению сидит в тюрьме. Несмотря на молодой возраст (ему сейчас только 34 года), он старательно трудился, с большой ответственностью исполнял свою работу». Тут же приводится характеристика сына с места работы. Наверное, Ишмухаммет-бабай надеялся, что она поможет его сыну выйти на свободу.

Они не знали, что обращаются к палачам своих родных – к тому времени тех, за кого они просили и умоляли, никого уже не было в живых: Зариф Зарипов был расстрелян 14 марта, Назыф Тимербулатов — 15 марта, Хусаин Давыдов – 16 апреля 1938 года.

Жизнь двух самарских имамов Мухамметфатыха Муртазина и Хатимуллы Батталова оборвалась в один день - 14 февраля 1938 года.

...Наступили годы безвестности. Никто ничего не знал. Слабый свет в конце туннеля показался во время войны, когда на свободу были отпущены некоторые священнослужители и другие осужденные в 30-е годы. Таких людей было очень мало, но весть об их счастливом возвращении моментально распространялась и вселяла надежду в тех, кто все годы не переставал ждать своих близких.

Даже после смерти Сталина, когда новый руководитель страны Н.С. Хрущев начал массовую реабилитацию жертв террора, правда о расстрелянных все равно скрывалась. Органы государственной безопасности и прокуратуры писали стандартные справки, что «умер в таком-то году от такой-то болезни». В середине 50-х годов (в пик работы по пересмотру внесудебных приговоров «троек») родственников стали приглашать в прокуратуру или военный трибунал ПриВО, чтобы сообщить о невинности их родственников. И реабилитация поэтому оставалась половинчатой.

Ждали всю жизнь. Объединенные общим горем, жены двух

Марьям Муртазина.

расстрелянных самарских имамов Марьям-абыстай (1902 – 1982 гг.) и Халиса-абыстай Батталова (1885 – 1979 гг.) стали еще более близкими людьми, и многие годы поддерживали друг дружку. Научившись у своих мужей, они сами стали знатоками ислама. По свидетельству людей старшего поколения, не было женщины лучше читавшей Коран, чем Марьям-абыстай, ее макам (стиль чтения сур) был необычайно красивым и проникновенным. Меджлисы у них обеих были расписаны на многие месяцы вперед, и это помогало во всех отношениях: поддерживать себя, поднять детей, чувствовать себя нужными людям... Родственница Батталовых Саня-апа еще вспоминает, что

при детях, а при посторонних тем более, женщины никогда не говорили про мужей, потому что это было опасно.

Марьям-абыстай и Халиса-абыстай постоянно чувствовали о себе заботу. После ареста Муртазина его семья мыкалась по разным съемным квартирам, в одно время уезжала даже в Ульяновск.

В конце 1942 года группа известных татар Куйбышева – братья Абдулкадыр, Кашаф и Каюм Тимербулатовы, Абдулкадыр Амиров, еще один уважаемый человек по имени Саит (его фамилию, к сожалению, установить не удалось, известно имя жены - Рахима) и другие, собрав 25 тысяч рублей, купили для Марьям Муртазиной и ее детей часть дома – на Старогражданской улице, рядом с заводом КИНАП. Так семья Мухамметфатых-хазрата избавилась от многолетнего бездомного существования и скитаний, которым, казалось, никогда не будет конца. Безусловно, люди очень рисковали, но помочь семье «врага народа» не побоялись.

На Старогражданской Муртазины прожили до 1978 года - до

сноса частных домов и переезда в благоустроенную квартиру на улице Владимирская. Сейчас единственный из живых детей Мухамметфатыха Муртазина – Адиба-апа (1924 года рождения) проживает с сыном Равилем в том же районе, на улице Коммунистическая. В 2004 году ушел из жизни ее муж, прихожанин Соборной мечети Ризабик-ага, с которым они прожили 50 лет. В свои 87 лет Адиба-апа обладает ясным умом и четкой памятью, во всех деталях рассказывает о событиях татарской жизни прошлых десятилетий, начиная с конца 20-х годов.

Адиба Рахматуллина.

Благодаря ей сохранились бесценные документы и фотографии той эпохи, которые мы тоже использовали в работе.

...Лишь во время перестройки открылась страшная правда о репрессиях, и нашему обществу стали известны свидетельства о преступлениях периода культа личности. Многие татары узнали о трагической судьбе родственников только через пятьдесят с лишним лет - из нашего материала «Муллалар эше», опубликованного в газете «Бердэмлек» в 1993 году. Он был подготовлен на основе архивных документов, предоставленных управлением министерства госбезопасности России по Самарской области. И вызвал множество откликов читателей.

Полный список осужденных по этому делу мы приводим в копии документа – определения Военного трибунала Приволжского военного округа от 1956 года, отменившего приговор Особого совещания при УНКВД Куйбышевской области, вынесенного 30 декабря 1937 года (стр.134).

Примерно в то же время по другим уголовным делам, но также по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация, диверсии и так далее) были расстреляны муллы сел Бакаево Байтуганского района Абдулла Абдрахманов, Новое Ман-

суркино - Закир Миникеев, Татарское Абдикеево - Назип Еремеев, Мочалеевка - Лукман Магдеев, бывший имам села Мулловка Хади Камалетдинов. А также крестьяне Файрукша Тухватшин (Новое Ермаково), Хайрулла Юсупов (Старое Фейзуллово), Хасян Ахметзянов (Старое Ермаково), Ахмадулла Хабибуллин (Камышла), Ахметзян Лукманов и Гасым Еремеев (оба из Татарского Абдикеево).

Постановление тройки при УНКВД Куйбышевской области от 30 декабря 1937 года в отношении :

1. МУРТАЗИНА Мухамеда Фатых,
2. ГУБЕЙДИЛЛИНА Гатаулла Гейбадуллоевича,
3. КУРМАКАЕВА Мухамеджана Абдуллоевича,
4. ЗАЛЛУТДИНОВА Шайхутдина Заллутдиновича,
5. ШАБАЕВА Хайрутдина Факретдиновича,
6. ГИЛЬМАНОВА Мустафы Гильмановича,
7. МИФТАХОВА Ватыха Салаховича,
8. ХАСЯНОВА Исмаила Усмановича,
9. ГАФАРОВА Шаги-Языны,
10. ТИМЕРБУЛАТОВА Назифа Ишмухамедовича,
11. КАЛИУЛЛИНА Сафиуллы Валеевича,
12. БАТТАЛОВА Хатимуллы Факретдиновича,
13. МУСТАФИНА Якуба Гильмановича,
14. ШАЙХУТДИНОВА Ибрагима Шайхутдиновича,
15. ХАБИБУЛЛИНА Мустафы Мухаметжановича,
16. КУТУЕВА Якуба Джабаровича,
17. ЯСАСОВА Аббаса Сабировича,
18. ЯСАНОВА Мухамеджана Ахмеджановича,
19. БИКЕРОВА Ибрагима Насретдиновича,
20. ХАБИБУЛЛИНА Наджиба,
21. КУТУЕВА Хусейна Салиховича,
22. ХАЛИЦОВА Сагадатулла Мифтахутдиновича,
23. ДАВЫДОВА Хусейна Ганиевича,
24. ШАМГУНОВА Сытдык,
25. АХМЕТСАФИНА Кашафа,
26. АБУВЕКИРОВА Минганей Губеядуллоевича,
27. ХАБИБУЛЛИНА Губейдуллин,
28. САДРЕТДИНОВА Миннигата Галияновича,
29. МУРТАЗИНА Исмаила Муратовича,
30. БАТЫРОВА Абдрахмана Галиуллиновича,
31. ЗАКИРОВА Зарифа,
32. ХАМДЕЕВА Яруллы Гайнуллоевича,
33. АКСЕНОВА Абдурахмана Усмановича,
34. ГИСМАТУЛЛИНА Салаватуллин,
35. МУСИНА Ахмета Сафы,
36. ГИЛЬМАНОВА Гирфана Гильмановича,
37. ГАЛЯНОВА Нур-Аты Садретдиновича,
38. ШАМСУТДИНОВА Сайфетдина,
39. АБДУШЕВА Мухамеджана Ахметжановича,
40. САБИТОВА Салаха Хасяновича,
41. КУТУЕВА Нур-Мухамеда,
42. КУРМАКАЕВА Бадретдина Гафуровича,

отменить и дело о них в дальнейшем производстве прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Право имеем

Великая Отечественная война внесла серьезные изменения в отношения между государством и религиозными объединениями. В августе 1941 года Центральное Духовное управление мусульман СССР на чрезвычайном съезде приняло обращение к мусульманам страны с призывом вместе со всем народом встать на защиту Родины, сделать все для разгрома ненавистного врага, принимать активное участие в сборе средств для Красной Армии, сколько это будет необходимо. Обращение муфтия Габдрахмана Расулева было опубликовано в газете «Труд» и зачитывалось в действующих мечетях, селах и деревнях с мусульманским населением, митингах и собраниях, проходивших в городах.

Миллионы мужчин и женщин - представителей мусульманских народов нашей страны с оружием ушли на фронт. Азан, звучавший при их проходах, был олицетворением благого и богоугодного дела уходящих на фронт, поскольку защита Родины – священный долг мусульманина. А их отцы и матери, жены и дети самоотверженным трудом в колхозном поле и у заводского станка приближали Победу.

Здание бывшей Соборной мечети на Оренбургской улице, переименованной в 1937 году в улицу Чкалова, стало в июле 1941 года одним из призывных пунктов Пролетарского района города Куйбышева. Отсюда призывники строем шли до железнодорожного вокзала, оттуда на поездах отправлялись в Сызранский сборный пункт ПриВО и далее - на место службы, чаще всего – на фронт. Здесь же, в бывшей мечети, потом на некоторое время разместился детский дом для эвакуированных детей.

Страна превратилась в единый военный лагерь. Куйбышев стал важным центром оборонной промышленности и второй столицей СССР. На военные предприятия были мобилизованы десятки тысяч горожан и сельчан. Среди них много молодежи, в том числе, татар и башкир.

Миллионы верующих, несмотря на прежние преследования Советской власти и обиды прошлых лет, вместе со всем советским народом с оружием в руках встали на защиту Родины и погибли

на фронтах Великой Отечественной. Те, кто выжил и вернулся с победой, кровью и потом заработал право жить по совести.

А во время самой войны Советское государство пошло на резкое послабление своих позиций по отношению к религиозным верованиям и верующим. Тем более, война и связанные с ней лишения и потери близких заметно оживили религиозные чувства советских граждан. 8 декабря 1943 года впервые за многие годы во всех селах и городах мусульмане спокойно, без видимого вмешательства властей и «органов», отметили Курбан-байрам. Сохранились донесения районных отделов НКВД о количестве «празднующих» и о том, что празднования прошли без происшествий, и что «на молениях муллы и старики призывали верующих работать еще больше для фронта и выражали уверенность в победе Красной Армии». Некоторые муллы во время войны были освобождены из лагерей, в нескольких селах Куйбышевской области (Теплом Стане, Новом Мансуркино) вновь открылись мечети.

Таким образом, война вынудила власти резко изменить религиозную политику. Следствием этого стало создание структуры по взаимодействию с религиозными организациями - 19 мая 1944 года на основании Постановления СНК СССР повсеместно начали создаваться областные и республиканские структуры Уполномоченного Совнаркома по делам религиозных культов. При Куйбышевском облисполкоме уполномоченный начал работать 19 октября 1944 года. В его обязанности входил контроль за соблюдением законодательства в сфере религиозных культов.

После войны сложились новые отношения между властями и верующими. Государство уже не могло так твердо проводить свою антирелигиозную политику, изменения в этой сфере начались на заключительном этапе войны. А после ее окончания Советское правительство пошло на смягчение налогового бремени со священнослужителей. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 года отныне служителей религиозных культов по доходам от совершения религиозных обрядов, прихода или непосредственно верующих полагалось облагать подоходным и сельскохозяйственным налогом на общих основаниях с другими гражданами. Эта же статья распространялась на лиц, работающих

в религиозных организациях по трудовым договорам. После жесточайшего налогового прессинга довоенной эпохи религиозные организации в таких условиях стали чувствовать себя несколько свободнее.

Наша работа не ставит целью рассмотрение вопроса о государственно-исламских отношениях послевоенного периода в целом. Но мы решили коснуться этой темы и делаем это для иллюстрации общего положения в мусульманском сообществе области, ограничиваясь для этого выдержками из некоторых документов послевоенного времени (фамилии и имена, приведенные ниже, цитируются также по оригиналу).

Итак, по отчету Уполномоченного Совнаркома по делам религиозных культов по Куйбышевской области от 1 апреля 1945 года В.Работалова видно, что на 1 января того года в Куйбышевской области было зарегистрировано «17 мусульманских действующих молитвенных зданий. В том числе: Алькино - 3, Нугайка, Денискино, Карабикулово (не закрывались в советское время), Старое Усманово (год открытия - 1883), Ново-Усманово (1888 г., имам - Мингазов Дариф), Татарский Байтуган (1895 г., Сагдиев Фатых), Бакаево (1895 г., Галимов Ады), Благодаровка (с 1892 г., Сабиров Валиахмет), Старое Ермаково (1894 год), Камышла (1902 г., мулла - Минетдин Шарипов), Мазгут (1925 г.), Давлеткулово (1923 г., имам - Ахметзянов Давзян), Бузбаш (1929 г., Садрашитов Котдус), Новое Мансуркино (январь 1944 года, постоянного

Мечеть села Камышла.

служителя культа нет, обслуживаются по очереди верующими).

Кроме того, в ряде районов имеются большие группы мусульман, желающие объединиться в религиозные объединения (Ставропольский, Челно-Вершинский, Елховский, Ново-Буянский, Пховистневский, Камышлинский, Подбельский). Обо всех этих группах верующих мною поставлены в известность соответствующие райисполкомы и райкомы ВКП (б), которые до сих пор не знали об их существовании».

Далее в отчете приводится «особенно характерный факт активизации религиозников-мусульман, который был вскрыт органами НКВД в Большечерниговском районе.

В январе сего года одна из девушек-башкирок отказалась от вступления в брак с молодым колхозником колхоза «Кзыл Юлдуз», комсомольцем Акировым Гали в связи с тем, что у него не произведено т.н. обрезание.

Для того, чтобы выполнить этот религиозный обряд, председатель указанного колхоза, член ВКП (б) т. Шагаев специально командировал колхозника в Тепловский район Чкаловской области за специалистом по обрезанию. Оттуда прибыл 78-летний старик – Шонов Куман (*фамилия и имя, по всей видимости, сильно искажены, такое нередко встречается в документах, составленных людьми, не знающими языка - прим. авт.*), который и начал выполнять детям колхозников названный религиозный обряд.

В колхозе «Кзыл Юлдуз» Шонов произвел обрезание 28 мальчикам, в том числе, комсомольцу Акирову, а также 2 сыновьям председателя колхоза, после чего он перенес свою деятельность в другие башкирские села Большечерниговского, а затем Алексеевского районов.

Для разъезда по району Шагаев предоставил в распоряжение Шонова колхозную лошадь и колхозника-возчика.

В селах Хасьяново, Кинзягулово, Кочкиновка, Имелеевка, Денгизбаево, Утекаево Большечерниговского и Ташкустьяново Алексеевского района Шонов произвел обрезание 255 мальчикам и за это собрал у колхозников 210 килограммов пшеницы, 2240 рублей денег, мануфактуру, кожсырье. В марте Шонов органами НКВД задержан, ведется расследование.

Эти факты ярко свидетельствуют о совершенно недостаточной массово-политической и антирелигиозной работе среди колхозников со стороны местных партийных и комсомольских организаций, а также советских органов».

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны и мусульмане Куйбышева стали ходатайствовать о возврате отобранных в 30-е годы мечетей. Впервые об этом упоминается в отчете Уполномоченного по делам религиозных культов за II квартал 1945 года: «Поступило заявление мусульман об открытии молитвенного здания в бывшей мечети на Чкалова, занятого в настоящее время под детский сад. По ориентировочным данным, в Куйбышеве имеется более 2000 активно верующих. Исполкомом горсовета заявление принято к рассмотрению.

Принято также заявление от верующих мусульман села Зайткино Челно-Вершинского района об открытии там мечети».

...Салихжан-ага Галлямов рассказывал, что в одно время, после войны, группа аксакалов по пятницам стала собираться на улице Обороны, напротив здания мечети, в которую ходили до 1932 года. Читали молитвы за упокой душ погибших имамов и просили у Всевышнего помощи в возвращении мечети. Верующих начали прогонять – сначала администрация детского сада, а потом вызванный сюда участковый милиционер, пригрозивший арестом на 15 суток за нарушение общественного порядка и хулиганство...

С каждым кварталом активность мусульман усиливалась, но власти, как правило, отказывали ходатаям. Как сказано в отчете Уполномоченного за III квартал, «ходатайство мусульман от 6 июля отклонено решением Куйбышевского горисполкома, так как здание занято под детский сад, ходатайство мусульман села Мочалеевки Подбельского района об открытии 2 мечетей отклонено облисполкомом, так как здания бывших мечетей заняты под школу и колхозный клуб».

Но надежды на успех некоторых заявлений у верующих есть: ходатайство мусульман села Татарские Выселки Ставропольского района от 9 июля 1945 года послано в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР на предмет удовлетворения.

«За последнее время, - продолжает Ф. Работалов, - мною установлены факты, когда муфтий ЦДУМ Г. Расулев выдает сви-

детельства служителям культа недействующих мечетей. Так, 23 апреля 1945 года выдано свидетельство Сафиуллину об утверждении его в должности мутавалли прихода №2 села Камышлы. Также выдано свидетельство гражданину Батталову об утверждении его в должности муллы села Татарские Выселки, тогда как только возбуждено ходатайство о ее открытии. Это вносит некоторое недовольство в ряды верующих, которые заявляют, что, мол, вот наш муфтий разрешил нам молиться, а правительство почему-то не разрешает».

По состоянию на 1 октября того же года в селах Куйбышевской области в мечетях и молитвенных домах насчитывалось 14 имамов.

В сведениях на 1 января 1946 года приводятся данные по недействующим культовым сооружениям. Их всего числится - 46, 24 из них заняты под культурно-просветительские учреждения, 18 - под склады и производственные организации, 4 пустуют.

После войны, в русле общего потепления государственно-религиозных отношений, встал вопрос о возобновлении паломничества в Мекку. В июне 1945 года муфтии четырех Духовных управлений мусульман, действовавших на территории СССР, обратились с соответствующими письмами к И. В. Сталину. И осенью первая небольшая группа во главе с муфтием ЦДУМ Габдрахманом Расулевым побывала в Мекке.

Весть мгновенно распространилась по всем уголкам Советского Союза, и многие верующие захотели воспользоваться такой возможностью. Среди изъявивших желание совершить хадж в 1946 году были духовные деятели Волго-Уральского региона – Киям Кадыров (Казань), Мухаммет Тугузбаев (Уфа), Зиятдин Рахманкулов (Чкаловск), Исмагиль Рахматуллин (Троицк). Все кандидаты прошли доскональную проверку по линии министерства госбезопасности СССР.

Однако в следующем году поездка в хадж была отменена. Причем, в 1946 году, когда паломники уже готовились к запланированному отъезду, заместитель председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР В. Садовский 3 октября разослал областным и республиканским уполномоченным Совета письма об отмене поездки «ввиду возникших

непредвиденных путевых затруднений... вследствие послевоенных обстоятельств». Затруднения были, по мнению союзных властей, по всем видам транспорта: автомобильному, железнодорожному, морской был объявлен ненадежным, воздушное сообщение тоже, «ввиду особо тяжелой метеорологической обстановки в 1946 году».

Можно только догадываться, каким образом московские чиновники узнали о перспективах метеорологической обстановки на много месяцев вперед, причем, на огромном пространстве Европейской части Советского Союза и Ближнего Востока. Но отказ был мотивирован именно так.

Однако долго препятствовать воле мусульман Советское правительство, видимо, не сочло возможным. И в 1947 году все погодные и дорожные затруднения каким-то образом, причем, сразу, были преодолены. В Саудовскую Аравию предстояло отправиться во второй половине октября. По территории, подведомственной ЦДУМ РСФСР, из многих десятков желающих было отобрано 9 человек. По Пензенскому мухтасибату (в который входили Пензенская, Ульяновская и Куйбышевская области) в группу вошел мухтасиб Юсупов Ярулла Сулейманович, 1880 года рождения.

Сначала паломники вылетели самолетом из Москвы до Тегерана (билет стоил 3000 рублей), оттуда железнодорожным, водным и автомобильным транспортом добрались до Мекки и совершили обряд хаджа.

Интересная деталь: среди паломников 1947 года от ДУМ Средней Азии и Казахстана был бывший мулла села Ново-Урайкино Ново-Буянского района Шакир Ибрагимов, покинувший родные края в 1929 году. Его имя, между прочим, фигурировало в уголовном деле о контрреволюционной националистической организации 1937 года. Но благодаря своевременному отъезду в Среднюю Азию Ш. Ибрагимов не только остался жив, но и, как видим, прожил оставшуюся часть жизни как обычный гражданин, совершил хадж и умер естественной смертью в 1957 году в почтенном возрасте 84 лет.

В том же 1947 году возникла переписка между союзным Советом по делам религиозных культов и Уполномоченными по делам

религий двух соседних Куйбышевской и Ульяновской областей. Дело в том, что власти выявили три крупных случая проведения Ураза-байрама незарегистрированными организациями ульяновских мусульман – в Мелекессе, Старой Кулатке и Лабитово Ново-Малыклинского района. Причем, разрешение на сбор верующих и прочтение Гаёт-намаза выдал муфтий Г. Расулев. Моления при огромном стечении верующих провели соответственно Абдурманов Курбан (прибывший в Мелекесс из села Филлиповка), Насыров Искандер и Хамидулла Фиязиадуллов, выбранные для этого своими земляками. Совместное разбирательство было обусловлено тем, что еще недавно (до января 1943 года) эти районы входили в состав Куйбышевской области, а непосредственно в организации праздничного намаза участвовали жители Куйбышева. Расулеву было указано на недопустимость подобных нарушений закона.

Самым заметным событием следующего, 1948 года, стал съезд ЦДУМ, который работал в Уфе 25 - 28 октября. В его работе участвовало 45 делегатов. На съезде, помимо всего прочего, было принято решение о переименовании управления в ДУМЕС (Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири). В таком виде оно просуществовало до начала 90-х годов.

1947 год отмечен продолжением роста активности мусульман. Из разных районов в облисполком от групп граждан идут заявления об открытии мечетей. Причем, многие из них после первых отказов подаются повторно. В некоторых татарских селах, пишет в квартальных отчетах Уполномоченный по делам религий по Куйбышевской области, хотят открыть мечети, в райцентре Камышла – все три.

Тем временем, в документах признается, что в татарских и башкирских селах идет активная подписка на заем «Восстановление и развитие народного хозяйства» и сбор средств сиротам Великой Отечественной войны. «Следует отметить особую активность мусульман гор. Куйбышева, - продолжает Ф. Работалов, - которые дважды подавали ходатайства об открытии мечети, но так как обе имеющиеся мечети заняты под детскими садами, ходатайства были отклонены. Несмотря на это, верующие, чаще небольшими

группками, продолжают собираться для молитв по частным квартирам, а осенью в праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам собирались за городом на мусульманском кладбище. Причем, на эти собрания являлось по 250-300 человек. Здесь же устраивались сборы на нужды Духовного управления мусульман и самого мусульманского общества (так они именуют себя). Кроме того, на молении было собрано 2000 рублей на детей-сирот Отечественной войны, причем, люди очень активно отозвались на призыв собрать деньги для сирот».

В 1948 году особое внимание властей привлекла необычайная активность мусульман Куйбышева.

Продолжаем чтение отчетов Уполномоченного по делам религий: «Старики-мусульмане собираются по пятницам по 30-40 человек в доме по Глухому переулку, причем, иногда они высказывают резкое возмущение по поводу затяжки рассмотрения ходатайства об открытии молитвенного здания, которое ими было повторно подано в январе 1947 года и мною направлено в Совет по делам религиозных культов 7 апреля 1947 года. Мною руководителям этих групп неоднократно предлагалось прекратить собрания до оформления их религиозных обществ, а также этот вопрос поставлен мною перед обкомом и горкомом ВКП (б), облисполкомом, но пока реальных результатов нет...

...Незарегистрированные организации действуют в селе Мочалеевка Подбельского района. На намазы под открытым небом в переулках собиралось по 600 человек, в том числе, сельская молодежь и женщины. Их проводят местные муллы Губайдулла Мамышев и Шакир Субеев, не утвержденные ЦДУМ. Присутствовали и коммунисты, что стало предметом разбирательства на РК ВКП (б). 7 октября 1948 года первичная парторганизация села исключила из партии кандидата в члены партии Мурхабинова за регулярное посещение молитвенных собраний и соблюдение религиозных обрядов.

После обоих праздников, как правило, колхозники участвовали в полевых работах. В Алькино Похвистневского района все муллы трех мечетей призвали верующих, после как покушают, пойти работать в поле. Полевые работы не были сорваны и в других селах, где прошли моления верующих: Нугайка, Теплый Стан, Татарские Выселки, Камышла и других селах Камышлинского района.

В гор. Куйбышеве также мусульмане собирались примерно по 500 человек во дворе дома по Глухому переулку, где решено открыть мечеть. Здесь были преимущественно мужчины старших возрастов.

В селе Алькино, где исправно работают три мечети, в клубе в течение IV квартала не проведено ни одной лекции на естественно-научные и антирелигиозные темы. И на мой вопрос председателю сельского совета – члену ВКП (б) т. Мингазову: почему они не ведут никакой работы среди населения по снижению влияния верующих, то т. Мингазов откровенно заявил, что «они сильнее нас, и сейчас нам трудно вести с ними борьбу». Этими словами он, по сути, выразил и настроения и некоторых других руководителей, где также не ведется никакой борьбы с влиянием религиозных групп на население».

В приведенных документах следует обратить внимание на место, где говорится о Глухом переулке в Куйбышеве и попытках открытия там мечети. Дело вот в чем.

Этот переулочек находился рядом со зданием бывшей Соборной мечети, на спуске к реке Волга, недалеко от деревообрабатывающего комбината (ДОКа) и конного двора (они прекратили существование в первой половине 60-х годов в связи со строительством набережной и сплошной застройки Волжского проспекта). Группа мусульман, видя бесполезность попыток возвращения мечети на Чкаловском спуске, в одном из сараев неподалеку оборудовала молельный дом – без всяких разрешительных и регистрационных документов. И собирались там не один раз. Но «мечеть» действовала недолго – потом мы увидим, что с ней стало.

Тогда же было проведено обследование сел, где проживают исключительно татары, на предмет их религиозности. Выяснилось, что в них удельный вес верующих среди населения довольно значителен: в Новом Усманово – 18,2, Старом Усманово – 21, Давлеткулово – 61,7, Благодаровке – 36,1, Алькино – 18 и так далее.

Отмечается, что здесь в целях большего охвата населения духовенство прибегает к духовным беседам не только в мечети, но и на дому, главным образом, с женщинами.

Поэтому в постановлении Совета по делам религиозных культов при СМ СССР 2 августа 1948 года по ситуации в Куйбышевской области ставилась задача «осуществлять мероприятия по снижению религиозности населения путем запрещения разъездов незарегистрированных служителей культа и сбора верующих на частных квартирах». Говоря другими словами, запретить проведение меджлисов вообще, а массовые «незаконные моления» тем более.

В первом квартале 1949 года количество зарегистрированных мусульманских обществ выросло до 20, все они были по-прежнему в сельской местности. В Куйбышеве власти под разными предлогами отказывали мусульманам в ведении легальной деятельности.

Из заметных событий мусульманской жизни того года можно отметить такой.

«В марте в Алькино и Нугайку приезжал из Чкалова мухтасиб Рахманкулов, - пишет Ф. Работалов. - На совещании исполнительных органов и ревизионных комиссий четырех мечетей Рахманкулов рассказал о прошедшем в октябре минувшего года съезде ЦДУМ и ознакомил с новым уставом, принятом там. Там же, по его словам, был поднят вопрос о необходимости постоянного проведения в районе обряда обрезания. В связи с чем передо мной был поставлен вопрос о необходимости регистрации «резака», на что я ответил ему отрицательно.

В связи с задержанием по предложению Совета (*союзного – прим. авт.*) регистрации религиозного общества мусульман Куйбышева, которое подлежит регистрации на основании постановления Совета по делам религиозных культов, со стороны мусульман высказывается много недовольства затяжкой этого вопроса. Они справедливо настаивают на окончательном решении его в ту или другую сторону, так как задержка вызывает нерациональную трату средств на оплату аренды помещения и необходимостью отправления религиозных культов».

31 октября Уполномоченный по Куйбышевской области пишет в отчете в Москву, что «в деревне Алькино необходимость одно-временного существования 3 мечетей не установлена, в Камышлинском районе, где действуют 9 мечетей, необходимо, детально

изучив вопрос, произвести некоторое сжатие (*терминология документа – прим. авт.*)».

Такая ситуация с зарегистрированными и незаконными мусульманскими общинами была характерна в течение нескольких лет: верующие в городах и селах собирались на намазы, Уполномоченные фиксировали нарушения закона, но какие-либо меры к нарушителям не применялись.

А после смерти Сталина впервые за многие годы в документах обращается внимание на незаконные действия местных руководителей, которые в отношениях с верующими нередко перегибали палку.

В 1953 году месяц Рамазан продолжался с 4 мая по 2 июня. Отмечая живучесть старых традиций в татарских селах, новый Уполномоченный по делам религиозных культов по Куйбышевской области П. Алексин отмечает:

«С этим фанатизмом нет настоящей борьбы, отдельные случаи, когда сельские и районные руководители административным путем пытаются вести борьбу с религиозными предрассудками, тем самым нарушают советское законодательство, вызывают тем самым недовольство верующих и кроме вреда ничего не приносят.

Чиновник здесь сообщает о «нетактичном поведении во время месяца Курбан-байрам 19 августа председателя Алькинского сельсовета т. Латыпова – запретил азан, прекратил ремонт мечети во 2-м приходе... Вызвал всех трех служителей культа и предложил им созвать верующих, чтобы заставить их выйти на работу по уборке урожая. Этот произвол проходил в присутствии председателя райисполкома т. Темникова. На этом дело не закончилось, т. Латыпов предупредил служителей культа, если вы не заставите своих верующих выйти на работу по уборке, он, Латыпов, вынужден будет заставить их самих идти на работу. Между тем, мулла Шангареев в этот день работал на скирдовании соломы, тогда как председатель колхоза Галиханов праздновал Курбан...

...В Алькино и Старом Ермаково мечети отремонтированы, покрашены, а клубы в полуразрушенном состоянии, к 20 августа мечети были обеспечены топливом на зимний период, тогда как

для нашей советской молодежи в этих селах совершенно не созданы условия для культурного отдыха.

...В селе Ново-Мансуркино закрыли молитвенный дом и засыпали туда колхозный хлеб. И только после вмешательства председателя облисполкома здание мечети было освобождено».

А в городе Куйбышеве в 1953 году произошло событие, что крайне возмутило Уполномоченного по делам религий: на мусульманском кладбище была незаконно построена мечеть. Это, считает он, результат попустительства председателя Пролетарского райисполкома Шахова, начальника управления благоустройства Черкесова и главного архитектора города Куйбышева Гурьянова.

Властей беспокоило положение и в других татарских населенных пунктах.

«В селе Теплый Стан имеется лекторская группа в составе 13 человек, а лекции на антирелигиозные темы не проводятся, так как заведующей лекторской группой назначена учительница Халиуллина – родная дочь председателя совета мечети, которая проживает в одной квартире с отцом», - пишет Уполномоченный по итогам поездки по селам Елховского района.

Многие документы тех лет по стилистике и содержанию похожи на сводки о чрезвычайных ситуациях. 1954 год...

«Начальнику Политуправления Приволжского Военного округа т. Егорову

23 мая 1955 года автомашина ГАЗ-51 № У-9-27-63 в 7 часов утра доставила на татар-

Мечеть «Янавыл» села Теплый Стан (1904 - 2004). Ее имамом был Ахметгерей Гильманов.

ское кладбище на молитвенное собрание по поводу религиозного праздника «Ураза-байрам» служителя религиозного культа муллы Галеева Габбаса, организатора молитвенного собрания Якупова Юсупа и других верующих в общем количестве 7 – 10 человек. Где и находилась в распоряжении организатора молитвенного собрания. В 8 часов 20 минут после окончания молитвенного собрания муллы Галеев Габбас, Якупов Юсуп и другие в количестве 10 - 12 человек, снова сели в ту же машину и уехали в центр города, на улицу Куйбышева, №13, на квартиру Якупова, где проходило гостевание в честь религиозного праздника «Ураза-байрам».

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Куйбышевском облисполкоме П. Алексин».

В другом документе за его подписью выясняется, кто был в той злополучной машине (*принадлежавшей автохозяйству ПриВО, отсюда и получилась докладная в штаб округа – прим. авт.*), кроме указанных выше. «Это - Серазетдинов Габбас, Галиуллин Хусаин - один из организаторов незаконных молений, Якупов Накеддин и другие. К 5 часам утра на кладбище для моления собралось 120, к 6 часам – 345, к 6 час. 30 мин. - до 500, к 7 часам – до 800, к 7 час. 20 мин. собралось 1000 человек. Сбор пожертвований – 8-10 человек собирали, собрано около 2000 руб.

Потом гостевания с участием «важных персон» проходили на улице Куйбышева, 13 - 3, ул. Садовой, 10, в поселке Кряж, Бурейский переулок, 10, и на Безымянке – в квартирах Абзапарова, Каримова, Салихова и других».

Верующих никогда не устраивало совершение намазов под открытым небом, и они постоянно пытались перейти на «легальное положение». «Группа верующих Якупова Юсупа особенно нахально добивается открытия молельного дома в поселке Кряж по Бурейскому переулку, 10, который принадлежит Галиуллину Х., с которым верующие пытались даже заключить арендный договор. Но здание было забраковано санитарной комиссией. Другая группа добивается открытия молитвенного дома в Пролетарском районе, третья - в сторожке мечети по Чкаловскому спуску. По данному вопросу 23 мая из Духовного управления мусульман ко мне был

командирован казый Юсупов Ярулла Сулейманович, который просил открыть хотя бы одну из двух бывших мечетей Куйбышева. Ему мною разъяснено, что указанные здания не соответствуют требованиям пожарной безопасности и санитарного надзора». Сюда можно только добавить вопрос: как же власти Куйбышева допускали нахождение в этих «несоответствующих» зданиях сотен детей, и такие нарушения продолжались столько лет?!

В 1955 году куйбышевские татары по вопросу возврата мечетей были на приеме у Алексина несколько раз. В своем очередном отчете в обком КПСС Уполномоченный пишет: «Мною неоднократно разъяснялось верующему Якупову Юсупу и другим, что бывшее здание мечети по Чкаловскому спуску, 11, передано под школу №111 Ленинского района и переоборудовано. Здесь ежегодно учатся 300 - 325 человек, в том числе, 30 -35 учеников татарского населения.

13 июня 1955 года Якупов явился ко мне вместе с членом ДУМ, казы Юсуповым Яруллой, и мною в десятый раз им была разъяснена невозможность возвращения мечети, а также то, что

Меджлис с участием Кашаф-хазрата Шарафутдинова.

во втором здании по Чкаловскому спуску, 13 (бывшая сторожка), размещено 6 семей в числе 22 человек, для переселения которых необходима площадь 250 – 300 кв. метров. А у горисполкома свободной жилплощади нет».

Тогда же была решена участь молельного дома на берегу Волги. «По вопросу о самовольно построенной мечети по Глухому переулку – весь Татарский поселок застроен самовольно, - пишет Алексин. - Это здание построено тоже без соблюдения противопожарных норм, в 10 метрах от жилого дома муллы Исмагила Хамзина. Снесено по решению суда первого участка Ленинского района, снесено также самовольно построенное здание мечети на татарском кладбище».

Мусульманам ничего не оставалось, как продолжать нарушать закон. Собирались в частных домах, на кладбище, на квартирах, большими и малыми группами. В апреле 1959 года сторож Куйбышевского областного института усовершенствования учителей (здание на углу улиц Самарской и Ульяновской сохранилось) Хайрулла Гильманов умудрился провести в актовом зале Уразабайрам, и это стало предметом разбирательства на пленуме Самарского райкома КПСС. Руководство ИУУ получило за это серьезные взыскания.

По сигналам бдительных граждан милиция устраивала облавы на молящихся мусульман. Один из таких случаев произошел в пятницу, 28 сентября 1955 года, в сарае дома №26 по улице Полевой (он находился предположительно в районе нынешнего Дворца бракосочетаний «Теремок»). Когда сюда нагрянула оперативная группа милиции, «при запертых дверях в сарае оказалось 32 человека, – читаем в отчете областного Уполномоченного в Москву. - Участников сборища отвезли в 3 отделение милиции, где им было разъяснено – для получения разрешения на молитвенные собрания надо зарегистрировать общество в облизполкоме». Так написано в отчете.

Но на самом деле было не так культурно и чинно – нам довелось услышать воспоминания участников того памятного намаза, среди них покойный уже инвалид Великой Отечественной войны Нурлыгата-ага Асадуллин. В отделении милиции «нарушителей» продержали до ночи и только потом, когда уже перестал работать

Ураза-байрам в мечети на Малом Тупике.

городской транспорт, отпустили по домам. А насчет предложений о регистрации общины... Мы знаем, что это сплошное лукавство: власти много лет и всяческими способами препятствовали этому.

К середине 60-х годов разговоры о возврате Соборной мечети отпали сами собой – ее здание было снесено. О возвращении другой мечети - на улице Обороны в горисполкоме даже слышать не хотели.

И тогда куйбышевские мусульмане, окончательно убедившись в глухоте властей и бесполезности таких мер, пошли другим путем. Пройдя снова многие бюрократические преграды, они в 1967 году (примечательный момент: в год празднования 50-летия Великого Октября) добились разрешения приобрести молельный дом на Малом Тупике. Первым имамом мечети стал Ибрагим-хазрат Ганеев. Потом некоторое время мусульманской общиной Куйбышева руководили Кашаф Шарафутдинов, Саид-Акрам Мустаев, а с сентября 1983 года ее возглавляет Вагиз-хазрат Яруллин.

До самой перестройки небольшая мечеть на Малом Тупике - тихом, утопающем в зелени переулке на окраине Куйбышева — выполняла исключительно большую роль и служила центром мусульманской жизни города и всей области.

Второе рождение

В конце 80-х годов в Куйбышевской области, как и по всей стране, начало возрождаться татарское национальное движение. 21 января 1989 года в Доме молодежи состоялось первое собрание общественности, на котором было принято решение о создании татарского культурного центра «Туган тел» («Родной язык»). Его инициаторы и мусульманская религиозная организация сразу начали работать в тесном сотрудничестве.

Одним из направлений их совместной работы стало возрождение, пропаганда мусульманских традиций и возвращение исламского наследия.

В сентябре 1989 года в Куйбышеве в рамках празднования 1100-летия принятия ислама на Волге с большим успехом прошла межрегиональная научно-практическая конференция «История и культура Волжско-Камской Булгарии: роль и задачи исторической науки в укреплении дружбы народов», которая способствовала повышению интереса к истории татарского народа и пробуждению его национального самосознания. Председателем оргкомитета конференции был М.С. Ямалетдинов, все финансовые расходы взял на себя Р.Х. Ягудин.

По инициативе председателя культурного центра «Туган тел» Р.Ф. Абдуллова перед партийными и советскими органами был поднят вопрос о возврате дореволюционных мечетей мусульманам города. По просьбе татарской общественности областной архив подготовил историческую справку об основных фактах мусульманской истории старой Самары, которая стала основой последующих обращений к руководству города и области.

После 1991 года в постсоветской России отношение государства к религиозным конфессиям изменилось кардинальным образом. 24 апреля 1993 года вышло распоряжение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О передаче религиозным организациям культовых зданий и другого имущества». Через полгода, 8 октября 1993 года, председатель мухтасибатского правления Самарской области (предшественник регионального Духовного управления, которое было создано в ноябре 1994

года) Вагиз-хазрат Яруллин обратился к главе администрации города Самары О.Н. Сысуеву с просьбой вернуть культовые здания, принадлежавшие до 30-х годов мусульманской общине Самары.

Из четырех перечисленных в письме зданий двух уже не существовало – молельный дом на улице Фрунзе и мечеть на Оренбургском спуске. Это обращение стало началом работы по возвращению комплекса мечети (в составе двух основных зданий) на улице Алексея Толстого. В 1995 – 1996 гг. первые практические шаги в этом направлении сделал инициатор создания Попечительского совета по строительству Соборной мечети и газеты «Азан» Зульфат Салахов. Его переговоры с администрацией города привели к принципиальной договоренности о начале процедуры возврата.

Однако вскоре внимание татарской и мусульманской общности полностью переключилось на строительство мечети на улице Стара-Загора. И все остальные вопросы, в том числе, и возврат культовых сооружений, отобранных в советские годы, временно отошли на второй план.

После первого рабочего совещания в Исторической мечети. Слева направо: Тагир Мамышев, Фарит Аюпов, Джамиль Валиуллин, Минахмет Сагиров, первый заместитель главы Самарского района Игорь Милов, Гусман Садретдинов и Исмагиль Феткуллов. 16 февраля 2005 года.

Но администрация города, возглавляемая Олегом Сысуевым, а потом Георгием Лиманским, выполняя распоряжение президента России, включила механизм подготовительной работы по освобождению здания мечети на улице Алексея Толстого (в 1983 году, в год столетия великого русского писателя, улица Обороны была переименована в его честь). Через несколько лет детский сад №55 был переселен в другое здание, и в течение некоторого времени здесь размещался временный жилой фонд для переселенцев и погорельцев. В ноябре 2003 года вышло распоряжение главы Самары Г.С. Лиманского о передаче комплекса мечети на улице А. Толстого региональному Духовному управлению мусульман Самарской области. Тем самым юридическая процедура возвращения объекта законному владельцу стала фактом.

11 ноября 2005 года состоялось учредительное собрание по созданию прихода №5. Первым председателем его совета стал Исмагиль Феткуллов, имамом – Ирек-хазрат Сайфуллин, муэдзином – Аняс Сарваров. Руководство Духовного управления после консультаций с различными представителями общественности решило дать возвращенной мечети название «Историческая», и это оправдано со всех точек зрения.

Ее возвращение мусульманам поставило перед общиной двуединую задачу. Наряду с возобновлением религиозной жизни в старой части города предстояло вернуть зданию облик мечети.

В первых намазах участвовало по 2-3 человека, потом количество молящихся постепенно стало увеличиваться.

Одновременно в течение двух лет шла напряженная подготовка к полномасштабной реконструкции мечети и ее пристроек. Рассматривались различные планы и варианты проведения работ. Министерство культуры Самарской области приняло своевременные меры для того, чтобы территория комплекса не подпала под массивную застройку. Такая опасность была вполне реальной, поскольку крупнейшие строительные фирмы как раз в это время занимали огромные площади старой части города недалеко от Волги под застройку жилыми и офисными зданиями. Благодаря решительной позиции министра культуры О. В. Рыбаковой здание мечети получило необходимые охранительные документы и вошло в «Перечень объектов культурного наследия».

Решающим стало проведение в начале 2007 года большого рабочего совещания с участием руководителей ДУМ и Самарской Соборной мечети и утверждение первого плана ремонтных работ (к этому времени председателем совета мечети стал Усман Илингин, имамом - Аухатдин Канюкаев). Самые первые работы были профинансированы Соборной мечетью (председатель совета - Фарит Аюпов). Основной их фронт развернулся в апреле 2007 года. При этом применялся испытанный метод – субботники, в которых участвовало по 15-20 человек. Они приезжали из дальних районов города – из 15-ого микрорайона, поселка Зубчаниновка и других. Работы прерывались только на чтение намазов. Первым делом стали освобождать большие залы на обоих этажах, а также служебные, подсобные помещения бывшего детского сада от многочисленных деревянных перегородок, которые периодически возводились после 1932 года.

Хороший пример оказался заразительным – число участников реконструкции мечети на улице Алексея Толстого стало увеличиваться с каждым месяцем. Среди них были и те, кто обладал не только огромным желанием, умелыми руками, но и финансовыми средствами, строительной техникой и другими ресурсами.

В работах участвуют не только этнические мусульмане, но и представители других религий. Первые бригады рабочих состояли из будущих прихожан мечети и их многочисленных помощников. Это – Хусаин Галиуллин, Сахибжан Феткуллов, Усман Илингин, Абдрауф Сафин, Аняс Сарваров, Рубин Илькин, Рафик Сабилов, Нагим и Тауфик Еничевы, Ислам Айнутдинов, наши единоверцы из Средней Азии, которыми руководят Хикматулла Амунов и Гафур Усанов. Разные виды помощи – кто финансовую, кто стройматериалами (вплоть до готового бетона) или техникой - оказывали Талгат Хузин, Джаудат Шараров, Нурахмет Сабилов, Анвар Абдразаков, Ильяс Шакуров, Мингали Иваев, Саитгали Шакуров, Хамит и Рамиль Аюповы, Аманжол Абдулкаликов, Абдулла Файзутдинов, Али Сулейманов, Наиль и Дамир Замалетдиновы, Валерий Кожевников, Анвар Горланов, Дамир Салахов, Олег Капустин, Федор Ковыркин, Сурен Терджанян, Мударрис Субеев, Рамиль Касымов, Хабибулла Сапуков, Ринат Мамышев и многие другие.

Основы работ по реконструкции закладывал еще Исмагиль Феткуллов (1944 – 2011 гг.) До прихода в Историческую мечеть он тринадцать лет трудился на должности председателя совета Соборной мечети и был главным координатором ее строительства. Бесценный свой опыт И. Б. Феткуллов успешно применял на новой должности. К сожалению, болезнь не позволила Исмагилю Бадретдиновичу долго и плодотворно поработать здесь.

Постоянно и активно, словом и делом участвовал в жизни Исторической мечети также Фарит Аюпов. Он был председателем совета Соборной мечети в 2004 – 2011 гг., и это время совпало с масштабными работами по завершению внутреннего обустройства здания и облагораживанию территории нашей центральной мечети. Так что Ф.М. Аюпов тоже многое прошел и многое познал. Он всегда мог дать дельный совет. Это особенно нужно было в первое время.

Уважаемые аксакалы тоже принимали активное участие в восстановлении Исторической мечети. Один из организаторов «незаконных молений» в послевоенные годы, инициатор строительства мечети в поселке Кряж Хусаин-ага Галиуллин в свои девяносто лет наравне с другими трудился на субботниках. Салихжан-ага Галлямов регулярно приносил в фонд восстановления мечети свою пенсию, материальную помощь оказывали многие другие горожане почтенного возраста.

Владелец компании «Руслан и Людмила» Хамит Ихсанов оказывал дизайнерские услуги по оборудованию залов люстрами, а сами они были приобретены на средства Гумера-ага и Ильяса

Результат реконструкции: столовая и тахаратхана.

Женский молельный зал. В месяц Рамазан выполняет и роль зала для ифтара.

Витражи с национальным орнаментом.

Шакуровых, а также Дамира Замалетдинова. Турецкая фирма Фатиха Джелена в форме благотворительной помощи установила мраморную лестницу на второй этаж, сантехнику по минимально возможным ценам поставила фирма «Орас» (турецкий предприниматель Максуд Кол, а также Анвар Шакиров). Строительная фирма «Акванет» (генеральный директор - Олег Винокуров) заменила металлическую крышу, сделала ее общей для всего здания, оборудовав при этом так называемыми теплоскатами, которые обеспечивают своевременный сток воды и предотвращают обледенение кровли.

Архитектурно-строительный надзор осуществляют братья Андрей и Дмитрий Смирновы. Такая фамилия в истории Исторической мечети, как мы помним, уже встречалась: архитектором предполагавшейся в начале XX века реконструкции мечети на улице Казанская был тоже Смирнов. Документы запечатлели его инициалы - С. В.

Два поколения архитекторов не родственники, а только однофамильцы. Но в переключке фамилий, быть может, тоже скрыт определенный смысл, а именно: то, что не доделали предки, должны довести до конца потомки.

Кстати, для Андрея Валентиновича и Дмитрия Валентиновича

Смирновых наша мечеть с профессиональной точки зрения оказалась интересным объектом, поскольку работать с мусульманскими культовыми сооружениями им раньше не доводилось.

...Словом, здание мечети в 2007 – 2009 г.г. представляло собой большую стройплощадку, на которой одновременно трудились десятки человек, выполнявшие самые разные виды строительного-монтажных и отделочных работ. То и дело приезжали автомашины со стройматериалами, грузовики увозили строительный мусор, подъезжали миксеры и сливали бетонный раствор... К тому, что происходило в те месяцы в Исторической мечети очень подходит определение «народная стройка». Это во многом и стало условием чрезвычайно быстрого хода работ.

На ходу приходилось менять планы. Например, по первому графику работ планировалось только отремонтировать перекрытие между первым и вторым этажами. Но как только взялись за него, начала осыпаться штукатурка - пришлось перейти на метод заливки перекрытия бетоном.

В конечном итоге за несколько месяцев были отремонтированы залы первого и второго этажей, лестницы, коридоры, пристрой, комната для совершения омовения (тахаратхана), буквально преобразился зал столовой и так далее. Работа, снабжение стройматериалами организовывались таким образом, что были полностью исключены простои рабочих и техники, и каждая минута

В библиотеке.

проходила с пользой для дела.

Характерным стал момент демонтажа фанерных щитов со стены с южной стороны зала второго этажа. Рабочие, когда их отдирали, почувствовали пустоту внутри. И точно – едва со стены убрали последний щит, как взору присутствующих предстала ниша... Это был

михраб, полностью сохранившийся, только с толстым слоем пыли, накопившейся здесь в течении многих десятилетий. Михраб, из которого читали проповеди Шигабетдин Минюшев и Мухамметфатых Муртазин. Даже встроенные в стену с двух сторон колонны и арка были в целости и сохранности.

Значит, чья-то воля и какая-то неведомая сила не позволила тогда – в 30-е годы и позже - замуровать эту нишу, навсегда заложить ее кирпичом или залить бетонным раствором, сровнять михраб со стеной. И сохранила его для потомков. Значит, возвращение мечети было предопределено еще восемь десятилетий назад, при ее закрытии... Ничего не скажешь - судьба.

Ураза-байрам 2011 года. Наиль-хазрат Биктаев читает хутбу.

Наиболее организованный и планомерный характер работы по реконструкции здания приняли после создания в конце 2007 года Попечительского совета при региональном Духовном управлении мусульман Самарской области, его председателем стал президент Группы компаний «Прогресс-В», заслуженный строитель Российской Федерации В. Г. Мухаметшин. Совет стал координатором реализации программы Правительства Самарской

области по реконструкции мусульманских культовых сооружений, разработанной по инициативе Губернатора В. В. Артякова. Претворение в жизнь этой программы позволило за короткий срок отремонтировать десятки мечетей в городах и районах области разных лет постройки, а также духовные учебные заведения. Первостепенную роль в успешной реализации указанной программы сыграло то обстоятельство, что во главе этой работы стояли такие авторитетные представители татарской общественности как Вазых Мухаметшин и бессменный в течение почти 30 лет руководитель самарских мусульман Вагиз-хазрат Яруллин.

На одном из важнейших объектов выполнения данной программы – Исторической мечети города Самара – подрядчиком стала строительная фирма «Подъем» (директор - Т.С. Аюпов). Это позволило еще более ускорить ход ремонтных работ, которые выполнялись качественно и с соблюдением норм и традиций, принятых в мусульманской архитектуре. Наиболее плодотворным стал период 2008 – 2009 гг., когда был выполнен основной объем работ, и здание приняло в целом нынешний свой вид. Таким образом, программа-минимум была успешно выполнена. Сейчас общая полезная площадь мечети составляет 620 квадратных метров.

Одновременно шла работа по возвращению земельного участка, других зданий и сооружений, ранее принадлежавших мечети. И здесь на помощь мусульманской общине пришли работники департамента управления имуществом, департамента строительства и архитектуры и других структур городской администрации.

Кроме того, в собственности общины перешел цокольный этаж соседнего с основным здания, в котором до 30-х годов находилось училище – теперь здесь рас-

**Проповедь имама мечети
Аухатдин-хазрата Канюкаева.**

полагается магазин по продаже продуктов стандарта «халяль». Благодаря работам по восстановлению мечети жильцы четырех квартир улицы Алексея Толстого были переселены из старого фонда и получили благоустроенное жилье в другом районе города. И процесс отселения из ветхого жилья продолжается.

Решающими факторами быстрого и качественного проведения работ стали совместные действия единой команды руководства мусульманской общины и полное понимание со стороны властей города и области. Всемерная помощь Правительства Самарской области и администрации города позволили исполниться мечте, с которой мусульмане города нескольких поколений жили семьдесят с лишним лет. Возвращение Исторической мечети началось в середине 90-х годов, когда городом руководил О.Н. Сысуев. Юридическая процедура передачи в собственность состоялась при Г.С. Лиманском. Отвод и оформление земельного участка и мечети, освобождение жилых зданий начались при В.А. Тархове. А теперь эстафета сотрудничества администрации города с мусульманами перешла к Д.И. Азарову. И в течение насыщенного и богатого на события периода каждый руководитель города внес свой вклад, чтобы восторжествовала историческая справедливость, и Историческая мечеть города постройки конца XIX века вернулась к своему законному владельцу.

Зульфат Салахов.

В Исторической мечети подобрался сильный работоспособный коллектив. Председатель совета Усман Илингин – выпускник Куйбышевского инженерно-строительного института, по специальности «экономист», около тридцати лет руководит различными коллективами, в 2006 году совершил хадж. Имам Аухатдин-хазрат Канюкаев окончил сельскохозяйственный техникум, Куйбышевский плановый институт (специальность – «бухучет в строительстве») и подготовительное отделение по изучению арабского языка Исламского университета в Медине. Второй имам Наиль

Сверка планов по реконструкции мечети: Вазыйх Мухаметшин, проектировщик Александр Куприков, Дмитрий Азаров и Усман Илингин.

Биктаев после окончания медресе «Гали» и учебы школе «Яктылык» непрерывно, в течение 13 лет учился в Турции - начинал с курсов арабского языка в городе Трабзон и закончил теологическим факультетом университета «Мармара» г. Стамбул. В итоге он получил высшее духовное образование. Наиль-хазрат – единственный в Самаре Коран-хафиз (знающий наизусть весь текст Священного Писания), а также знаток старотатарского письма. Муэдзин Сахибжан Феткуллов – в прошлом передовик сельскохозяйственного производства, трудился в совхозе имени Горького Красноярского района, дважды – в 2004 и 2008 гг. — совершил хадж. Второй муэдзин Аняс Сарваров получил образование на историческом факультете Казанского гуманитарно-педагогического университета и Российском Исламском университете при ДУМ Республики Татарстан. За плечами библиотекаря Рустама Файзуллова тоже

два образования: в Куйбышевском плановом институте и медресе «Гали». И большой трудовой стаж в различных предприятиях и организациях. В том числе, бухгалтером мусульманской общины Самары в начале 90-х годов... Такой сплав молодости и опыта, светского и духовного образования позволяет ставить высокие цели и возможность достигать их.

Многое, что делает Историческая мечеть в наши дни, можно определить словом «впервые».

В первый раз в Самаре уже два года в Исторической мечети действует современная библиотека исламской духовной литературы, пользующаяся большой популярностью среди читателей. Библиотека создана в духе последних достижений научно-технической мысли – усвоению материала помогают современная аудио- и видеотехника, Интернет и wi-fi. Благодаря этому в библиотеке можно поработать с электронным вариантом журнала «Икътисад» и копией Корана Османа из фонда отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки.

В Исторической мечети прошел цикл лекций по исламу, вызвавший большой интерес слушателей. В качестве лекторов выступали имамы Самары, Тольятти, Сызрани, они рассказывали о важнейших постулатах мусульманской религии, ее связи с жизнью, философии ислама и так далее.

На базе Исторической мечети идет активная работа по созданию музея, воссоздающего жизнь и быт татар старой Самары. С помощью добровольных помощников - горожан собран большой материал, который в скором времени будет размещен в специально оборудованном музее. Эти экспонаты, безусловно, помогут прихожанам и посетителям мысленно перенестись на целый век назад, когда мечеть на Казанской улице переживала период наивысшего расцвета.

В 2010 году по инициативе Исторической мечети и РДУМ Самарской области в первый раз в истории Самарской области при финансовой помощи областного министерства здравоохранения и социального развития работал летний оздоровительный лагерь. На живописном берегу реки Кондурча дети (около 100 человек) отдыхали и одновременно пополняли знания о традиционном российском исламе, его культуре и традициях,

В исламском лагере дети разучивают «Эманту билляхи»...

... и весело проводят свободное время.

получали практические уроки добрососедства и взаимопонимания. Они представляют как коренные мусульманские народы Самарской области, так и наших единоверцев, которые недавно обрели место жительства в нашем крае. Это - татары, башкиры, казахи, азербайджанцы, таджики, узбеки и другие.

А в 2011 году масштабы лагеря расширилась – он собрал уже почти 450 детей школьного возраста. Новое, но очень необходимое для мусульманской общины региона дело, имеет все шансы на успешное продолжение.

Есть вполне конкретные планы и на будущее. В скором времени все желающие получат возможность узнавать о жизни и работе Исторической мечети самым оперативным способом – через его сайт.

Совет Исторической мечети сейчас занят также активным поиском и сбором старых книг и рукописей, изданных в прежние времена на арабской графике. Важное значение этой работы обусловлено тем, что главные богословские труды были написаны до революции. Интерес к религиозному и вообще литературному наследию татарского народа очень большой и люди, читающие тексты на старотатарском алфавите, тоже есть. Учитывая нынешнее состояние этих реликвий, предполагается создать при мечети специальное хранилище и начать работы по их реставрации, что позволит дать этим книгам вторую жизнь. Наиболее ценные из них предполагается перевести на современную татарскую графику (кириллицу) и сделать еще более доступным для широкой публики.

Правильно говорят: новое – это хорошо забытое старое. Совет Исторической мечети планирует также возродить работу книжного магазина и благотворительного общества «Хайрия». Они существовали сто лет назад и были очень востребованы. Но идеи просветительства, доброты и милосердия не потеряли своей актуальности до сих пор. Уже несколько лет руководители хлебозавода №2 Али Сулейманов и Ринат Файзутдинов бесплатно снабжают прихожан мечети своей продукцией. В мечети столовой (заведующая Фариди-ханум Валеева) несколько остро нуждающихся людей пожилого возраста так же бесплатно получают еду.

...Годом открытия мечети на улице Казанской является 1891 год.

В президиуме праздничного мероприятия.

Поэтому в нынешнем году мы отметили ее 120-летие. Совет мечети по согласованию с руководством Духовного управления мусульман Самарской области в сентябре по этому случаю провел праздничное мероприятие. На меджлис в Историческую мечеть собрались руководители религиозных общин из городов и районов, национально-культурных объединений мусульманских народов Самарской области, предприниматели, много лет и постоянно помогающие делу духовного возрождения. Поздравить самарских мусульман приехали председатель регионального ДУМ Ульяновской области Саубан Сулейманов, имам-хатыб казанской мечети «Нурулла» Сулейман Зарипов. Собравшиеся тепло встретили заместителя председателя Аппарата Правительства Самарской области, руководителя департамента по информационной политике и связям с общественностью Ивана Скрыльника и заместителя главы города Самара Игоря Кондрусова.

Перед официальной частью мероприятия его участникам был показан документальный фильм, рассказывающий об истории восстановления Исторической мечети.

Все начиналось в 2007 году, когда мусульманская община в юридическом плане восстановила свои права на мечеть. И тем самым появилась возможность заняться, наконец, восстановительными делами. С тех пор затрачено немало усилий и средств,

На праздник съехались многочисленные гости.

чтобы здание бывшего детского сада снова приобрело вид мусульманского культового здания: со светлыми залами для молитвы, просторными помещениями для совершения омовения, библиотекой... Видеофильм комментировали первый председатель совета Исторической мечети Исмагиль Феткулов и имам Аухатдин Канюкаев.

Потом с докладом выступил нынешний председатель Усман Илингин. Он вкратце рассказал о прошлом самой старой мечети Самары, ее роли как общественно-духовного центра мусульман города на рубеже веков, наиболее известном имаме и общественном деятеле “татарской Самары” начала XX века Мухамметфатыхе Муртазине, возвращении мечети в начале XXI века и перспективах ее развития.

И. Скрыльник и И. Кондрусов говорили о вкладе мусульманской общины региона в укрепление межнационального и межконфессионального мира, эффективном взаимодействии властей и нашего Духовного управления. Выступление председателя Попечительского совета при ДУМ, президента Группы компаний “Прогресс-В” Вазыха Мухаметшина, кроме положенных в таких случаях поздравительных слов, стало программным на предстоя-

щие несколько лет. К 125-летию мечети, считает Вазых Гатович, ставится задача завершить второй, основной этап реконструкции с поднятием минарета, который должен украсить старую часть нашего города и будет служить символом сосуществования разных религий и культур.

Кроме гостей из соседних регионов С. Сулейманова и С. Зарипова, на торжественном собрании выступили заместитель директора Самарского областного архива Ольга Зубова, имам-мухтасиб Сызрани Ильгизар Сагдеев, председатель Лиги азербайджанцев Самарской области Ширван Керимов (от имени национально-культурных объединений, работающих при областном Доме дружбы народов), архитектор проекта реконструкции Андрей Смирнов и другие.

До широкой общественности материал о праздновании 120-летия Самарской Исторической мечети довели популярные телекомпании СкаТ и ГИС, а также газета «Самарские известия».

Мероприятие, прошедшее на высоком уровне, еще раз продемонстрировало единство мусульманской общины Самары и области и устойчивость партнерских отношений с властями региона в деле строительства гражданского общества.

Сейчас совет мечети, прихожане и руководство мусульманской общины города и области живут завтрашним днем и думают о перспективах развития Исторической мечети.

В планах совета прихода и Духовного управления мусульман - второй этап реконструкции здания мечети, в результате чего она должна принять вид, который предусматривался проектом 1903 года. Для этого потребуются значительное укрепление фундамента, рядом с нынешним зданием планируется возвести двухэтажный «пристрой», который одновременно будет служить также и основанием минарета (высотой 36 метров). Впереди (в сторону проезжей части) будет построен цокольный этаж с парадной лестницей, тут же разместятся помещения для омовения, гардеробные и хозяйственный блок. Затем здание предполагается увеличить на 10 метров в сторону улицы Венцека. Эту южную часть здания «закроет» купол.

Таким образом, полезная площадь Исторической мечети увеличится более чем в два раза - с нынешних 620 метров до 1430.

Мастера «Мастерской витража» за работой.

До реализации перспективного плана реконструкции очередь не дошла, но строительные и реконструкционные работы идут своим чередом. Прихожане и посетители мечети уже дали высокую оценку витражам, которые установлены на окнах и дверях нынешнего здания. Они выполняют не только простую функциональную, но и большую эстетическую роль. Поэтому руководство мечети очень тщательно подошло к выбору подрядчика, который может с высоким качеством выполнить работу, при этом соблюдая все национально-духовные традиции татарского народа. Выбор пал на «Мастерскую витража» (директор - О. А. Капустин).

Предприятие имеет большой опыт исполнения подобных заказов. Именно его специалисты изготавливали витражи дверей при входе в большой зал Соборной мечети, так украсившие центральную мечеть самарских мусульман. Как рассказывает директор Олег Анатольевич Капустин, их коллектив (в составе семи человек) с удовольствием берется за такие оригинальные и в то же время очень ответственные работы. Когда заказ не обычный, каковых бывает много в век «квазивитражей», а на стыке искусства и производства. Особенно в случае с культовыми зданиями – православными, мусульманскими... Такие работы требуют огром-

ной выдержки, большого опыта и быть на «ты» со стеклом, которое, как уверяют мастера, тоже живое, имеет свой характер, привычки. Словом, живет своей жизнью. Спешки тут не должно быть, даже малейшей.

Если все сказанное выполняется, тогда приходит и результат. И стекло отвечает необычайной яркостью красок и высоким качеством на многие тысячи лет. Специалисты утверждают, что стеклянные украшения, которые археологи находят в египетских гробницах, выглядят как новые, несмотря на то, что пролежали под землей тысячи лет. Также долго, по всей видимости, прослужат изделия, установленные в мечетях в начале XXI века. Иначе говоря, не одну сотню лет.

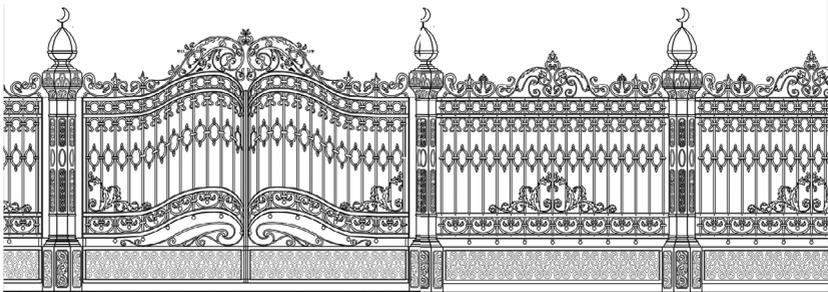
С таким настроем «Мастерская витража» работает и в Самарской Исторической мечети. Впереди у нее большой объем работ.

...«Металл дышит», говорит о своем материале и руководитель другого предприятия «Барокко» Федор Иванович Ковыркин. Это предприятие тоже участвует в работах по реконструкции Исторической мечети.

Изготовлены и установлены оригинальный навес и перила на крыльцо соседнего здания, где разместился магазин «Ха-

Здесь рождается красота.

Эскиз будущего забора Исторической мечети.

ляль». Но перед специалистами стоит другая, более ответственная по объему и художественному исполнению задача: завершить художественное оформление территории мечети красивым декоративным забором. Также с элементами декоративного творчества и обязательно с национально-духовными мотивами. После изучения тематической литературы по согласованию с заказчиком за основу формы забора взята композиция «Раскрытая книга». И это не случайно: образ раскрытого перед читателем Корана часто используется в мусульманском искусстве и символизирует постоянный поиск истины. И пусть люди, входящие через такие ворота в Самарскую Историческую мечеть, найдут здесь объяснение сути происходящего в окружающем мире и в них самих, и еще больше укрепят свою веру.

Кроме этого особо важного задания, предприятие «Барокко» будет выполнять еще одно – изготовление и установку декоративных решеток для окон первого этажа.

Вот так – на основе вековых традиций и с применением современных материалов и технологий - рождаются образцы мусульманской архитектуры XXI века.

...В чуть отдаленной (после завершения основной реконструкции мечети) перспективе создание в старой части города (наряду с Соборной мечетью на улице Стара-Загора) мусульманского духовно-культурного комплекса. Для этого необходимо будет провести целый комплекс мероприятий, включающий отселение около 50 семей из близлежащих ветхих зданий в более благоустроенное жилье и комплексную застройку освобождаемой территории сооружениями, которые будут использованы с максимальной пользой города и его жителей.

На территории, прилегающей к мечети, планируется открыть современный спортивно-оздоровительный комплекс закрытого типа с борцовским центром и детский сад с национально-духовным компонентом. Их эксплуатация будет проводиться в тесном сотрудничестве с областными министерствами спорта и туризма, а также образования и науки. Запланировано также строительство жилого дома для имамов.

Напротив мечети, на четной стороне улицы Алексея Толстого, предполагается построить национально-культурный центр с акто-

вым залом, ресторан, работающий по стандарту «халяль», гостиницу. Новые здания должны органично вписаться в новый ландшафт старой части Самары, которая коренным образом изменится в связи с подготовкой к чемпионату мира по футболу 2018 года, матчи которого должны пройти и в нашем городе.

Но главное предназначение Исторической мечети и комплекса, который должен здесь возникнуть, остается прежним – создавать условия для сохранения и развития духовно-нравственных и национально-культурных традиций татарского и других мусульманских народов, проживающих в Самарской области, укрепления принципов толерантности, традиций добрососедства между всеми людьми, независимо от национальной и религиозной принадлежности.

* * *

Название мечети на улице Алексея Толстого города Самары символизирует пройденный ею сложный и тернистый путь. Столько лет самарские мусульмане жили с неугасимой мечтой о возврате своей мечети. И, наконец, это случилось.

Но это не только прошлое и настоящее самарских мусульман. В слове «историческая» заложены возможности ее развития и неотъемлемое право на дальнейшую жизнь. Какой будет эта жизнь - во многом зависит от нынешнего поколения. Прежде всего, от того, насколько мы, живущие в начале XXI века, сможем сохранить наследие предков, и благодаря этому память об их славных делах сможем превратить в веру в светлое будущее духовных и национальных традиций.

Фабрикант и благотворитель

Жизнь и судьба Тимербулата Акчурина

Радостное событие произошло в семье симбирского купца Курамши Акчурина в 1826 году - родился сын, которого нарекли красивым именем Тимербулат (тимер в переводе с татарского значит «железо»). И всю свою жизнь он оправдывал свое имя (булатная сталь).

Мальчик рос здоровым, подвижным и любознательным. В детских играх и состязаниях ему не было равных. С малых лет Тимербулат мог увлечь сверстников своими идеями, делами. Но детский период Тимербулата был очень коротким — ребенком он стал выполнять поручения отца, которые, в основном, касались торговых сделок.

Хотя юноша оказался неплохим купцом, но торговлю своим делом не считал. Его интересовала не реализация шерсти, а производство сукна. Эти стремления сына были, в конце концов, поддержаны отцом. Неординарное решение торговца Курамши было принято под влиянием производственных успехов брата Сулеймана.

Идя навстречу желанию сына, Курамша в 1862 г. приобрел у помещицы Екатерины Васильевны Кротковой суконную фабрику в селе Гурьевка на реке Сар-Барыш Карсунского уезда Симбирской губернии. Сделка была совершена в Московской палате гражданского суда.

К этому времени на фабрике Кротковой было 40 станков и 350 рабочих. В 1861 г. на предприятии было выработано 58 тыс. аршин сукна на сумму 37 тыс. 700 рублей. В год приобретения фабрики Курамшой было выработано продукции на сумму 40 тыс. 900 руб.

Шестидесятые годы прошлого века были важным периодом в жизни Тимербулата. Он стал фактическим собственником фабрики, а затем, после смерти отца, ее законным владельцем.

Т. Акчурин развернул кипучую деятельность. Во-первых, надо было детально ознакомиться с состоянием нового приобретения. Во-вторых, изучить коллектив служащих и рабочих фабрики. За короткое время новому хозяину удалось перестроить производство. При решении этой задачи Акчурину приходилось практически круглосуточно бывать на фабрике, тщательно изучать опыт других предпринимателей. Так постепенно, шаг за шагом раскрывался редкостный могучий талант организатора.

Развитие предприятия Т. Акчурина шло по восходящей линии: увеличилось производство, улучшилось качество продукции. На рубеже 80 - 90-х гг. Акчурины праздновали победу, и еще какую! На Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. продукция предприятий Т.К. Акчурина была удостоена золотой медали. К моменту выставки на Гурьевской фабрике работало 7 двигателей, 3 паровые и 4 водяные турбины. Предприятие было оснащено новейшими чесальными аппаратами системы Мартена, Дела Рока и др. и прядильными машинами. На фабрике работало без малого 300 станков, в их числе один — механический. Машины и аппараты размещались в десяти каменных корпусах. Большую часть 1200 рабочих составляли крестьяне: гурьевские и окрестных деревень. По национальному составу рабочие были татарами и русскими. Весьма разнообразной и внушительной по размерам была и выпускаемая продукция главного предприятия Тимербулата Курамшевича. Это сукно, трико, бобрик, байка, попонное сукно, войлок и одеяло.

Конкретно для военного ведомства России и гурьевские мастера, и рабочие вырабатывали серое шинельное 900-зубное сукно из русской шерсти и неворсованное темно-зеленое сукно из мериносовой шерсти. Для знаменитого кронштадского порта предназначалось серо-шинельное, темно-серое, меланжевое, серо-синее, башлыкное и каразея. Продукция фабрики продавалась и на рынке. Это черное, серое, цветное и болгарское сукно, разные сорта бобрика, трико, одеяла и байка разных цветов. Всего названное предприятие вырабатывало в год около 1 млн. аршин разных сортов сукна.

На второй фабрике Самайкинской (Сызранского уезда), принадлежащей Т.К. Акчурину, работало до 800 человек. Предприятие освещалось электричеством. В год фабрика выпускала до 500 тыс. аршин разных сортов сукна.

Продукцию предприятий Т. Акчурина знали и за пределами Российского государства. Акчуринские сукна поставлялись в турецкую и болгарскую армии.

Рубеж двух веков (XIX — XX) для российской промышленности был характерен тем, что возникали и развивались монополистические объединения. Промышленные объединения создавались и татарскими капиталистами. В их числе были и Акчурины. Тимербулат Курамшевич совместно с зятем (одновременно и двоюродным братом) Якубом Сулеймановичем стали в 1891 г. учредителями «Товарищества Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных». Его устав был утвержден распоряжением правительства от 19 июня 1892 г. Действия товарищества были открыты 1 мая 1893 г. Его цель учредители обозначили так: «...для содержания и распространения действий суконной фабрики, находящейся в Симбирской губ. Сенгилеевского у., при дер. Старо-Тимошкино и принадлежащей потомственному почетному гражданину Якубу Сулеймановичу Акчурину». Основной капитал товарищества составлял 300 тыс. руб., разделенных на 300 именных паев по 1000 руб. с купонами на 10 лет. Запасной и амортизационный капиталы товарищества составляли соответственно 10 000 и 143 509 руб.

Следует сказать, что данное товарищество было одним из примеров создания акционерных компаний в России во второй половине XIX в. Они организовывались, как правило, для расширения, обновления, модернизации и развития уже функционирующих предприятий. Их учредители стремились сделать производство более устойчивым и прибыльным. Другой особенностью данных товариществ было то, что их паи оказывались в руках относительно узкого круга близко знавших друг друга капиталистов. Нередко владельцами паев были члены одной семьи, одного рода.

Товарищество находилось в постоянном развитии. К 1907 г. предприятие включало в себя суконную фабрику, основанную в

1849 г. Сулейманом Акчуриным, и склад торговли в Симбирске. При фабрике были собственная земля и имение. К этому времени на фабрике работало 560 человек.

Со временем менялся и состав правления товарищества. Постановлением первого общего собрания пайщиков директорами были избраны: потомственный почетный гражданин 1-й гильдии Тимербулат Курамшевич Акчурин, потомственный почетный гражданин, сенгилеевский купец Якуб Сулейманович Акчурин и потомственный почетный гражданин Хасан Батыр-Гиреевич Сеит Шакулов, а потомственный почетный гражданин Хасан Тимербулатович Акчурин — в кандидаты директора. В состав ревизионной комиссии на отчетный 1893 - 1894 год были избраны: потомственный почетный гражданин, кузнецкий купец Ишмухамед Абдул-Маннанович Дебердиев и потомственные почетные гражданки Мяргуба-Джемал Тимербулатовна Акчурина и Биби-Халифа Тимербулатовна Сеит Шакулова.

Включение дочерей Тимербулата в комиссию — весьма примечательный факт, свидетельствующий об их определенной роли в торгово-промышленных делах Акчуриных.

К 1907 г. состав правления претерпел изменения — к этому времени скончался (1903 г.) Я.С. Акчурин. В связи с этим новый состав правления стал таким: директор-распорядитель Х. Б.-Г. Сеит Шакулов, директора - Т.К. Акчурин (позднее, после его смерти — сын Якуб) и Хасан Тимербулатович Акчурин. Главным детищем Т.К. Акчурина стало «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина». Устав товарищества был утвержден распоряжением правительства от 15 июля 1894 г. В документах указывалось: «Государь Император, по положению Комитета Министров, Высочайше повелеть соизволил разрешить потомственному почетному гражданину Тимербулату Курамшевичу Акчурину учредить товарищество на паях, под наименованием: «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина», на основании устава, удостоенного Высочайшего рассмотрения и утверждения в Петергофе, в 15 день июля 1894 г.».

Товарищество начало функционировать в 1895 г. Основной капитал товарищества составил 1 млн.руб., разделенный на 200 именных паев по 5 тыс.руб. с купонами на 10 лет. Запасной капитал

составил 74 644 руб. В состав правления входили: Т.К. Акчурин (директор-распорядитель), Х.Т. Акчурин и Я.Т. Акчурин. «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина» объединяло две суконные фабрики: Гурьевскую Карсунского уезда и Самайкинскую Сызранского уезда. Количество занятых рабочих на фабриках достигло 3000 человек.

Было определено, что товарищество существует для содержания и контроля действий названных фабрик, принадлежащих потомственному почетному гражданину Т. К. Акчурину, и для торговли как в пределах Российской империи, так и за границей продукцией названных предприятий.

Товарищество занималось выпуском сукна для российской армии: мундирного, шинельного, башлыквого и других, а также байки, бобрика, одеяла и т.д.

Продукция данного товарищества была удостоена бронзовой медали на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г., проходившей в Нижнем Новгороде. Конкретно награду товарищество получило за трико из ордынской шерсти весьма удовлетворительного качества и за долголетнее существование фирмы.

Товарищество под руководством Т. К. Акчурина работало эффективно. Об успешной работе данного товарищества свидетельствуют показатели чистой прибыли. Соответственно по годам показатели чистой прибыли выглядели следующим образом (операционный год — с 1 апреля по 31 марта).

1897/1898 — 9600 руб.

1898/1899 — ...

1899/1900 — 14 700 руб.

1900/1901 — 4700 руб.

1901/1902 — 21 800 руб.

1902/1903 — 400 руб.

1903/1904 — 18 500 руб.

Валовой приход (и расход) составлял за 1901/1902 годы 2 232 900 руб.

Акчурины не ограничивались только производством сукна. На рубеже XIX — XX в.в. при Гурьевской фабрике имелось и литейное предприятие. Несмотря на то, что его годовой оборот не достигал

80 тыс. руб., оно входило в число 261 чугуно-литейных заводов Российской империи. В Симбирской губернии подобных предприятий было четыре (включая акчуринское). Кроме того, Акчурины владели лесопильным заводом. Об этих предприятиях знали не только деловые люди губернии, но и всей страны. Современники указывали, что данные предприятия «...имеют значение не только для своих хозяев, но и более общее значение, как почин и намек перехода мусульман к интенсивному производству и согласованию своей деятельности с социально-экономическими требованиями нашего времени». Данная характеристика была дана в самом начале XX века. О фабриках Акчуринных и других фабрикантах-суконщиках из татар писали газеты. Газета «Тарджеман» утверждала: «Фабрики эти поставлены широко и на современную ногу. Работают по подрядам казны, а также для частного торга, делая в общем миллионные обороты. Руководят фабриками сами мусульмане, часть рабочих также мусульмане».

В 70-е г.г., после смерти первой жены, Тимербулат женился на Х. Дебердиевой из Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Последняя к этому времени овдовела, у нее от первого брака остались дочь и сын. По воспоминаниям представителей рода Дебердиевых, семейный союз был браком по расчету. Смысл заключался в том, что Тимербулат в то время был весьма преуспевающим фабрикантом. Братья Дебердиевы — также владельцы суконных фабрик — наоборот, переживали определенные трудности. В результате данного брачного союза братья Дебердиевы хотели получить поддержку организационного характера.

Т.К. Акчурин вел и общественную работу. Известно, что в 1871 — 1875 годах XIX в. он избирался гласным Симбирской думы по первому разряду. Он был назначен очередным присяжным заседателем по г. Симбирску и Симбирскому уезду на вторую четверть (апрель — июнь) 1884 г.

Видимо, Тимербулат Курамшевич был единственным из рода Акчуринных, удостоенный правительственных наград. Легендарный фабрикант стал кавалером серебряной медали «За усердие» для ношения на Станиславской ленте.

Так была оценена его благотворительная деятельность во время страшного голода.

Случилось это так. 1880 г. выдался для Симбирской губернии неурожайным. Как результат этого — цены на продукты резко возросли. Для беднейших слоев общества появилась опасность голода. Вскоре опасность стала реальностью. Сотни и тысячи людей были лишены даже хлеба.

Передовые и состоятельные люди губернии не остались равнодушными к страшному бедствию. Они протянули бедствующим руку помощи. Среди них был и Тимербулат Акчурин. Он пришел на помощь голодающим в морозные дни зимы 1880 - 81 гг. Именно к этому времени у основной части несостоятельных людей кончились последние запасы картофеля и хлеба.

30 января 1881 г. в деревне Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда Т. Акчурин открыл в своем помещении бесплатную столовую. Она работала до созревания нового урожая 1881 г., точнее до 14 августа. В бесплатной столовой ежедневно питались от 150 до 320 человек. А всего за указанное время там было накормлено 40 тыс. 714 человек. Столовую Тимербулата посещали, в первую очередь, жители деревни Старое Тимошкино (Зия) и Калда (Калны). Одновременно здесь питались жители ближайших уездов Симбирской губернии и татары Хвалынского уезда Саратовской губернии. Основными посетителями столовой были престарелые, малолетние и больные люди.

Посетители кормились в столовой два раза: обедали и ужинали.

На эти цели фабрикант ежедневно тратил печеного хлеба до 10 пудов, мяса (конины и баранины) — до 3 пудов, пшеница — 30 фунтов, соли — 5 фунтов.

А всего за время функционирования столовой было израсходовано 1986 пудов 20 фунтов пшеница, 15 пудов капусты. Только соли за это время было израсходовано 23 пуда и 20 фунтов. Всего на приобретение продовольствия для столовой было потрачено 3 тыс. 817 руб. 35 коп. Содержание же самой столовой обошлось Т. Акчурину в 2 тыс. 500 руб.

Кроме того, Акчурин заплатил рабочим столовой по 75 руб. каждому. Таким образом, только на оплату труда рабочих было выделено 600 руб. Одновременно названные рабочие питались в этой же благотворительной столовой. В общем на столовую фабрикантом было потрачено 6 тыс. 917 руб. 35 коп.

Об этом гражданском подвиге фабриканта докладывала уездная управа Сенгилеевскому земскому собранию (сессии 1881 г.). Названное собрание решило ходатайствовать о награждении купца Т. Акчурина медалью. Данное ходатайство Сенгилеевская уездная земская управа 19 января 1882 г. направила симбирскому губернатору.

12 ноября 1882 г. Тимербулату Акчурина была пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте.

Засушливые, неурожайные годы были нередкими для Поволжья. Так случилось и в начале 90-х г.г. прошлого века. В конце 1891 г. Тимербулат Курамшевич вновь протянул руку помощи своим землякам. В последних числах декабря 1891 г. он открыл двери бесплатной столовой для бедных, стариков, детей в д. Старое Тимошкино. Заведение щедрого фабриканта посещали более 300 человек мусульман и православных... Благотворительность Т. Акчурина не знала ни географических, ни религиозных границ. Столовая функционировала и в начале 1892 г.

Золотой же медали с надписью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте он был удостоен в 1895 г.

Доброхотство Т.К. Акчурина не ограничивалось Симбирской и другими губерниями Поволжья. Он принимал активное участие в деятельности благотворительных мусульманских обществ России. В начале XX века Тимай-бай, идя навстречу пожеланиям мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга, приютил в своей русско-татарской школе пять сирот.

Благотворительная деятельность Тимербулата Курамшевича продолжалась до последних лет его жизни. Он быстро откликнулся на проблемы, связанные с русско-японской войной 1904 — 1905 гг. Т. Акчурин в 1904 г. при своей Гурьевской фабрике открыл больницу для лечения больных и раненных воинов. Стационар, рассчитанный на 20 коек, полностью финансировался Тимай-баем. Впоследствии больница долгие годы обслуживала рабочих и служащих фабрики.

И он не был единственным представителем рода Акчуриных в этом благородном деле. В далеком Крыму дочь Зухры Акчуриной и Исмаила Гаспринского — Шафика развернула большую работу

по изготовлению рубах для воинов российской армии. Патриотический порыв последней был поддержан ее родственниками. В частности, в 1904 г. Марьям Дебердиева (урожденная Акчурина) из Саратовской губернии направила Шафике 20 руб.

Война затронула многие семьи рабочих фабрик Акчуриных. Утром 4 июня 1904 г. из Старого Тимошкино Сенгилеевского уезда проводили на войну 154 мусульманина запасных нижних чинов. В их числе была и молодежь соседней татарской д. Калда Старотимошкинской волости. Акчурины, как и другие состоятельные люди селения, вручили каждому отъезжавшему по 6 руб. 50 коп.

В 1905 г. Тимербулат оказал значительную материальную и финансовую помощь жителям Старого Тимошкино Сенгилеевского уезда, которым был нанесен колоссальный урон крупным пожаром, произошедшим в июле этого года. Огнем было уничтожено 240 дворов, более 1000 человек остались без крова и средств к существованию. По неполным подсчетам убытки от стихийного бедствия составили 400 000 руб. Т. Акчурин, которому было без малого 80 лет, лично руководил работами по оказанию помощи. На следующий день на место пожара было завезено большое количество хлеба, сахара, чая, муки, мяса и других продуктов. Фабрикант помог старотимошкинцам одеждой, дровами, семенами, деньгами. Помощь Акчурина как всегда была не единовременной, а продолжалась вплоть до решения проблемы. Немало он делал для обеспечения людей жильем. Этими мерами Тимербулат участвовал в спасении людей от голодной смерти и подготовке к предстоящей зиме. Его помощь облегчила катастрофическое положение погорельцев, в конечном счете создала реальные возможности для их возвращения к прежним условиям жизни. Именно такими благо родными делами занимался Тимербулат Курамшевич в последний год жизни.

Примеру Т. Акчурина последовали и другие состоятельные люди края. Предводитель Симбирского дворянства, помещик соседнего села Акшуат В. Поливанов внес в пользу потерпевших 100 руб. Благотворительность не знала ни национальных, ни религиозных границ. Татарские и русские крестьяне, рабочие, деловые люди края всегда приходили на помощь друг другу.

Экстремальные ситуации еще более усиливали благородные желания и стремления людей.

Акчурины стремились использовать достижения науки и техники того времени. В декабре 1897 г. от имени товарищества Т. Акчурина в строительное отделение Симбирского губернского правления их доверенный пензенский мещанин Мубин Тенишев подает прошение об устройстве электрического освещения на предприятии. К прошению прилагались пояснительная записка, чертежи и правила пользования электричеством.

К этому времени на Гурьевской фабрике были установлены 6 паровых котлов цилиндрической системы с тремя кипятильниками заводов Желен (Бельгия) и Дан-гауэр и Клейзер (Москва). Также имелась одна горизонтальная паровая машина системы Тандем завода Гоппер (Москва), один локомобиль завода Рулле (Англия). Для выработки электроэнергии были приобретены и установлены 2 динамомшины постоянного тока, вырабатывающие напряжение 125 вольт и силой тока 280 ампер, лампы накаливания системы Эдисон силой света 10—16 свечей и лампы вольтовой дуги системы Джандус по 1000 свечей. Наружная электрическая проводка была проведена на столбах высотой по 5 саженей с расстоянием 20 саженей друг от друга.

Планом предусматривалось освещение четырех этажей аппаратного, четырех этажей ткацкого корпусов, двух этажей механической мастерской, одного этажа конторы и двух жилых домов.

Кроме того, планировалось освещение фабричного двора четырьмя лампами вольтовой дуги по 1000 свечей. Во время работы при динамомшинах должен был находиться машинист. Весной 1898 г. система электроосвещения на Гурьевской суконной фабрике была проверена телеграфным техником Добровольским совместно с Карсунским уездным исправником Лентовекиным. В мае 1898 г. от начальника Пензенского почтово-телеграфного округа министерства внутренних дел было получено разрешение на производство работ и эксплуатацию системы.

Введение новшества позволило улучшить условия труда рабочих и служащих, уменьшить число несчастных случаев, повысить пожарную безопасность и, в конечном счете, поднять

производительность труда на фабрике. Замена керосиновых ламп электроосвещением улучшила и экологическую обстановку на предприятии.

Несколько позднее электроосвещение было введено и на Старотимошкинской фабрике товарищества Акчуриных.

Был также установлен телефон в главной конторе товарищества Т.К. Акчурина в Гурьевке, а также в доме Х. Сеит Шакулова в Старом Тимошкино. Телефонная связь имелаась между конторами, цехами и другими подразделениями Гурьевской фабрики. Оперативная связь нужна была фабрикантам и в Симбирске. По данным на 1911 г., в представительствах и домах Акчуриных губернского города были телефоны (с соответствующими номерами): дом наследников Т. К. Акчурина (№ 7), дом И.К. Акчурина (№ 2-01), представительство товарищества (№ 18). Под номером 1-15 телефон имел и доверенный Акчуриных - Маракаев.

Телефонная связь позволяла Акчуриным быть в постоянной связи со своими предприятиями, деловыми партнерами и органами власти края.

В конце XIX в. в данном регионе строилась линия Рузаевка — Сызрань Московско-Казанской железной дороги. В проведении железнодорожной ветки были заинтересованы деловые люди, в том числе, и владельцы суконных фабрик. По воспоминаниям современников, близких и потомков Акчуриных, последние всячески содействовали этому важному делу, в том числе, и финансами. Это и понятно, ведь линия проходила через Гурьевку. По вышеназванным утверждениям, Т.К. Акчурин и его дети, близкие неоднократно обращались к председателю общества Московско-Казанской железной дороги Николаю Карловичу фон Мекку — сыну совладельца ряда железных дорог России Карла Федоровича Мекка (1821 — 1876) и Надежды Филаретовны (1831 — 1894), меценатки, покровительствовавшей П.И. Чайковскому.

По всей вероятности, именно усилиями Акчуриных на данной линии в селе Гурьевка появились разъезд и станция Акчуринский тупик. Пассажирское и товарное движения по названной линии открылись 28 декабря 1898 г. Об этом Симбирский губернатор В.Н. Акинфов уведомил Губернскую земскую управу.

Станционное здание на разъезде «Акчуринский разъезд»

сохранилось и по сей день. Сейчас это остановочная платформа «Акчуринский» Куйбышевской железной дороги. Когда-то здесь останавливались пассажирские поезда, а сейчас только электрички. Остановочная платформа — это одноэтажное здание из красного кирпича, построенное на рубеже XIX — XX в.в. на средства Акчуриных (по воспоминаниям старожилов). В здании имелись служебные комнаты, жилое помещение, зал ожидания. В зале стояли широкие добротные деревянные диваны, часть которых сохранилась и поныне.

В настоящее время только небольшая часть здания служит по своему первоначальному назначению. Основная его часть используется в качестве квартир. К сожалению, почти вековое здание сейчас потеряло свой блеск и красоту.

Не только название о.п. «Акчуринский», но и сама дорога, станционное здание напоминают пассажирам и жителям г. Барыша и его гостям о тех, кто внес свой весомый вклад в строительство железной дороги. В народе это здание по-прежнему называется «бабаевским», т.е. построенным еще Тимербулатом Акчуриным. Постройка и пуск в эксплуатацию этой линии связали товарищества Акчуриных, другие промышленные предприятия края со многими регионами России. Это сблизило их с потребителями продукции и поставщиками сырья, тем самым увеличился размах производства, повысилась его рентабельность.

Говоря о личности Т. Акчурина, следует сказать, что он всегда был в курсе всех проблем на своих фабриках, в первую очередь, Гурьевской. В основном, он сам занимался подбором кадров. Тимай-бай был прекрасным психологом, который уже при собеседовании определял достоинства и недостатки будущих рабочих, служащих фабрики. По свидетельству ветеранов производства, Т. Акчурин знал лично всех работников предприятия. При увольнении рабочих (по собственному желанию) он советовал не уходить с фабрики. Фабрикант заявлял, что более лучших условий труда и быта им не найти. При этом он любил спрашивать собеседника, пил ли тот воду из местного родника Макай. Получив утвердительный ответ, Тимай-бай заявлял, что рабочий обязательно вернется сюда. А вода родника у пруда Макай, действительно, отличается особыми свойствами. Она приятна на вкус и чистая, без примесей.

О фабриканте до наших дней дошли воспоминания окружающих, близких, раскрывающие черты его характера. Следует сказать, что все они без исключения характеризуют Тимай-бая только с положительной стороны. Старожил соседнего с Гурьевкой села Троицкое-Куроедово (ныне г. Барыш Ульяновской области) Дмитрий Романович Анисимов вспоминал, что в те годы в соседних и отдаленных селах и деревнях было много несчастных случаев: пожары, заторы на реке Сар-Барыш и т.д. И каждый раз люди обращались за помощью к Тимербулату Курамшевичу (или, как называли его иногда, Тимофею Курамшевичу). Уже при тушении пожара к огню первыми подъезжали люди из пожарной команды фабрики, состоявшей из слесарей. При встрече (приеме) страдальцев Тимай-бай узнавал суть несчастья, например, размах пожара. Первоначально он давал деньги для покупки лошадки (при этом говорил «лошадки», а не «клячи!»), чтобы прокормить семью. Позднее погорельцы получали лесоматериалы (лес) для строительства дома и надворных построек. При первой же встрече этим несчастным людям раздавали продукты питания и сукно. Но и крестьяне деревень отвечали ему добром. Так, часто они возили лес и дрова для фабрики за меньшую плату, чем для других суконных предприятий. Крестьяне утверждали, что Тимербулат Курамшевич им нужен всегда!

О большом уважении к личности Тимербулата Акчурина со стороны рабочих и служащих Гурьевской фабрики говорит и следующий факт.

Митинговые страсти революции 1905 — 1907 гг. докатились и до предприятий Акчуриных. По воспоминаниям современников, на этих митингах звучали самые различные призывы, но никогда ораторы не выступали конкретно против Т.К. Акчурина. Более того, на этих мероприятиях постоянно высказывались предупреждения, чтобы ни в коем случае «не трогать бабая», т.е. Тимербулата Курамшевича.

Т. К. Акчурин был самым крупным организатором производства из представителей рода Акчуриных. Одновременно он стал крупным организатором суконного производства как в Симбирской губернии, так и в Поволжье. В то время трудно было найти предпринимателя региона, которого можно было бы поставить рядом с ним.

К большому сожалению, жизнь и деятельность тончайшего знатока своего дела не получили должного и объективного освещения в литературе. Для историков неясными оставались и годы жизни Т.К. Акчурина.

Что представляло из себя «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина» к концу жизни основателя? Его основной капитал составлял 1 млн.руб. На двух названных фабриках работало: на Самайкинской 875, на Гурьевской 1840 человек. Большой размах получила торговля своей продукцией в различных регионах России и за ее пределами. Так, в северной столице страны по адресу Банковский переулок, дом 2 товарищество имело магазин сукна. В связи с этим товарищество имело торговые склады в Санкт-Петербурге, Москве, Севастополе, Уфе и Симбирске. Кроме суконных фабрик, товариществу принадлежал лесопильный завод, расположенный на железнодорожной станции Барыш Московско-Казанской железной дороги.

Недвижимое имущество товарищества Т. Акчурина включало собственные земли при фабриках, имения и лесные дачи. Имения были в г. Симбирске, при селах Силаевка, Дурасовка, Богдановка и деревни Мухино Карсунского уезда, Коромысловка, Уваровка, Дворянское, Чекалино, деревни Старотимошкино и Отрада Сенгилеевского уезда, при селе Шемурша Сызранского уезда. Члены товарищества имели жилые дома как в населенных пунктах, где располагались фабрики и иные торгово-промышленные объекты, так и в Симбирске, Уфе, позднее и в других городах. Движимый капитал аксакала состоял из наличных денег и процентных бумаг, был и в паях товариществ Акчуриных. Общее имущество, подлежащее оплате пошлиной, оценивалось в 353 551 руб. 31 коп. При этом за Т. К. Акчуриным числился долг — 112 473 руб. 55 коп.

19 сентября 1906 г. в сельце Гурьевка Водорацкой волости Карсунского уезда Симбирской губернии скончался один из крупнейших предпринимателей из татар России — Тимербулат Курамшевич Акчурин.

По рассказам внучек, утром в день кончины он собрал всех своих детей, близких. Последние получили напутствия, а после обеда отца не стало.

В последний путь главу семейства и товарищества провожали все жители села Гурьевка, из окрестных сел и деревень. Особенно много провожавших было из деревни Старое Тимошкино, родины покойного.

В отличие от своего отца Курамши, который похоронен в деревне Старое Тимошкино, Тимербулат, по его завещанию, похоронен в с. Гурьевка. Видимо, этим он хотел показать, что данное сельцо стало его второй родиной. Здесь он совершал главные дела своей жизни.

Впоследствии память отца увековечили сыновья, установив надмогильный памятник, который, к счастью, сохранился по сегодняшний день. Могила славного сына татарского народа находится на территории татарского кладбища села Гурьевки (ныне город Барыш Ульяновской области). На мраморной плите высечены поэтические строки, а также шеджере (родословная) Акчуриных. Надпись гласит: «Тимербулат сын... Хурамши, сын Габдуллы, сын Сафи, сын Шагали, сын Гадельши, сын Мората, сын Эсэйена, сын Нугая, сын Байбика, сын Бикбулата, сын Ирмякяй, сын Булаша, сын Акчуры, сын Адаша».

Этот уникальный памятник и родословную рода удалось первым обнаружить, описать и сфотографировать автору этих строк. Полную расшифровку текста родословной и надмогильных памятников купцов и фабрикантов Акчуриных сделал известный археограф, ученый, доктор филологических наук Марсель Ахметзянов. ...Копия фотоснимка памятника с текстом родословной передана нами в Музей национальной культуры при НКЦ «Казань», где она демонстрируется на выставках.

Наиль ТАИРОВ.

**(Из книги «Акчурины» - Казань,
Татарское книжное издательство, 2002).**

Копия Корана Османа

В отделе редких книг Самарской областной библиотеки хранится редкий исторический документ - специальное издание Корана, подготовленное Санкт-Петербургским институтом археологии. Год издания - 1905-й. Среди множества других экземпляров Священной книги оно отличается не только оригинальным художественным оформлением, необычными размерами и способом письма и прочими атрибутами. Самое ценное и интересное во всем этом - история появления и путешествий подлинника, с которого в начале XX века в российской столице и был изготовлен этот Коран. История драматическая и трагическая, связанная с важными событиями, происходившими в мусульманских странах средневековья...

Из мусульманских источников известно, что Коран появился уже после смерти Пророка Мухаммеда. Эту благородную работу выполнили его верные ученики, знавшие наизусть пророческие откровения Мухаммеда и перенесшие их на бумагу... Считается, что ведущую роль в составлении единого Корана сыграл халиф

Мурат-ага Сафин с копией Корана Османа.

Осман (Усман). Он при своей жизни успел изготовить четыре экземпляра Священной книги, судьба одного из которых в настоящее время доподлинно известна - он хранится в Ташкенте, в Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана. Но Корану Османа пришлось пережить многие испытания, прежде чем он обрел, надеемся, последнее и постоянное пристанище.

Мусульманам Коран Османа дорог прежде всего тем, что его страницы орошены кровью халифа, убитого во время мятежа 17 июня 656 года. Коран в 14 веке оказался в Самарканде и долгие годы хранился там в мечети Ахрара. Как это произошло?

Существуют данные о том, что в четырнадцатом веке в центральной Азии жил религиозный деятель и врач по имени Ахрар (Ходжа Ахрар). После совершения со своими сподвижниками хаджа по пути домой он заехал в Стамбул, где застал местного правителя больным. Состояние его было до того плохим, что Ахрару, если тот сможет вылечить султана, было обещано исполнение любого желания. Исцеление наступило, и Ахрар попросил у хозяина Коран Османа, что было незамедлительно выполнено.

Есть и другая версия. Известный узбекский историк, профессор Зиёев считает, что Коран халифа Османа в Самарканд из Стамбула привез Аксак-Тимур после разгрома армии турецкого султана Баязита и хранил самый ценный трофей этой войны в своем дворце. И только в конце XV века, когда власть династии Тимуридов начала ослабевать, Коран оказался в мечети, носившей имя Ахрара...

Обе эти точки зрения имеют под собой серьезные основания. И у специалистов по истории ислама по поводу обстоятельств появления Корана Османа в Самарканде до сих пор единого мнения нет. Как бы там ни было, Коран, вышедший из-под пера ученика великого Пророка, без сомнения, является наиболее ценным среди памятников мусульманской истории, которые когда-либо оказывались на территории бывшего СССР. А тот вышеупомянутый факт, на который указывают многие источники - следы крови халифа Османа на страницах его Корана - делают книгу объектом поклонения мусульман. И, наконец, ряд исторических документов называют самаркандский экземпляр вообще самой

первой рукописью Корана. Поэтому на протяжении многих столетий место хранения Корана Османа - мечеть Ахра - считалось в мусульманском мире одним из святых и наиболее почитаемых.

Такое положение сохранялось до самого момента завоевания Средней Азии Россией. В 1868 году, когда был взят Самарканд, русские генералы, объясняя необходимостью научного изучения раритета, решили увезти Коран Османа в Петербург. Несмотря на сопротивление местного духовенства, Коран был выкуплен за 125 рублей и отправлен в столичную императорскую библиотеку.

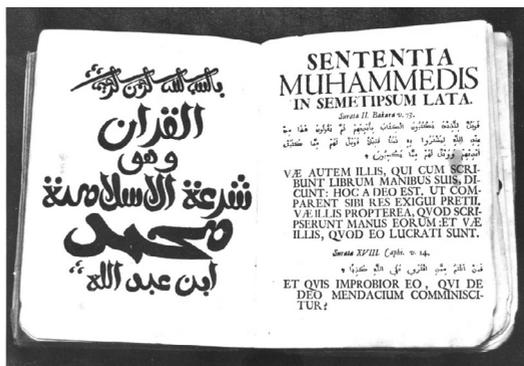
Российская мусульманская общественность постоянно прилагала усилия для восстановления исторической справедливости. Особенно после первой русской революции. И дело не всегда ограничивалось обращениями к царю Николаю II и различным органам власти, которые особо участились после выхода 17 апреля 1905 года Закона о веротерпимости. После Февральской революции, весной 1917 года, мусульманские солдаты Преображенского полка даже подняли мятеж и хотели добиться возвращения Корана Османа законным хозяевам. Но выступление было пресечено, и вопрос снова остался открытым.

Он решился после Октябрьской революции, и истина, наконец, восторжествовала. В декабре 1917 года СНК РСФСР, принимая во внимание обращение съезда мусульман Петроградской губернии, решил передать Коран Османа Духовному управлению мусульман в Уфе. Потом книга, пробыв там все годы гражданской войны, 18 августа 1923 года вернулась в Самарканд, в мечеть Ахра.

Но испытания, выпавшие на долю Корана Османа, на этом не закончились. Через некоторое время Коран Османа был снова изъят из мечети и помещен в другое место – в Музей истории Узбекской ССР, где пролежал в сейфе до 1989 года. И мусульмане все эти годы были надежно отлучены от него.

И только перестройка позволила верующим вновь обрести бесценную реликвию. «...Самаркандский куфический (один из способов письма в арабской графике – прим. ред.) Коран» - так написано на титульном листе экземпляра Священной книги, который я нашел в Самарской областной библиотеке. И далее следуют такие слова: «По преданию, писанный собственноручно треть-

им халифом Османом (644-656) и находящийся в С.-Петербургской публичной библиотеке». И тут же перевод всего написанного на французском языке. Думается, прилагаемая фотография позволяет увидеть непривычные размеры Петербургской копии

Корана Османа. Весит она примерно 23 килограмма, толщина - 7, ширина - 70 и высота 50 сантиметров. Содержит около четырехсот страниц. Тираж - всего 50 экземпляров.

Изготовлен Коран на добротной бумаге, обложка из бархата и шелка. С момента выхода книги в свет хоть и прошло 90 лет, она, тем не менее, находится в достаточно хорошем состоянии.

Разумеется, приобрести такое социальное издание было по карману только очень состоятельным людям, ведь стоил Коран 500 рублей! Чтобы понять реальную на тот год цену книги, можно напомнить, что пуд зерна в зависимости от качества стоил тогда от 60 копеек до 1 рубля.

Но память о халифе Османе в виде копии его Корана стоит таких денег.

Относительно «самарской» (по месту нахождения) копии Корана Османа остается один вопрос, на который пока нет ответа: как она оказалась в Самаре. Документов, указывающих на время и обстоятельства ее «переезда» в наш город, я не нашел. Ситуацию не смогли прояснить и сотрудники библиотеки, даже те, кто работал здесь длительное время - с послевоенной поры. Исходя из этого, я беру на себя смелость предположить, что случилось это в годы войны. Именно тогда, как мы знаем, из Москвы и Ленинграда в тыл были эвакуированы многие экспонаты музеев и ценные книги библиотек. В их число, по-видимому, попала и копия Корана Османа.

Мурат САФИН, краевед.

Во благо Самары и ее жителей

Существует выражение: «на роду написано». Далеко не каждому человеку судьбой предопределена роль общественного деятеля, ратующего за интересы людей, среди которых он живет и работает. И это – зачастую в ущерб своим личным интересам, своей личной жизни. Но именно благодаря таким творится история.

В нашем случае речь пойдет о человеке, который в эпоху потрясений начала нашего века и в первые годы Советской власти был в центре общественной жизни Самары и губернии.

Махмут Хусаинович Баишев родился в 1872 году в городе Кузнецке Саратовской губернии. Но ещё в раннем детстве с родителями переехал в Самару, с которой впоследствии связал всю свою жизнь.

Отец – Хусаин-бабай держал ломовой обоз, обслуживал купцов, торговавших хлебом, а также лесом, другими стройматериалами. И своего сына с малых лет приучал к труду. Был строг, воспитывал Махмута в традиционно мусульманском, татарском духе и прививал ему честность, старательность, порядочность. Он любил часто повторять: «Знай свою работу, трудись и Богу молись».

Отец – Хусаин-бабай держал ломовой обоз, обслуживал купцов, торговавших хлебом, а также лесом, другими стройматериалами. И своего сына с малых лет приучал к труду. Был строг, воспитывал Махмута в традиционно мусульманском, татарском духе и прививал ему честность, старательность, порядочность. Он любил часто повторять: «Знай свою работу, трудись и Богу молись».

Но мальчика не устраивало такое положение, он самостоятельно научился читать и писать. Причём, одинаково хорошо – на татарском и русском языках. Много читал, особенно религиозные книги – благо, они были написаны такими же буквами, как и в родном языке. И в последующем систематически пополнял свои

знания. Хотя официальных документов об окончании каких-либо учебных заведений у Махмута Баишева не было, он был достаточно образованным для своего времени человеком.

Он всю помогал отцу, сам много работал на тяжёлых физических работах. Вozил, например, кирпич на строительство Кафедрального собора, который стоял на месте нынешней площади имени Куйбышева.

Когда Махмуту было 16 лет, в его жизни произошли крутые изменения – от тифа умер отец, он остался хозяином обоза. Надо было вести дела. Семья задолжала купцам 500 рублей – огромная по тем временам сумма. В общем, нелегко пришлось молодому хозяину. Но ничего, выдюжил – и с долгами расплатился, и хозяйство расширил.

Баишев слыл честным и добропорядочным хозяином, поэтому многие компаньоны работали с ним на полном доверии, выписывали ему векселя...

Дела пошли в гору. Махмут женился на красивой девушке по имени Миннегайша, начал строить дом на улице Воскресенской (ныне – Степана Разина, 45). Кстати, дом до сих пор стоит там, но уже трёхэтажный. Хозяйство росло с каждым годом – каретник, кузница, сеновалы, мастерские и склады. Вскоре он обзавёлся ещё одним домом, уже на Дворянской (теперь Куйбышева).

Молодого предпринимателя хорошо знали в городе, особенно мусульмане. Поэтому именно его – красивого, грамотного, отлично говорящего по-русски (что в те времена имело большое значение) общественность выбрала – сейчас сказали бы – координатором строительства мечети 3-его прихода. Официально эта должность называлась тогда так: председатель Попечительского совета. Кстати, несколько десятилетий

Жена Махмута Баишева - Миннегайша.

назад это словосочетание вернулось в новую Россию и нашу жизнь.

Баишев с огромным желанием взялся за дело и со свойственным ему упорством и настойчивостью вёл его. Составлял письма в Городскую управу и Думу, завёл дружбу с губернатором В.В. Якутиным, был в хороших отношениях с православными священниками, в том числе, с самим Архимандритом, и всё это оказывало благотворное влияние на ход строительства.

А храмы, оказывается, и в те годы строились непросто. Пожелтевшие документы Госархива Самарской области свидетельствуют: много времени уходило на бесконечные согласования, «утрашения» и так далее. На получение окончательного разрешения, на начало строительства ушло целых пять лет.

Из приведённого ниже документа, думаю, читатель убедится, насколько медленно и трудно продвигалось дело. Это – выписка из решения заседания Самарской Городской Думы от 10 октября 1907 года:

«С ходатайством магометан, проживающих в гор. Самаре, об отводе им земли под постройку мечети со школою. От самарского мещанина Махмута Хусаиновича Баишева, по поручению от магометан, проживающих в г. Самаре. Ему поручили хлопотать перед Самарскою Городскою Думою об отводе места, почему он обращается с просьбою внести его прошение в Думу, поясняя в нём, что громадное большинство проживающих в городе Самаре магометан, составляют люди бедные, живущие трудом рук своих, так что набрать средств на постройку мечети со школою представляется весьма затруднительным, а потому они питают надежду, что Городская Дума не откажет отвести им просимое место.

А так как магометане живут преимущественно в районе 3 части г. Самары, северо-западной части, за Воскресенской (*ныне Самарской – ред.*) площадью, то ему – Баишеву поручено просить городской земли мерою в 600 кв. сажени по Соборной улице между Полевой и Оренбургской. А затем Махмут Баишев вследствие предложения Городской управы от 25 августа сего года за № 14912 доставил план местности, на которой магометанам предлагается постройка мечети.

Представляя изложенное на благоусмотрение Городской Думы, Городская управа полагала бы ходатайство магометан отклонить, ввиду того, что, если Дума согласится отвести просимое ей место – к ней обратятся все проживающие в городе иноверцы с такими же просьбами и отказывать им в этом будет неудобно.

Гласный (*депутат – прим. ред.*) А. А. Михайлов находит, что в данном случае согласиться с Управой невозможно. Обыватели городов состоят не из одних христиан и притом православных, но и из лиц других исповеданий, в том числе, и магометан. Если город охотно отводит свои свободные земли под церкви христиан, то как отказать в клочке земли под мечеть со школой. Думаю, что надо отвести.

Гласный М.Д. Чельшев также находит невозможным согласиться с мнением Городской управы, заметив, что город никогда не отказывает в отводе земли под больницы и школы, а в данном случае речь идет об отводе земли под церковь и отказывать в этом было бы ни с чем несообразно. «Если мы заботимся о просвещении, о развитии ума, то тем более должны позаботиться о душе, о представлении расширить религиозно–нравственные потребности людей. Оставлять душу без внимания – будет с нашей стороны неправильно и непростительно. Посмотрите, что делается с современной молодежью, которую стараются напичковать всякими знаниями, но забывают совершенно о религиозно-нравственном воспитании. Ведь по улицам становится опасно ходить. А тех, что грабят и убивают, нельзя считать неграмотными, таковых там нет. Одного образования и умственного развития для человека мало, ему необходима религия». Гласный предлагает удовлетворить ходатайство магометан отведением просимой земли.

Гласный П.Ф. Шишкин высказал то же самое: «В таких вещах нельзя отказать и делить обывателей на православных, магометан и других вероисповеданий. Все обыватели имеют право молиться и учреждать школы».

Городская Дума, согласившись с мнениями гласных, постановила: ходатайство удовлетворить...

В архиве хранится ещё множество документов, по которым можно проследить, как строилась мечеть, а также узнать много

интересного о жизни дореволюционной Самары. В них, в частности, говорится, что «Махмут Баишев принял на себя обязательства – построить означенную мечеть на свои средства, что «стоимость постройки в окончательном виде со строительными материалами и работой обойдётся в 8000 рублей». Здесь подробно описано, какие изменения производились в проекте мечети – сначала она предполагалась как деревянная, но, в конечном счёте, Попечительский совет и специалисты Строительного отдела Губернского Правления остановились на двухэтажном каменном варианте.

Ещё один интересный факт. Приводится список прихожан третьего прихода – в этом районе Самары (на месте Дворца спорта, напротив «Шанхая») в 1900-е годы проживали выходцы из села Тёплый Стан (больше всего), Сабакаево, Тюгальбуга, Мулловка, Кубань-Озеро, Филипповка и других. И множество сезонных рабочих лесной пристани.

Пока Баишев обивал пороги разных инстанций, строительство собора началось... А, когда в его руках оказались подписанные всеми чиновниками разрешительные документы, оно пошло ещё быстрее. И 7 июля 1913 года мечеть была открыта.

Строительство мечети на Оренбургском спуске было для Махмута Баишева серьёзнейшим испытанием. Он фактически был руководителем стройки, объединял силы прихожан-мусульман, городских властей, меценатов, и на нём лежала большая ответственность. Экзамен Баишев выдержал с честью и перед Первой мировой войной стал, пожалуй, наиболее видным мусульманским общественным деятелем Самары.

И это обстоятельство, а также желание принести своему городу ещё более ощутимую пользу подтолкнули его выдвинуть в 1913 году свою кандидатуру на выборах в Самарскую Думу. Обратимся вновь к документам.

Репортёры газеты «Волжское слово» 7 сентября 1913 года сообщают о собрании кандидатов в гласные Городской Думы и приводят слова из выступления кандидата от мусульман М.Х. Баишева. Он говорил следующее:

«Мусульманское население в Самаре очень велико. Мусульманам, так же как и русскому населению, дороги интересы города

Самары. О городском хозяйстве они болеют так же, как остальное население, потому что несут наравне с другими общие налоги, общую тяготу. Как я уже заявил на происходящих предвыборных собраниях, вступление в состав будущего Городского управления одного из нас – мусульман составляет крайнюю необходимость: мусульманское население должно иметь возможность заявлять о своих нуждах - ни в одном из предыдущих земских составов представителей от мусульман не было. Запросы и нужды обывателя весьма велики и ощутительны. Это должны помнить каждый избиратель и каждый вновь избранный гласный. Главная цель выступления мусульман в Думе это – требование от города просвещения для их детей. Ведь в нынешнее время жить человеку без просвещения, точно так же как быть без хлеба, нельзя. Само собой разумеется, гласный из мусульман, заботясь о просвещении своих единоплеменников, должен в то же самое время всячески поддерживать в Думе меры, имеющие своей целью удовлетворение просветительных запросов всего населения. Образование, свет, вода, мостовые и общедоступное лечение необходимы не только русскому населению, не только жителям окраин, но и татарам.

В заключении считаю нужным сознаться, что, изъявляя согласие выставить свою кандидатуру, я боюсь, что по своей правоте, пройдя в Думу, не всегда в состоянии буду сдерживать свои резкие порывы «резать не в бровь, а в глаз»...

Сами выборы состоялись 8 сентября. В число гласных Думы были избраны такие известные и влиятельные люди города, как М. Д. Челышев, А. Ф. Вакано (владелец Жигулевского пивзавода), В. П. Ушков (промышленник и крупный землевладелец) и многие другие. Среди них и М. Х. Баишев.

Махмут Хусаинович горячо взялся за новую работу и активно участвовал в решении проблем городской жизни. Он – один из активных участников строительства электрического трамвая. Неслучайно поэтому 12 февраля 1915 года в вагоне первого рейса, который вёл инженер всех строительных и проектных работ Сушкевич, среди почётных горожан ехал и Баишев. Самый первый маршрут самарского трамвая пролегал от депо на Верхней Полевой до Алексеевской площади (ныне площадь Революции). А к концу

того же года по улицам Самары уже курсировало 30 вагонов пяти маршрутов, и новый вид транспорта всё больше и больше брал на себя основную нагрузку по перевозке пассажиров быстро растущего города.

Не оставались без его внимания и чисто мусульманские дела. Именно благодаря хлопотаниям М. Х. Баишева в те годы городские власти выделили новое место под мусульманское кладбище. Это – в районе Вокзальной площади, чуть к востоку от неё, где теперь располагаются железнодорожные склады и сооружения. Территория была очищена и загорожена. Глубоко символичен тот факт, что сам Махмут-ага после кончины 20 августа 1943 года обрёл вечное пристанище именно здесь.

Но это было потом. А в те дореволюционные годы Баишев находился в самой гуще городской и мусульманской жизни. По просьбе татар он поехал в Казанскую губернию, в город Чистополь, и привёз оттуда супругов-учителей Хадичу и Закира Тинбековых. И мугаллимы долгие годы жили в Самаре, обучали татарских детей грамоте и давали им хорошее образование. Учащиеся с их помощью изучали не только родной язык, но и арифметику, географию и многие другие полезные науки. Баишев состоял также членом Благотворительного фонда «Хайрия» и оказывал помощь сиротам и малоимущим.

...В августе 1914 года грянула Первая Мировая война, которая коренным образом изменила жизнь людей: военное положение, госпитали, беженцы... Гласному Городской Думы Махмуту Баишеву приходилось решать проблемы снабжения огромного по тем временам города продовольствием и предметами потребления. Читаем журнал чрезвычайного заседания Думы от 1916 года. Стенографисты отмечают:

«Баишев считает необходимым передать вопрос о борьбе с дороговизной в Государственную Думу, и чтобы местная административная власть оказала давление на первые руки, из которых идут продукты первой необходимости. Мы, говорит гласный, ничего не можем сделать без Государственной Думы, железная дорога не даст вагонов и город останется без продуктов...».

В Самаре тогда оказалось много пленных турок. Турция – союзник Германии - воевала тогда против России. Но Баишеву

были присущи, как бы сейчас мы сказали, общечеловеческие ценности – он стоял выше классовых и политических принципов, ему одинаково понятны были боль раненных воинов как российской армии, так и её противников. Махмутага оказывал помощь и пленным туркам, закупал для них лекарства, помогал им в отправке на родину.

Второй раз Баишева избрали депутатом в ещё более сложное и противоречивое время – в июне 1918 года. Большевики, КОМУЧ, чехословацкий мятеж, тысячи беженцев, тиф, голод, всплеск преступности – в Самарском крае царила полная анархия. На первом заседании новой Думы М. Баишев (от «группы беспартийных мусульман») говорил:

«Я призываю Думу оставить партийные раздоры и приступить к деловой работе, а работы много. В особенности в области борьбы с голодом, самоохраны и образованию народных масс...» Он не только призывал, но и сам делал множество полезных Самаре дел.

Потом был двадцать первый год – чудовищный голод, гибель миллионов людей. И здесь Махмут Баишев вместе с народом переживает беду: помогает организовать питание голодающим, отправку их в другие районы страны, едет в Ташкент – «город хлебный» и, сдав там свои драгоценности, привозит целый вагон муки, избавляя, таким образом, от смерти многих своих земляков.

Самарский татарин в традиционной одежде конца XIX века.

...В последующие годы Махмут Хусаинович отошёл от активной общественной деятельности. Потому что опыт и знание таких людей, как Баишев, при новой власти оказались не востребоваанными. Потом постепенно в упадок пришло и хозяйство предпринимателя – деловая активность времён НЭПа лишь отчасти напоминала бурную когда-то торгово-промышленную жизнь купеческой Самары.

Но главные тяготы и лишения были ещё впереди. В 1924 г. после тяжёлой болезни Махмуту–ага ампутировали ногу, а через пять лет, в двадцать девятом, его как «домовладельца-эксплуататора» выселили из принадлежащего до того Баишевым дома на Советской (теперь – это улица Куйбышева).

«Все мы: родители, дети, бабушка оказались на улице, - вспоминает дочь Махмута Хусаиновича Наилья-апа. – Ночевали у друзей и родных, с большим трудом, наконец, нашли квартиру на улице Водников, где живём до сих пор. А многие ценные вещи, богатая библиотека исчезли бесследно...»

Потом взялись за религию. В 1930 году была закрыта Соборная мечеть, камни которой впитали столько пота и крови Махмута Баишева. А в конце тридцатых в сталинских застенках погибли многие из тех, кто вместе с ним строил мечети и поднимал мусульманскую религию.

Всё это не могло не сказаться на настроении и образе жизни М. Х. Баишева. Последние свои годы он провёл с семьёй...

Пик общественной деятельности Махмута Баишева пришёлся на начало века. Тем не менее, жизненный пример земляка актуален для наших современников, в том числе, и состоятельных. Это – пример служения своему народу.

Мурат САФИН.

В памяти народной

Горестная весть быстро разнеслась по Куйбышеву, городам, районам и сёлам, соседним областям и республикам: он умер... Многим не верилось, что Ибрагим-хазрат – символ стойкости и непоколебимости, служения своему делу, человеческой мудрости и огромного жизненного опыта может вот так взять и уйти, оставив на брэнной земле всех, кого учил добру и вёл к праведной жизни.

Ибрагим Ганеев за работой. 50-е годы.

Уже с утра сотни и сотни людей устремились к его дому, что находился в частном секторе в районе нынешнего кинотеатра «Россия», чтобы проститься со своим наставником и учителем. Через несколько часов они заполнили все прилегающие улицы и переулки. Людское море раскинулось до того широко, что уже к полудню у универсама «Самара» пришлось на время пере-

крыть движение троллейбусов. А когда после прочтения женазнамаза, тело понесли на кладбище, на площади Урицкого остановились трамваи, чтобы пропустить многотысячное шествие мусульман, провожающих Ибрагима Ганеева в последний путь... Горожане с удивлением смотрели на эту процессию.

Это было 30 июня 1968 года. Расцвет «развитого социализма», только что отгремело 50-летие Октября, полная победа социалистического образа жизни и мысли и т.д. и т.п. Казалось бы, государство сделало всё, что в его силах, чтобы вытравить из людей религиозное и желание жить по законам предков. Но памятное событие такого жаркого лета говорило об обратном – попытки оказались тщетными.

А государство делало для этого, действительно, немало. Жизнь Ибрагима Ганеева – лучше иллюстрации тому не найти.

...Он родился в селе Татарское Урайкино Помряскинской волости Ставропольского уезда (ныне – Старомайнинский район Ульяновской области). Архивные материалы говорят о том, что молодой имам уже в 23 года попал в «чёрный список» социально-опасных для Советской власти элементов и жил с этим клеймом многие десятилетия. В 1925 году его лишили избирательных прав «как пономарь». Так сказано в документе райисполкома. Видимо, чиновник, писавший его, до того точно разбирался в религиозных терминах, что не знал: слово «пономарь» относится к служителям православного культа. Или же было всё равно – и те, и другие несли «опиум для народа». И всех надо выжигать клёным железом.

В 1930 году «лишение» подтвердили. В решении об этом в графе «Имущественное положение» отмечено: «Бедняк. Кроме дома, ничего нет». К этому времени у И. Ганеева произошли первые потрясения – годом раньше умерла жена Жамалия, оставив двухлетнюю Данию и двухмесячного Ильгама. А потом раскулачили тестя, вслед за ним и отца: у обоих отобрали таким трудом нажитое добро и с несколькими узлами ручной клади выселили в Казахстан. С отцами покончили. Потом взялись за детей. Ибрагим вынужден был уехать из родной деревни.

Так он с новой женой (звали её Хуснулхатима) и маленькими детьми оказался в Сибири, в таёжном краю. Вскоре Ибрагим Ганеев и несколько семей родственников обосновались в городке Ишим Новосибирской области. Сам он устроился на работу в магазин. На свет появилось ещё двое детей, тайком от людского глаза Ибрагим читал Коран, продолжал самообразование, искал в трудах мусульманских богословов объяснение сути происходящего... Из родных краёв тем временем доходили вести о повсеместном закрытии мечетей, массовых арестах имамов. Ганеев надеялся, что их горькая судьба его-то минует стороной. Тем более, на родине с 1930 года он не появлялся совсем.

Но Ибрагим жестоко ошибался: если один раз человек попал в поле зрения НКВД, его зловещие сети опутывали на долгие-долгие годы. Не то что из Сибири – из-под земли достанут.

...За ним пришли 28 июля 1937 года. Заодно взяли родственников. Среди них был муж старшей сестры, а также Махмут-хазрат и другие. Все они жили кучно, неподалёку друг от друга. Позже Ибрагим-хазрат вспоминал: «Выстроили нас в тюрьме райотдела НКВД, и человек в форме с ромбами и хромовых сапогах стал прохаживаться перед строем. «Тебе пять лет дадут, тебе – десять лет лагерей...», - говорил он, тыкая в арестантов пальцем».

И был прав – через шесть дней, действительно, состоялся суд, «тройка» в составе начальника милиции, прокурора и секретаря райкома партии очень быстро «рассмотрела» дело. Времени было в обрез, потому что на очереди было еще множество «врагов народа». Всех обвинили по различным пунктам 58-й статьи: контрреволюционная деятельность. Ибрагиму Ганееву определили 10 лет, которые он отбыл, как в таких случаях говорят, от звонка до звонка – его освободили 28 июля 1947 года. А его родственники бесследно сгинули в сталинских лагерях.

Всё рухнуло в одночасье: семейная жизнь, работа, какие-то надежды на будущее – поздний вечер 28 июля 1937 года стал границей между прошлым и будущим: неизвестным, тревожным и страшным.

Семья врага народа... «Дамоклов меч» репрессий навис над женой и четырьмя детьми Ибрагима Ганеева. Хуснулхатима-апа, собрав свои нехитрые пожитки и взяв детей, которые были один меньше другого, подалась в родную деревню. В Татарском Урайкино оставался брат мужа. «Сдав» ему двух старших – Данию и Ильгана, сама с двумя родными детьми быстренько отправилась в Среднюю Азию. Тогда этот далёкий от России и Центра край стал убежищем для многих «врагов Советской власти». В пёстром многоязычном Ташкенте (или Душанбе, или Ашхабаде, или Самарканде – все равно) члены семей «врагов народа» могли раствориться, начать новую жизнь и избежать лагерей или смертной казни.

... О десятилетней лагерной жизни И. Ганеева известно мало. Сам он неохотно рассказывал об этом – не привык жаловаться на судьбу, но, главное, за слишком хорошую память о прошлом тогда, в советские годы, можно было получить новый срок.

Документов особых о том периоде тоже нет, за исключением справки из Новосибирского областного управления милиции.

Но можно сказать уверенно – эти годы для Ибрагим-хазрата прошли не зря. С ним вместе отбывали наказание многие мусульманские священнослужители, и они все помогали друг другу преодолевать невзгоды тюремного быта, пополнять свои знания и готовиться к будущей «вольной» жизни. Вот и всё, что известно о 10 годах, проведенных Ибрагимом Ганеевым в Тайшетлаге, в тайге, к северу от озера Байкал.

В конце лета 1941 года к нему приехали дети. «Сразу же с началом войны дядя (старший брат отца) и десятки урайкинских мужчин ушли на фронт, - вспоминает его дочь Дания-апа. – Чтобы не тяготить больше его семью, мы с Ильгамом решили поехать к отцу. Сама четырнадцатилетняя девчонка, я взяла братишку за руку, маленького, худого, и мы голодные, без денег пошли на станцию и поехали на восток. Где пешком, где на попутной машине, но больше на поезде (сидя в деревянной кабиночке, что бывали раньше с цистернами) мы ехали в далёкую сибирскую тайгу – в Тайшет.

Мир не без добрых людей... Милиционер отвёл нас к лагерным баракам, там нас встретили, там мы в первый раз за столько времени наелись досыта. Начальник лагеря - полковник НКВД Назаров распорядился расконвоировать отца, и мы целый месяц жили с ним в комнатухе при колонии. Отец договорился с лагерным начальником, чтобы нас отвезли в иркутский детдом. На прощание он сказал: «После войны поезжайте в Куйбышев к нашему родственнику Касыму Гатауллину, даст Аллах, я приеду и вас там найду». Благодаря его стараниям и молитвам мы с братом, правда, в разных детских домах благополучно пережили войну и уже летом 1945 года были в Куйбышеве».

Отбыв к июлю 1947 года свой десятилетний срок заключения, Ибрагим Ганеев вернулся к детям. Судьба распорядилась таким образом, что в тяжелейших условиях тоталитарного государства, жестоко подавлявшего любое инакомыслие, тем более, религиозное мышление, раскрытие его таланта как богослова и проповедника, полное общественное признание пришло к Ибрагиму Ганееву в куйбышевский период его жизни.

Местом своего проживания Ибрагим-хазрат выбрал Куйбышев, конечно, не случайно. Многочисленная мусульманская община, несмотря на запреты властей, хотя и в скрытой форме, соблюдала обычаи предков, жила своей жизнью. Наши люди в лихую годину лишений военной и послевоенной поры всячески помогали друг другу. К тому же, многие участники «подпольных» незаконных молений еще недавно были на фронте и проливали кровь за свою Родину. Их право жить по совести мало кто мог оспорить. Некоторые даже осмеливались приходить сюда в орденских планках. Поэтому сталинскому режиму проводить политику давления на религию было уже не так просто, как, скажем, в предвоенный период.

Но всё же о свободе вероисповеданий не могло быть и речи. Под особым бдительным контролем органов были священнослужители, отбывшие сроки за свои убеждения. Причём, они для достижения своих целей шли на различные, порой неожиданные, хитрости.

...Вскоре после прибытия из лагеря Ибрагим-хазрат побывал в родном селе – Татарском Урайкино, теперь уже Ульяновской области. Там ему по старой доброй памяти земляков удалось получить «чистый» паспорт. Нормальное, естественное желание невинного человека обзавестись нужным документом, чтобы дальше спокойно жить и работать.

И что же: уже скоро в Куйбышеве в его карман залезает вор и вытаскивает деньги и документы. «Станным» образом новый паспорт Ганеева оказывается в Куйбышевском управлении МГБ. По-видимому, вор-карманник выполнял спецзадание органов. И, очевидно, по наводке «стукача». А, может, это был не вор, а специалист – оперативный сотрудник органов.

Можно представить состояние И. Ганеева, когда он узнал об этом: страшно переживал, не спал несколько ночей подряд. Но, ничего, обошлось, никаких мер не последовало.

Уже в декабре 1947 года он провел здесь первый обряд бракосочетания - прочитал никах молодожёнам. Ими были Рабига Ситдикова и Мулланур Батыршин. Этот первый выход в люди – осторожный и полуполюгальный (всё в соответствии с атмосферой деятельности) - положил начало росту необычайно высокого авторитета Ибрагим-хазрата Ганеева.

Председатель ДУМЕС, муфтий Шакир Хиялетдинов и имам куйбышевской мечети Ибрагим Ганеев. 1968 год.

Мы очень часто делаем поправку на то время и ту эпоху. И это далеко не случайно. Нам, живущим в начале XXI века, трудно представить, что тогда в Куйбышеве не было мечетей, национальных газет, Интернет-сайтов, которые рассказывали бы об имамах, праздниках и так далее. Религия была загнана в глубокое подполье, и наши отцы собирались на намаз, как на большевистские маевки в дореволюционные времена. Но меры властей имели мало успеха, куйбышевские татары не сдавались - продолжали собираться на намаз, ифтар, курбан-меджлис, проповеди Ибрагима-муллы, который был дорогим гостем в домах куйбышевских мусульман. Несмотря на огромные испытания и лишения, выпавшие на долю этого человека, он остался открытым, душевным и добрым. И был великолепным проповедником. Его спокойный и проникновенный голос мгновенно овладевал аудиторией.

По словам известного многим самарским татарам Хайдаржана-хаджи Сафиуллина, тогда ещё молодого человека, проповеди Ибрагим-хазрата оказывали на собравшихся такое же сильное впечатление, как, например, посещение паломниками священных мест в Мекке. Ганеев так умел убеждать, приводил такие сильные

и простые аргументы, что многие мусульмане плакали от переполнения чувств. Хазрат говорил об истинном смысле жизни, доброте, взаимопонимании, тяжелом времени, в котором живут народы нашей страны. (Кстати, Хайдаржан-ага Сафиуллин, как бесценные реликвии, хранит магнитофонные катушки с записями голоса Ибрагима Ганеева. Это - проповеди хазрата, что называется из первых уст. Хорошо было бы их «расшифровать», перенести на бумагу и издать в книжном виде).

Ибрагим-хазрату не давали покоя. То вызов в управление КГБ, то грязный фельетон в газете... Он расстраивался, недоумевал: «За что?» По свидетельству муфтия Вагиз-хазрата Яруллина, в квартире на улице Куйбышева, где хазрат поначалу жил, не умолкал сетевой приёмник, на всякий случай заглушая все разговоры. Все знали, что при чужих людях его нельзя было называть «Ибрагим-мулла» или «Ибрагим-хазрат». Сам он принимал такие меры конспирации как неизбежное и продолжал работать, призывая своих земляков не забывать традиции предков, родной язык и обычаи.

А для властей же «указсыз мулла» официально был санитаром, который на татарском кладбище заведует делами по погребению умерших. Вот такая скромная должность и такое небывалое народное признание. Обращает на себя внимание такой факт: в документах Уполномоченного по делам религий и других государственных органов Ибрагим Ганеев нигде не упоминается – друзья и сподвижники делали все, чтобы не «засветить» его и уберечь от возможных преследований. И это, как видим, удалось.

Конспирация была такой глубокой, что иногда даже передвигаться по городу надо было скрытно. В этом случае на помощь часто приходил Хусаин-бабай Галиуллин, на мотороллере развозивший по магазинам мороженое. В его мотоциклетной будке устраивались Ибрагим-хазрат и Фатыма-абыстай и добирались таким необычным способом до нужного места.

У Ибрагима Ганеева выросли дети, достойные своего отца. До сих пор выпускники Казанского университета добрым словом вспоминают лекции Ильгама Ибрагимовича Ганеева (уже отошедшего в мир иной). Дочь Дания-апа (в замужестве Шамсутдинова) долгие годы проработала администратором Куйбышевской областной филармонии.

...Своеобразная духовная «легализация» Ибрагим-хазрата произошла в конце 1967 года, когда в Куйбышеве, на Малом

В последний путь...

Тупике, открылась мечеть. По всему чувствовалось, что Советское государство начало понемногу давать волю верующим.

Для мусульман вопрос об имаме не стоял – они и до этого 20 лет шли за своим наставником и на первом собрании прихода единодушно проголосовали за него. Весной 1968 года в мечеть приехал председатель ДУМЕС, муфтий Шакир-хазрат Хиялетдинов, который вручил Ибрагиму Ганееву «форменную» одежду – чалму и чапан.

Казалось, для Ибрагим-хазрата начинается новая жизнь, и всё плохое и тяжёлое осталось далеко позади. Но ссылки, лагеря, многие годы преследований не прошли бесследно, и летом шестьдесят восьмого организм имама не выдержал очередной гипертонический криз. Приехавший к утру первым же поездом главный казый уфимского Духовного управления Камал-хазрат на его похоронах сказал: «Это - действительно, невосполнимая утрата, мы потеряли славного человека, истинного духовного наставника и крупного знатока ислама».

...Тело Ибрагим-хазрата Ганеева покоится у главного входа в кладбище на 6-м Тупике. Скромный постамент, короткая надпись, годы жизни «1902 - 1968» на чистом граните. Таком же крепком материале, из которого был сделан этот удивительный человек.

Шамиль ГАЛИМОВ.

История в документах

«КО ВСЕМЪ ТРУДЯЩИМСЯ МУСУЛЬМАНАМЪ РОССІИ И ВОСТОКА»

ОБРАЩЕНИЕ отъ 24 ноября 1917 года

Товарищи! Братья! Великія событія происходятъ въ Россіи. Близится конецъ кровавой войне, начатой изъ-за дележа чужихъ странъ. Падаеть господство хищниковъ, поработившихъ народы міра. Подъ ударами русской революціи трещить старое зданіе кабалы и рабства. Міръ произвола и угнетенія доживаетъ последніе дни. Рождается новый міръ, міръ трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революціи стоитъ рабочее и крестьянское правительство Россіи, Советъ Народныхъ Комиссаровъ...

Мусульмане Россіи, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которыхъ разрушались, верованія и обычаи которыхъ попирались царями и угнетателями Россіи!..

Отныне ваши верованія и обычаи, ваши національныя и культурныя учрежденія объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою національную жизнь свободно и безпрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, какъ и права всехъ народовъ Россіи, охраняются всей мощью революціи и ея органовъ, Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ...

Товарищи! Братья! Твердо и решительно идемъ мы къ честному, демократическому миру.

На нашихъ знаменахъ несемъ мы освобожденіе угнетеннымъ народамъ міра.

Мусульмане Россіи! Мусульмане Востока! На этомъ пути обновленія міра мы ждемъ отъ васъ сочувствія и поддержки.

**Председатель Совета Народныхъ Комиссаровъ
В.УЛЬЯНОВЪ (ЛЕНИНЪ).
Народный Комиссаръ по національнымъ деламъ
ДЖУГАШВИЛИ - СТАЛИНЪ.**

(Печатается в сокращении).

Путеводитель по улицам Самары

(их названия в начале XX века и теперь)

Агибалова – Полевая;
Братьев Коростелевых – Уральская;
Буянова – Сенная;
Венцека – Заводская;
Вилоновская – Александровская;
Водников – Преображенская;
Галактионовская – Троицкая;
Горького – Набережная реки Волга;
Кутякова - Духовная;
Арцыбушевская - Ильинская;
Комсомольская – Успенская;
Красноармейская - Алексеевская;
Крупской - Старо-Самарская;
Куйбышева – Дворянская;
Куйбышева площадь – Соборная;
Ленинградская – Панская;
Ленинская – Сокольничья;
Маяковского – Торговая;
Молодогвардейская – Соборная;
Некрасовская – Предтеченская;
Никитинская – Соловьиная;
Пионерская – Воскресенская;
Рабочая – Почтовая;
Революции площадь – Алексеевская;
Степана Разина – Вознесенская;
Садовая и Самарская – названия не менялись;
Толстого Алексея – Казанская;
Толстого Льва – Москательная;
Ульяновская – Симбирская;
Фрунзе – Саратовская;
Хлебная площадь – Полицейская;
Чапаевская – Николаевская;
Чкалова – Оренбургская;

Список

использованной литературы и источников

- Административно-территориальное деление Самарской губернии. 1851–1928. Справочник. - Самара, 2011.
- Адрес-календарь Самарской губернии на 1908 год. - Самара, 1907.
- Весь Куйбышев, 1936 год. Куйбышев, 1935.
- Власть и общество в России. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции, посвященной жизни и государственной деятельности П. А. Столыпина. Ответ. редактор П.С. Кабытов, - Самара, 2011.
- Вся Самара, 1925 год. - Самара, 1925.
- Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX - XX в.в. – Н. Новгород, 2008.
- Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. - Куйбышев, 1986.
- Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-востока Европейской части России. - Самара, 2004.
- Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI - XVII вв. - Самара, 1999.
- Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи.- Казань, 2007.
- Земля Самарская. Очерки истории Самарского края. Под ред. Кабытова П.С., Савельева П.И. и др. - Куйбышев, 1990.
- Земско-статистический сборник по Самарской губернии на 1914 год. - Самара, 1914.
- Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Составитель Арапов Д.Ю. - М, 2001.
- Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX – XXI вв. Сборник документов и законодательных актов. Составитель Юнусова А.Б. - Уфа, 2009.
- Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Под ред. Набиева Р.А., Минегулова Х.Ю., Хакимова Р.С. и др.- Казань, 2004.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века (Кабытов П.С., Васильев И.Б., Дубман Э.Л. и др.) – М. «Наука», 2000.

- Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография. Казань, 2005.
- Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция. 1917 – 1918 гг. - М. Изд-во «Мысль», 2004.
- «Календари Самарской губернии» на 1899 и 1908 годы. Самара, 1898 – 1907 гг. изд.
- Кандауров С.П., Курятников В.Н. Малая родина большого города. - Самара, 1996.
- Карпов А.Б. Уральцы. - Уральск, 1911.
- Краеведение. Природа и население Самарского края. - Самара, 1923.
- Лепехин И.И. Дневные записки. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб, 1771-1805.
- Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. Журнал Министерства внутренних дел, 1860.
- Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. – Куйбышев, 1958.
- Ногманов А.И. Самодержавие и татары. - Казань, 2005.
- Паллас П.С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. - СПб, 1773 – 1778. Часть 1.
- Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. - Самара, 1911.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, 1767 – 1769. Т. 18. - СПб, 1830.
- Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. – Самара, 1923.
- Протопопов И. Краткий историко-статистический очерк Самарской губернии. Самара, 1901.
- Россия. Полное географическое описание. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. - СПб, 1901.
- Самара губернская. 160 лет в зеркале архитектуры. - Самара, 2011.
- Самарская губерния... Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии), в 2-х тт., - Самара, 2000.
- Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Под общей редакцией профессора П.С. Кабытова и профессора Л.В. Храмова. Книга первая. - Самара, 1993.
- Самогоров В.А., Сысоев Е.А., Черная Ю.Д. Деревянная и каменно-деревянная архитектура Самары конца XIX – начала XX вв. - Самара, 2011.

- Сафин И.Х. Ислам в Самарской области. К 100-летию начала издания в Самаре первого российского экономического журнала на татарском языке. - Самара, 2008.
- Сборник статистических сведений по Самарской губернии. М., 1884.
- Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Под ред. И.М. Красноперова. - Самара, 1892.
- Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. - Самара, 2003.
- Статистические таблицы Самарской губернии за 1870 год. Отдел народонаселения. Самарский уезд. - Самара, 1871.
- Струков О.С. Старая Самара. Фотоальбом. Куйбышев, 1963.
- Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. - Казань, 2008.
- Таиров Н.И. Акчурины. - Казань, 2002.
- Татарский энциклопедический словарь. - Казань, 1999.
- Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII - XX вв. - Казань, 2001.
- Хисматова Г.Н. Журнал «Икътисад» как отражение развития татарской экономической мысли начала XX века (на тат. яз.) - Казань, 2002.

В работе использованы документы:

- Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО);
Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ);
Российского государственного архива древних актов (РГАДА);
Российского государственного исторического архива (РГИА);
Государственного архива Ульяновской области (ГАУО);
Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ).
А также материалы сайта Г. В. Бичурова «Самара в открытках и фотографиях».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пространство и время.....	4
История до Исторической мечети.....	8
Жизнь в губернском центре.....	23
Отделена от государства.....	82
Взятие мечетей.....	95
Право имеем.....	135
Второе рождение.....	152
Фабрикант и благотворитель.....	174
Копия Корана Османа.....	189
Во благо Самары и ее жителей.....	193
В памяти народной.....	202
«КО ВСЕМЪ ТРУДЯЩИМСЯ МУСУЛЬМАНАМЪ РОССИИ И ВОСТОКА».....	210
Путеводитель по улицам Самары.....	211
Список использованной литературы.....	212

Научно-краеведческое издание

Галимов Шамиль Хайдарович

Прошлое

как вера в будущее

**К 120-летию Самарской Исторической мечети
(1891 - 2011 гг.)**

Верстка и дизайн - Нуретдинова Р.
Корректор - Газимова М.

Предпечатная подготовка - редакция газеты «Азан»
(443009, г. Самара, ул. Воронежская, 9.
Дом дружбы народов.
Тел.: 274-28-01, факс 997-15-84,
e-mail:azan06@mail.ru)

Подписано в печать 0.0.2011 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Гарнитура Arial T_Сур.
Печать офсетная. Объем 18,5 печ. л.
Тираж 700 экз. Заказ № 000

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1
Тел.: (846) 267-36-83, 267-36-82
e-mail: slovo@samaramail.ru